

И
Л

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

Платформа

СА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Составитель

серии

М.Кормильцев

MICHEL HOUELLEBECQ
Plateforme

ИНОСТРАНКА

О
Д
Ь

[Экскаваторы дружно взмахнули шарнирными лапами и разом обрушили ковши на человека, разрубив его тело на семь или восемь частей; голова же дьявольским образом продолжала жить...]

И
А

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

0 1 5

1
}

Plateforme

MICHEL HOUELLEBECQ

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

Платформа

роман
перевод с французского
Ирины Радченко

ИНОСТРАНКА

2003

УДК 821.133.1–311.1Уэльбек

ББК 84 (4Фра)–44

У98

Составитель серии И.Кормильцев

Ответственный редактор серии Е.Пучкова

*Художественное оформление
и макет серии А.Бондаренко*

*Издание осуществлено при участии
издательства Б.С.Г.-ПРЕСС*

Уэльбек М.

У98 Платформа: Роман / Пер. с франц. И.Радченко. — М.: Иностранка, 2003. — 344 с. (За иллюминатором).

ISBN 5—94145—111—3

Мишель Уэльбек (род. 1958) — поэт, эссеист, прозаик, самый полемичный и самый продаваемый во Франции и в Европе автор. На родине его называют культовым писателем и “Карлом Марксом секса”. Каждая его книга — бестселлер. Роман “Элементарные частицы” (Les particules élémentaires, 1998), переведенный на 26 языков мира, номинировался на Гонкуровскую премию и удостоен “Гран-при” в области литературы и престижной Дублинской премии. Роман “Платформа” (Plateforme, 2001) получил приз Парижского кинофестиваля 2002 г. “Кинороман” (Ciné Roman), присуждаемый за лучшее литературное произведение, на которое следует обратить внимание ведущим кинорежиссерам с целью его экранизации.

УДК 821.133.1–311.1Уэльбек
ББК 84 (4Фра)–44

ISBN 5—94145—111—3

- Flammarion, 2001
- И.Радченко, перевод на русский язык, 2002
- “Иностранка”, состав, оформление, 2002
- “Иностранка”, издание на русском языке, 2002

Programme

Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках
программы "Пушкин" при
поддержке Министерства
иностранных дел Франции
и посольства Франции в России.*

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère
des Affaires Etrangères français et de
l'Ambassade de France en Russie.*

Роман в сокращенном виде опубликован в журнале «Иностранная литература», № 11, 2002.

Чем гнуснее жизнь человека, тем сильнее он к ней привязывается; он делает ее формой протеста, ежесекундной мстью.

Оноре де Бальзак

Часть первая

Тропик Тай

Год назад умер мой отец. Существуют теории, будто человек становится *по-настоящему взрослым* со смертью своих родителей; я в это не верю — *по-настоящему взрослым* он не становится никогда.

Во время похорон в голову лезли разные гадкие мысли. Старый хрен умел устраиваться, пожил в свое удовольствие. “Ты трахал девок, дружок, — распял я себя, — ты засовывал моей матери между ног свою здоровенную штуку”. Само собой, я был на нервах: не каждый день хоронишь родных. Я не видел его мертвым, отказался. К сорока годам я уже достаточно насмотрелся на покойников и теперь предпочитаю этого избегать. Я и домашних животных потому никогда не заводил.

И не женился тоже. Возможности предоставлялись хоть отбавляй, но я всякий раз уклонялся. А ведь я люблю женщин. Свое холостяцкое житье воспринимаю скорее с сожалением. Особенно на отдыхе неприятно. Когда мужчина в определенном возрасте отдыхает один — это настораживает: невольно думается, что он эгоист, к тому же, наверное, порочный; и возразить мне тут нечего.

С кладбища я вернулся в дом, где отец прожил последние годы. Прошла неделя с тех пор, как обнаружи-

ли тело. В углах комнат и вдоль шкафов уже скопилась пыль; в одном месте край окна затянулся паутиной. Время медленно вступало в свои права, а с ним энтропия и все такое. Холодильник оказался пуст. В шкафах на кухне лежали в основном пакетики готовых обедов для регулирования веса "Weight Watchers", коробочки ароматизированных протеинов, калорийные палочки. Жую печенье с магнием, я прошелся по комнатам первого этажа. В котельной немного поупражнялся на велотренажере. В свои семьдесят с гаком отец был куда крепче меня физически. Час интенсивной гимнастики ежедневно, бассейн два раза в неделю. По выходным он играл в теннис и выезжал на велосипеде со сверстниками; кое-кто из них пришел проститься с умершим.

— Мы все на него равнялись!.. — воскликнул пожилой гинеколог. — Он был на десять лет старше, а вверх по двухкилометровому склону минуту форы нам давал.

Ах, отец, сказал я себе, до чего же ты был тщеславен! Краем глаза я видел слева другой тренажер — для накачивания пресса — и гантели. Воображению представился старый болван в шортах, с безнадежным упорством качающий мышцы; лицо морщинистое, а в остальном до крайности похоже на мое. Отец, отец говорил я себе, ты построил свой дом на песке. Я продолжал крутить педали, но дышал уже тяжело и ляжки побаливали, хотя выше первого уровня я не поднялся. Перед глазами стояла траурная церемония: я сознавал, что произвел прекрасное впечатление. Я узкоплеч, всегда чисто выбрит; годам к тридцати начав лысеть, стригусь с тех пор очень коротко. Костюмы ношу обычно серые, галстуки неброские и вид имею невеселый. Итак — безволосый, насупленный, очки в тонкой оправе, голова чуть опущена — я слу-

шал весь ассортимент похоронных песнопений и чувствовал себя как рыба в воде — куда непринужденней, чем, скажем, на свадьбе. Поистине, похороны — это мое. Я перестал крутить педали, откашлялся. На окрестные луга ложилась ночь. Рядом с бетонной облицовкой котла бурело на полу плохо отмытое пятно. Здесь отца нашли с пробитым черепом, в шортах и спортивной рубашке “I Love New York”¹. По заключению судмедэксперта, смерть наступила за три дня до этого. Приписать ее несчастному случаю можно было только с большой натяжкой: поскользнулся, скажем, в лужице мазута или не знаю чего. Впрочем, пол был совершенно сух, а череп пробит в нескольких местах, даже мозг немного вытек — все указывало скорее на убийство. Вечером ко мне должен был заехать капитан Шомон из шербурской жандармерии.

Я возвратился в гостиную и включил телевизор “Sony 16/9” с диагональю экрана 82 см, трехмерным звуком и встроенным DVD-проигрывателем. На канале TF1 шла “Зена — королева воинов” — один из моих любимых сериалов; две мускулистые девицы в латах и кожаных мини-юбках размахивали саблями.

— Твоему царствованию, Таграта, приходит конец! — провозглашала брюнетка. — Я Зена, воительница из Западных Степей! — Тут в дверь постучали; я уменьшил звук.

На улице совсем стемнело. Ветер тихо раскачивал деревья, стряхивая с мокрых веток дождевые капли. В дверях стояла девушка североафриканского типа, лет двадцати пяти.

1 “Я люблю Нью-Йорк” (англ.). (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

— Меня зовут Айша, — сказала она. — Я убираюсь у месье Рено два раза в неделю. Я пришла забрать вещи.

— Что ж... — сказал я, — что ж...

И вместо приглашения войти чуть повел рукой. Она вошла, скользнула взглядом по экрану телевизора: воительницы теперь сражались врукопашную у самого кратера вулкана; некоторых лесбиянок подобное зрелище, наверное, возбуждает.

— Извините, что беспокою, — сказала Айша, — я на пять минут.

— Вы меня не беспокоите, — ответил я, — меня на самом деле ничего не беспокоит.

Она покачала головой, словно бы что-то поняла, и посмотрела мне в лицо: должно быть, сравнивала с отцом и, возможно, пыталась через внешнее сходство уловить внутреннее. Затем она развернулась и стала подниматься на второй этаж, где помещались спальни.

— Не торопитесь, — проговорил я сдавленно, — сколько нужно, столько и оставайтесь.

Она не ответила, не замедлила шаг; может быть, она меня даже и не слышала. Я опустился на диван, обессиленный очной ставкой. Надо было предложить ей снять пальто; обычно, когда люди входят в дом, им предлагают снять пальто. В эту минуту я ощутил, что в комнате жуткий холод — влажный, пронизывающий, как в склепе. Включать котел я не умел, да и пробовать не хотелось; мне следовало уехать сразу после похорон. Я нажал третью кнопку и как раз успел к заключительному туру "Вопросов для чемпиона". Когда Надеж из Валь-Фурре объявляла Жюльену Леперу, что собирается побороться за чемпионское звание в третий раз, на лестнице появилась Айша с

легкой дорожной сумкой через плечо. Я выключил телевизор и шагнул к ней.

— Жюльен Лепер меня поражает, — заметил я. — Даже когда ему ничего не известно о городе или поселке, откуда кандидат родом, он исхитрится сказать несколько слов о департаменте, о районе, климат хотя бы приблизительно описать, природу. А главное, он знает жизнь: кандидаты для него обычные люди со своими трудностями и радостями. Они ему по-человечески близки. Он умеет разговаривать любого без исключения, и тот расскажет вам о своей профессии, семье, о своих пристрастиях — словом, обо всем, что составляет его жизнь. Кандидаты у него, как правило, либо поют в хоре, либо играют в духовом оркестре, участвуют в организации праздников, занимаются разными благотворительными делами. В зале часто сидят их дети. Создается впечатление, что люди счастливы, и оттого сам чувствуешь себя счастливее и лучше. Вы не согласны?

Она посмотрела на меня без тени улыбки; волосы у нее были забраны в пучок, лицо почти не накрашено, одета скорее строго — серьезная девушка. Она постояла в нерешительности, потом сказала тихим, хриловатым от робости голосом:

— Я очень любила вашего отца.

Я не нашелся, что ответить: ее слова звучали странно, но, вполне вероятно, были искренними. Старик многое мог бы рассказать: он путешествовал, бывал в Колумбии, Кении или где-то там еще; носорогов в бинокль видел. При встречах он только иронизировал, что я, дескать, выбрал чиновничье благополучие. “Тепленькое местечко”, — приговаривал он, не скрывая презрения; с родственниками всегда сложно.

— Я учусь на медсестру, — продолжила Айша, — но, поскольку я ушла от родителей, мне приходится подрабатывать уборкой.

Я ломал голову в поисках подходящего ответа: может, следовало ее спросить, сколько стоит жилье в Шербуре? В итоге я предпочел сказать:

— Н-да... — тоном человека, знающего жизнь. Похоже, ее это удовлетворило, и она направилась к двери. Я приник к стеклу и увидел, как ее “фольксваген-поло” разворачивается на глинистой дороге. На третьем канале шел телефильм из сельской жизни — надо думать, девятнадцатого века — с Чеки Карьо в роли батрака. Дочь хозяина — хозяина играл Жан-Пьер Марьель — в перерывах между занятиями фортепьяно позволяла себе некоторые вольности в общении с обольстительным поденщиком. Встречались они в хлеву; я уже погружался в сон, когда Чеки Карьо деловито сорвал с нее трусики из органзы. В последнем кадре, который я увидел, камера скользнула на сбившихся в кучку свиней.

Проснулся я от холода и боли; как видно, я лежал в неудобной позе и теперь не мог повернуть шею. Поднимаясь, я закашлялся: в ледяном воздухе дыхание превращалось в сгустки пара. К моему удивлению, по телевизору шла “Ловись, рыбка” — передача первого канала; стало быть, я просыпался, или, по крайней мере, сознание мое прояснилось настолько, что я смог переключить программу — этого я напрочь не помнил. В передаче говорилось о сомах, гигантских рыбах без чешуи, которые из-за потепления климата все чаще встречаются в наших реках; особенно им нравится селиться вблизи атомных электростанций. Репортаж усиленно развеивал расхожие мифы:

взрослые сомы и в самом деле достигают трех, а то и четырех метров в длину, в Дроме якобы даже замечены особи, превышающие пять метров, — это все вполне правдоподобно. А вот хищными их считают совершенно ошибочно, и на купальщиков они никогда не нападали. Между тем укоренившиеся в народе предрассудки распространяются и на любителей сомовьего лова; обширное племя рыбаков с предубеждением относится к их малочисленному братству. Ловцы сомов воспринимают это болезненно и надеются, что передача изменит представление о них. Да, конечно, с точки зрения гастрономической, похвастаться им нечем: мясо сома ни в каком виде не пригодно в пищу. Но зато какая великолепная рыбалка: сравнимая в некотором роде с ловлей щуки, она развивает в вас интеллектуальные и спортивные качества одновременно и потому заслуживает большего числа поклонников. Я прошелся по комнате, но несколько не согрелся — о том, чтобы лечь в постель отца, не могло быть и речи. В конце концов я сходил на второй этаж за подушками и одеялами и как мог устроился на диванчике. На титрах к “Правде о сомах” я выключил телевизор. Стояла глубокая непроглядная ночь и такая же глубокая тишина.

Все когда-нибудь кончается, и ночь тоже. Из оцепенения, в котором я пребывал подобно ящерице, меня вывел четкий звонкий голос капитана Шомона. Он извинялся, что не успел зайти накануне. Я предложил ему выпить кофе. Пока грелась вода, он раскрыл на кухонном столе портативный компьютер и подключил принтер. Таким образом, мои показания он сможет сразу распечатать и дать мне на подпись; я одобрительно крякнул. Жандармерия в наши дни перегружена административными хлопотами, и ей, увы, не хватает времени на исполнение своих первейших обязанностей — на уголовные расследования; такое впечатление я вынес из соответствующих телепередач. Он согласился, и даже с жаром. Одним словом, допрос начался в обстановке взаимопонимания и доверия. Радостно чирикнул компьютер — загрузился “Windows”.

Смерть наступила 14 ноября, поздно вечером или ночью. В тот день я был на работе, 15-го тоже. Разумеется, я мог сесть в машину, приехать сюда, убить отца и в ту же ночь вернуться. Что я делал вечером и ночью 14 ноября? Полагаю, ничего; ничего примечательного. Во всяком случае, мне ничего не запомнилось, а ведь и недели не прошло. У меня не было по-

стоянной сексуальной партнерши, не было закадычных друзей — оттого и вспомнить нечего. День прошел, и ладно. Я сокрушенно взглянул на капитана Шомона: мне хотелось ему помочь, подсказать хотя бы направление поисков.

— Сейчас посмотрю в записной книжке, — засутился я.

Я не ожидал в ней что-нибудь увидеть, но, как ни странно, обнаружил записанный на 14-е число номер мобильного телефона, а под ним имя: “Корали”. Какая еще Корали? Всякая ерунда понаписана.

— Голова совсем дырявая, — констатировал я, виновато улыбаясь. — Не знаю, может, я был на каком-нибудь вернисаже.

— На вернисаже? — Он терпеливо ждал, занеся пальцы над клавиатурой.

— Да, я работаю в Министерстве культуры. Готовлю документацию по финансированию выставок, иногда концертов.

— Концертов?

— Концертов... современного танца... — Я был близок к отчаянию, сгорал со стыда.

— Короче, работаете на культурном поприще.

— Ну да... Можно сказать и так.

Он смотрел на меня серьезно и доброжелательно. О существовании некоего культурного сектора он представление пусть смутное, но имел. По роду занятий Шомон встречался с самыми разными людьми, и ничто в жизни общества не было ему совсем уж чуждым. Жандармы, они в известном смысле гуманисты.

Дальше беседа потекла по накатанному руслу; мне доводилось видеть нечто подобное по телевизору, и я чувствовал себя подготовленным к диалогу. У вашего отца были враги? Насколько мне известно, нет; о дру-

зьях, по правде говоря, мне тоже ничего не известно. Что касается врагов, отец не такая значительная фигура, чтобы их иметь. Кому выгодна его смерть? Разве что мне. Когда я приезжал к нему в последний раз? Вероятно, в августе. В августе в министерстве делать особенно нечего, но коллеги вынуждены идти в отпуск из-за детей. Я же остаюсь на работе, наедине с компьютером, а в середине месяца прибавляю денек-другой к выходным и в это время навещаю отца. Хорошие ли у нас были отношения? Что сказать? И да и нет. Скорее нет, но я ездил к нему раз или два в год — это уже неплохо.

Он кивнул. Судя по всему, дача показаний подходила к концу, а мне хотелось сказать еще что-нибудь. Я испытывал к капитану необъяснимую, безотчетную симпатию. Но он уже заправил бумагу в принтер.

— Отец много занимался спортом! — выпалил я. Капитан взглянул на меня выжидающе. — Нет, ничего, — пробормотал я, разводя руками, — я только хотел сказать, что он занимался спортом.

Капитан Шомон досадливо отмахнулся и запустил печать.

Подписав показания, я проводил его до дверей.

— Понимаю, что разочаровал вас как свидетель, — сказал я ему.

— Свидетели всегда разочаровывают, — ответил он.

Некоторое время я обдумывал этот афоризм. Перед нами лежали бесконечно унылые поля. Усаживаясь в свой "пежо-305", капитан Шомон пообещал сообщать о ходе расследования. В случае смерти прямых родственников по восходящей линии государственным служащим предоставляется трехдневный отпуск. Я вполне мог возвращаться не спеша, закупить здеш-

них камамберов, но ничего такого делать не стал и выехал сразу на парижскую автостраду.

Оставшийся свободный день я ходил по турагентствам. Туристические каталоги нравились мне своей абстрактностью и умением сводить все на свете к череде счастливых мгновений и соответствующих расценок; система звездочек, обозначающих степень счастья, на которую вы вправе рассчитывать в том или ином месте, представлялась мне подлинной находкой. Сам я не был счастлив, но счастье ценил высоко и все еще мечтал о нем. Английский экономист Маршалл представляет покупателя рациональным индивидом, стремящимся максимально удовлетворить свои потребности исходя из финансовых возможностей; Веблен анализирует воздействие социальной среды на процесс приобретения (в зависимости от того, желает ли индивид с этой средой идентифицироваться или, напротив, от нее отмежеваться). Коупленд же при определении покупательной способности учитывает категорию продукта или услуги (текущая покупка, запланированная покупка, целевая покупка); а вот из модели Бодрийяра—Беккера следует, что потребление само по себе есть производство знаков. В глубине души я чувствовал, что модель Маршалла мне ближе.

Вернувшись на работу, я заявил Мари-Жанне, что нуждаюсь в отпуске. Мари-Жанна — это моя коллега, мы вместе готовим документацию к выставкам, вкалываем на благо современной культуры. Ей тридцать пять лет, у нее гладкие светлые волосы и бледно-голубые глаза; о ее личной жизни мне ничего не известно. На служебной лестнице она стоит чуть выше меня, но предпочитает этого не показывать и всячески подчеркивает, что в своем отделе мы работаем

сообща. Если нам случается принимать по-настоящему важную персону — представителя Управления изобразительных искусств или члена кабинета министров, — она никогда не забывает упомянуть, что у нас единый коллектив.

— А вот и самый главный человек в нашем отделе! — произносит она, заходя ко мне в кабинет. — Он жонглирует цифрами и сметами... Без него я как без рук.

И смеется; важные посетители тоже смеются, по крайней мере счастливо улыбаются. Улыбаюсь и я — уж как умею. Пытаюсь вообразить себя жонглером; но на самом деле тут достаточно владеть простыми арифметическими действиями. Хотя Мари-Жанна в буквальном смысле не делает ничего, ее работа сложнее моей: ей необходимо всегда быть в курсе новейших течений, движений, тенденций; взвалив на свои плечи тяжкое бремя ответственности за культурный процесс, она ежеминутно рискует, что ее заподозрят в косности или даже обскурантизме; ограждая себя от подобной напасти, она тем самым оберегает и вверенный ей участок. Поэтому она постоянно поддерживает контакты с художниками, галерейщиками и редакторами журналов, о которых я понятия не имею; телефонные разговоры с ними наполняют ее радостью, ведь современное искусство она любит искренне. Сам я тоже ничего против него не имею: я не из тех, кто ставит *ремесло* превыше всего и жаждет возврата к традиционной живописи; я веду себя сдержанно, как и подобает человеку, чья профессия — управленческий учет. Вопросы эстетики и политики — это не для меня; не моя забота выработать и утверждать новые концепции, новое отношение к миру; я завязал с этим еще в ту пору, ког-

да спина моя только начинала горбиться, а лицо грустнеть. Я посмотрелся выставок, вернисажей и выдающихся перформансов и пришел к окончательному заключению: искусство не может изменить жизнь. Мою уж точно нет.

Мари-Жанна знала, что у меня горе; она встретила меня сочувственно, даже руку на плечо положила. Мою просьбу об отпуске сочла естественной.

— Тебе необходимо подвести итоги, Мишель, — рассудила она, — заглянуть в себя.

Я попытался представить себе, как буду это делать, и подумал, что она, скорее всего, права.

— Проект бюджета докончит Сесилия, — продолжила она, — я с ней поговорю.

О чем это она и какая такая Сесилия? Я огляделся по сторонам, увидел эскиз афиши и вспомнил. Сесилия была толстая рыжая девица, беспрестанно поедавшая шоколад “Кэдбери” и работавшая у нас всего месяца два — то ли по временному соглашению, то ли вообще по программе трудоустройства безработных; короче, мелкая сошка. А известие о смерти отца действительно застало меня за подготовкой бюджета выставки “Руки вверх, проказники!”, которая должна была открыться в январе в Бур-ла-Рен. Речь шла о снятых при помощи телеобъектива зверствах полицейских в департаменте Ивелин; однако зрителям предлагались не просто фотодокументы, а некая пространственная, так сказать, театрализованная композиция, к тому же полная намеков на различные эпизоды сериала “Полиция Лос-Анджелеса”. Обычному в таких случаях социальному обличению автор предпочел пародию. Словом, любопытный замысел, притом не слишком дорогой и не слишком сложный; да-

же такая бестолочь, как Сесилия, вполне могла справиться с проектом бюджета.

Обычно после работы я отправлялся на пип-шоу. Это обходилось в пятьдесят франков, иногда в шестьдесят, если мне не хватало времени, чтобы кончить. Вид курчавых лобков в движении хорошо прочищает мозги. Противоречивые тенденции в современном видеоискусстве, бережное отношение к культурной традиции и поощрение новаторства... — все это мигом улетучивалось из головы под воздействием примитивной магии колыхающихся передков, и я спокойненько опорожнял свои яички. Сесилия же в это время лопала шоколадные пирожные в ближайшей к министерству кондитерской; мотивировки у нас были весьма схожие.

Отдельный кабинет за пятьсот франков я брал редко, только в тех случаях, когда мой дружок совсем сникал, когда я ощущал его капризным, никчемным придатком, вдобавок пахнущим сыром; в такие дни мне требовалось, чтобы девушка взяла его в руки, повосхищалась, пусть неискренне, его мощью и обилием семени. Так или иначе, я возвращался домой не позднее половины восьмого. Перво-наперво смотрел “Вопросы для чемпиона”, автоматически записывавшиеся на видео, затем переходил к новостям. Ситуация с коровьим бешенством меня мало беспокоила — питался я в основном пюре “Муслин” с сыром. Вечерние программы шли своим чередом. Когда имеешь сто двадцать восемь каналов, скучать не приходится. Заканчивал я часам к двум турецкой музыкальной комедией.

Несколько дней я прожил относительно спокойно, а потом мне снова позвонил капитан Шомон. Оказалось, дела продвинулись и предполагаемый убийца

найден; собственно, уже и не предполагаемый: он сознался. Через два дня они намеревались провести следственный эксперимент. Желая ли я на нем присутствовать? Да, разумеется, ответил я.

Мари-Жанна одобрила мое мужественное решение, сказала что-то об испытании горем и загадке родственных связей; она произносила подходящие случаю слова, запас которых невелик, но это и не важно: я чувствовал в них искреннюю теплоту, что было удивительно, но приятно. До чего же все-таки женщины любвеобильны, думал я, садясь в поезд на Шербур, они даже на службе стремятся установить сердечные отношения, им трудно существовать в мире, лишенном эмоций, они в нем чахнут. В этом их слабость и причина многих неприятностей, недаром психологические странички "Мари-Клер" постоянно твердят об одном и том же: необходимо четко разграничивать работу и эмоции; только женщинам это плохо удается, о чем с не меньшим постоянством свидетельствуют документальные страницы того же журнала. Когда миновали Руан, я стал перебирать в уме подробности дела. Великое открытие капитана Шомона заключалось в том, что Айша имела "интимные отношения" с моим отцом. Как часто и насколько интимные? Этого он не знал, но для дальнейшего расследования оно и не понадобилось. Один из братьев Айши признался вскоре, что пришел к отцу и "потребовал объяснений", но разговор принял дурной оборот; потом он ушел, а старик остался лежать на бетонном полу котельной, "как неживой".

Следственным экспериментом руководил суровый сухонький человек во фланелевых брюках и темном поло, с лица которого не сходила саркастическая усмешка; но капитан Шомон сразу отобрал у него бразды правления. Живой, подвижный, он встре-

чал участников, находил приветливое слово для каждого, разводил всех по местам; он прямо-таки лучился счастьем. Подумать только, первое же дело об убийстве он раскрыл менее чем за неделю; в этой жуткой и банальной истории он оказался единственным героем. Айша сидела на стуле сникшая, удрученная, с черным платком на голове; она едва взглянула на меня, когда я вошел; на брата не смотрела вовсе. Тот сидел между двух жандармов, уперев взгляд в пол. Безмозглое животное — я не испытывал к нему ни малейшего сочувствия. Он поднял голову, встретился со мной взглядом и наверняка понял, кто я. Надо думать, его предупредили о моем приезде: по его примитивному разумению, мне надлежало ему отомстить, отплатить за кровь отца. Между нами установилась особого рода связь; сознавая это, я смотрел ему в лицо не отводя глаз; я медленно проникался ненавистью, и от этого приятного и сильного чувства мне становилось легче дышать. Будь я вооружен, я бы его прикончил не раздумывая. Убийство подобной гадины не просто не казалось мне преступлением, но представлялось поступком положительным, благотворным. Жандарм начертил мелом какие-то отметки на полу, и эксперимент начался. По словам обвиняемого, все произошло очень просто: во время разговора он погорячился и резко толкнул отца; тот упал навзничь и раскрыл себе череп об пол; сам же он испугался и убежал.

Разумеется, он лгал, и капитан Шомон без труда вывел его на чистую воду. Осмотр черепа убедительно доказывал, что жертва подверглась избиению; судя по характеру ушибов, отца били ногами. Его возили лицом по полу так, что один глаз превратился в зияющую кровоточащую рану.

— Не помню, — сказал обвиняемый, — я был не в себе.

Глядя на его жилистые руки и тупое злобное лицо, всякий охотно в это верил; он действовал непредумышленно, а когда отец ударился головой об пол, впал в бешенство от вида крови. Простая и убедительная система защиты: он выкрутится на суде, получит несколько лет условно, не более того. Капитан Шомон, удовлетворенный результатами своей деятельности, готовился подвести итоги. Я поднялся со стула, подошел к окну. Вечерело, брели на ночлег овцы. Они тоже тупые, может, еще тупее, чем брат Айши, но в генах у них агрессивная реакция не запрограммирована. В свой последний вечер они заблеют от страха, у них учащенно забьется сердце, ноги отчаянно задергаются; потом грянет выстрел, жизнь улетучится, а тело превратится в мясо. Мы пожали друг другу руки и расстались; капитан Шомон поблагодарил меня за то, что я приехал.

На другой день я встретился с Айшой: агент по недвижимости посоветовал мне произвести в доме полную уборку, прежде чем его придут смотреть первые покупатели. Я передал ей ключи, затем она отвезла меня в Шербур на вокзал. В лесу уже воцарялась зима, над изгородями висел туман. Рядом с Айшой я чувствовал себя напряженно. Она совокуплялась с моим отцом, что порождало между нами совершенно неуместную близость. Поразительная, в общем-то, история: серьезная с виду девушка, да и отец менее всего походил на соблазнителя. Значит, он все-таки обладал некими привлекательными чертами, которых я не сумел разглядеть; в сущности, я и лица-то его не мог как следует вспомнить. Люди живут и друг друга не видят, ходят бок о бок, как коровы в стаде; в лучшем случае бутылку вместе разопьют.

“Фольксваген” Айши остановился на вокзальной площади; понимая, что на прощание надо бы сказать какие-то слова, я протянул:

— Н-да...

Прошло еще несколько секунд, потом она заговорила глухим голосом:

— Я уеду отсюда. Один знакомый может устроить меня подавальщицей в Париже; продолжу учебу там. Все равно в семье меня считают шлюхой.

Я понимающе помычал.

— В Париже больше народу, — выдавил я наконец.

Сколько ни напрягался, ничего другого о Париже придумать не смог. Убожество реплики ее не смутило.

— Дома меня ничего хорошего не ждет, — продолжала она, сдерживая злость. — Мало того, что они нищие, они еще и кретины. Отец два года назад совершил паломничество в Мекку, и с тех пор с ним говорить невозможно. А братья — того хуже: один другого тупее, только и знают, что хлещут пастис и воображают себя при этом носителями истинной веры; меня же обзывают стервой, потому что я предпочитаю работать — всё лучше, чем выйти за такого же, как они, идиота.

— Да, мусульмане, они вообще-то не очень... — тут я замялся. Потом взял сумку и открыл дверцу. — Думаю, у вас все наладится, — пробормотал я не слишком уверенно.

В эту минуту миграционные потоки представились мне кровеносными сосудами, пронизывающими Европу, а мусульмане — медленно рассасывающимися сгустками крови. Айша смотрела на меня с сомнением. В раскрытую дверцу врывался холод. Умозрительно я мог испытать влечение к влагилицу мусуль-

манки. Я улыбнулся немного натянуто. В ответ она улыбнулась более искренне. Я неторопливо пожал ей руку, ощутил тепло ее пальцев, почувствовал, как бьется жилка на запястье. Отойдя на несколько метров от машины, я обернулся и помахал ей на прощанье. Под конец все-таки получился какой-то человеческий контакт.

Устраиваясь в комфортабельном вагоне фирменного поезда, я подумал, что должен был дать ей денег. Хотя нет, она могла бы меня неправильно понять. И как ни странно, только в эту минуту до меня дошло, что я теперь стану богатым; ну, относительно богатым. Перевод денег с отцовских счетов уже состоялся. Продажу автомобиля я доверил автомобильному мастеру, продажу дома — агенту по недвижимости; все уладилось само собой. Стоимость имущества определялась законами рынка. Разумеется, какая-то возможность торга оставалась: десять процентов в ту или другую сторону, не больше. Ставки налогообложения тоже тайны не составляли, достаточно заглянуть в прекрасно изданные брошюры, которые распространяет налоговая служба.

Отец наверняка не раз подумывал лишить меня наследства, но в конце концов плюнул, решил, видать, что хлопот много и неизвестно еще, чем они увенчаются (лишить детей наследства непросто, закон сводит возможности к минимуму: маленькие мерзавцы не только отравляют вам жизнь, но еще и пользуются потом всем, что вы накопили ценой изнурительных усилий). А главное, говорил он себе, все бессмысленно, и какое ему дело до того, что случится после его смерти. Полагаю, он примерно так рассуждал. Теперь старый черт помер, и мне предстоит продать дом, где он провел последние годы, а также “тойоту-лендкрузу-

зер", на которой он привозил упаковки воды "Эвиан" из шербурского гипермаркета. Сам я живу возле Ботанического сада и, зачем мне "тойота-лендкрузер", не знаю. Разве что привозить равиоли с рынка на улице Муффтар. В случае прямого наследования налоги невелики, даже если родственные узы были не слишком крепки. После всех выплат у меня останется миллиона три — около пятнадцати моих годовых зарплат. Приблизительно за такую сумму неквалифицированный рабочий в Западной Европе вкальвает в течение всей трудовой жизни; словом, деньги немалые. Можно зажить по-человечески; хотя бы попробовать.

Через несколько недель я наверняка получу письмо из банка. Поезд подъезжал к Байе, я уже представлял себе, как сложится разговор. Сотрудник филиала констатирует значительные поступления на мой счет и попросит уделить ему несколько минут — рано или поздно любому человеку может понадобиться посредник в размещении капитала. Я отнесусь к его предложению настороженно, скажу, что хотел бы вложить деньги самым надежным способом; он выслушает мой ответ — ответ типичный — с легкой улыбкой. Ему прекрасно известно, что новички в большинстве своем предпочитают надежность прибыльности; он с коллегами частенько над этим посмеивается. Мне следует правильно понять его: в вопросах распоряжения имуществом и вполне зрелые люди ведут себя как сущие новички. Он, со своей стороны, желал бы привлечь мое внимание к несколько иному сценарию, оставив мне, разумеется, время на размышление. Почему бы, в самом деле, не вложить две трети состояния под незначительные, но гарантированные проценты? И почему не инвестировать оставшуюся треть более рискованным образом,

но с возможностью реального увеличения капитала? Я знал, что, поразмыслив несколько дней, соглашусь с его доводами. Ободренный моим согласием, он с неподдельным воодушевлением возьмется за подготовку документов; на прощанье мы с жаром пожмем друг другу руки...

Я жил в стране умеренного социализма, где обладание материальными благами неукоснительно охраняется законом, а банковские вклады защищены могущественными государственными гарантиями. Мне не грозило ни разорение, ни злостное банкротство, если, конечно, я не стану выходить за рамки законности. Короче, мне больше не о чем было особенно беспокоиться. Впрочем, я и прежде ни о чем особенно не беспокоился: учился серьезно, хотя блистать не блистал, по окончании института сразу устроился в государственный сектор. Это было в начале 80-х, в эпоху модернизации социализма, когда руководимая незабвенным Жаком Лангом¹ культура купалась в роскоши и славе; при приеме на работу мне положили приличную зарплату. А потом я состарился, наблюдая без волнения за чередой политических перемен. Я всегда держался вежливо и учтиво, меня ценили коллеги и начальство, однако темпераментом я обладал сдержанным и обзавестись настоящими друзьями не сумел. На Лизье и окрестности стремительно опускалась ночь. Почему я никогда не отдавался работе страстно, как Мари-Жанна? Почему я вообще ничего в жизни не делал со страстью?

Последующие несколько недель не принесли мне ответа, а утром 23 декабря я взял такси и отправился в аэропорт.

1 Жак Ланг — министр культуры Франции (1981—1986 гг.).

И вот теперь я как дурак стоял один в нескольких метрах от окошечка “Нувель фронтьер”¹. Субботнее утро, праздники; аэропорт Руасси, естественно, битком набит. Жители Западной Европы, как только выдается у них несколько свободных дней, разом устремляются на другой конец света, облетают пол земного шара — словом, ведут себя так, будто из тюрьмы сбежали. Я их не осуждаю; я сам собираюсь поступить точно так же.

Мои мечты банальны. Как и прочих европейцев, меня тянет *путешествовать*. Занятие это сопряжено с трудностями: языковой барьер, плохая организация общественного транспорта, страх, что тебя облапошат или обокрадут: если называть вещи своими именами, меня тянет *путешествовать туристом*. Мечты уж какие есть, такие есть; по мне, лучше всего было бы постоянно чередовать обозначенные в названиях трех каталогов “Нувель фронтьер” “Увлекательные маршруты”, “Красочный отдых” и “Наслаждение вкусом”.

Я остановился на “Увлекательных маршрутах”, но еще долго колебался между “Ромом и сальсой”¹ (мар-

1 “Nouvelles Frontieres” — “Новые рубежи” (фр.).

2 Сальса — популярный стиль латиноамериканской музыки.

шрут CUB CO 033, 16 дней/14 ночей, проживание в двухместном номере 11 250 фр., доплата за одноместный 1350 фр.) и “Тропиком Тай” (маршрут TNA SA 066, 15 дней/13 ночей, проживание в двухместном номере 9950 фр., доплата за одноместный 1175 фр.). Вообще-то Таиланд привлекал меня больше, но и Куба имела свои преимущества как одна из последних стран, где сохранилось коммунистическое правление, причем, скорее всего, ненадолго: в отживающем режиме есть некая политическая экзотика. В конце концов я все-таки выбрал Таиланд. Надо признать, что неискушенному человеку трудно устоять перед умело составленным текстом рекламной брошюры:

Организованный маршрут для любителей приключений: от бамбуковых зарослей на реке Квай к острову Самуй и далее — через бесподобный перешийек Кра к островам Пхукет и Пхи-Пхи. С холодным рассудком по жарким тропикам.

Ровно в восемь тридцать утра Жак Майо, хлопнув дверью своего дома на бульваре Бланки в XIII округе, садится на мотороллер и пересекает Париж с востока на запад. Конечная цель: офис “Нувель фронтьер” на бульваре Гренель. Раз в два дня моторизованный хозяин “Нувель фронтьер” в неизменном фантастически пестром галстуке наведывается в несколько своих агентств. “Привожу свежие каталоги, забираю почту, проверяю, так сказать, температуру”, — поясняет он. Визиты эти подстегивают работников: “В последующие дни агентства увеличивают оборот”, — говорит Майо с улыбкой. Очарованная им журналистка из “Капитала” в своей статье не скрывает удивления: кто мог предвидеть в 1967 году, что основанная кучкой оппозиционных студентов маленькая ассоциация так

быстро пойдет в гору? Конечно, не толпы демонстрантов, проходивших в мае 68-го мимо первой конторы “Нувель фронтьер” на площади Данфер-Рошро в Париже. “Мы оказались в нужном месте — прямо перед телекамерами”, — вспоминает Жак Майо, в прошлом бойскаут, левый католик и член Национального студенческого союза. Такой получилась первая рекламная акция фирмы, а название позаимствовали из речи Джона Кеннеди о “новых рубежах” Америки.

Будучи убежденным либералом, Жак Майо в свое время успешно боролся против “Эр Франс” за монополизацию воздушного транспорта. Экономические журналы пристально следили за развитием его компании, ставшей за тридцать с небольшим лет крупнейшей в туристическом бизнесе Франции. “Нувель фронтьер”, родившаяся одновременно с цивилизацией досуга, олицетворяла, вместе с FNAC¹ и “Club Med”, новое лицо современного капитализма. В 2000 году индустрия туризма впервые вышла на первое место по обороту, опередив все другие отрасли мировой экономики. Избранный мною маршрут “Тропик Тай”, хотя и не требовал специальной физической подготовки, принадлежал к разряду “приключенческих” и предлагал различные варианты проживания (простое, стандартное, первой категории); тургруппа ограниченная — не более двадцати человек, дабы обеспечить сплоченность коллектива. К окошечку подошли две очаровательные негритянки с рюкзаками за спиной, и я вообразил, что они тоже выбрали “Тропик Тай”; с тем я опустил глаза и пошел получать билет и путевку. Перелет продолжался немногим более одиннадцати часов.

1 Сеть книжных и музыкальных магазинов во Франции.

В наши дни путешествовать на самолете любой компании, независимо от направления, — значит подвергаться бесчисленным унижениям в течение всего полета. Вам приходится сидеть скрючившись на смехотворно маленьком пространстве, откуда невозможно выбраться, не потревожив соседей по ряду, а стюардессы с фальшивыми улыбками сразу огорошивают вас чередой запретов. Когда вы еще только ступили на борт самолета, их первое движение — завладеть вашими личными вещами и запереть их в ящики для багажа: теперь вы ни под каким предлогом не получите их до самого приземления. Девушки эти будут придираться к вам всю дорогу, запрещать всякое передвижение и вообще какое-либо действие, кроме предписанных распорядком: дегустация содовой, просмотр американских видеофильмов, покупка беспошлинных товаров. Постоянное ощущение опасности подпитывается проносящимися в уме картинками авиакатастроф, а вынужденная неподвижность в замкнутом пространстве вызывает сильнейшие стрессы: во время некоторых дальних перелетов наблюдались даже случаи смерти пассажиров от сердечного приступа. Экипаж, со своей стороны, исхитряется доводить стрессовое состояние до критической точки, не позволяя вам бороться с ним привычными средствами: вам не дают курить, читать, а в последнее время все чаще и чаще — пить. Хорошо еще эти мерзавки вас не *обыскивают*, а потому, как опытный пассажир, я смог запастись необходимым для выживания набором: таблетки Nicoratch по 21 мг, пачка снотворного, бутылочка “Саутерн комфорта”. Когда мы пролетали над бывшей Восточной Германией, я забылся глубоким сном.

Меня разбудило ощущение тяжести на плече и чье-то жаркое дыхание. Без лишних церемоний я во дворил на место своего соседа слева, он тихо заворчал, но глаз не открыл. Это был могучий детина лет тридцати с остриженными под горшок светло-каштановыми волосами; наружность его не показалась мне неприятной или нахальной. Было даже что-то трогательное в том, как он закутался в предоставленное авиакомпанией нежно-голубое одеяло, положив на колени свои мозолистые ручищи. Я подобрал с полу книжонку, которую он уронил: паршивый английский бестселлер некоего Фредерика Форсайта. Я читал одно творение этого кретина, сплошь состоящее из дифирамбов Маргарет Тэтчер и страшилок о Советском Союзе, именуемом *империей зла*. Интересно, чем пробавляется он теперь, после падения Берлинской стены? Я полистал новейший опус: похоже, роль злодеев отводилась здесь всяким *красно-коричневым* и сербским националистам — писатель шагал в ногу со временем. Что касается его любимого героя, зануды Джейсона Монка, то он вернулся на службу в ЦРУ, заключившее временный союз с чеченской мафией. Ну и ну, подумал я, кладя романчик соседу на колени, хорошеньких же нравственных принципов придерживаются авторы современных бестселлеров! В качестве закладки сосед использовал сложенный втрое листок бумаги, в котором я узнал буклет “Нувель фронтьер”: итак, я познакомился с первым своим попутчиком. Он мне нравился: славный парень и наверняка куда менее эгоцентричный и нервозный, чем я. Я взглянул на экран, где сообщались сведения о полете: вероятно, мы уже миновали Чечню, если вообще над ней пролетали; температура за бортом минус 53° С, высота полета 10 143 метра, местное время

00:27. Потом цифры на экране сменились картой: мы вошли в воздушное пространство Афганистана. За окном, разумеется, ничего, кроме тьмы кромешной. В любом случае талибы в своих грязных лачугах, наверное, уже спали.

— Спокойной ночи, талибы, спокойной ночи... Хороших вам снов... — пробормотал я и проглотил вторую таблетку снотворного.

Самолет приземлился около пяти утра в аэропорту Донг-Мыанг. Я с трудом продрал глаза. Мой сосед слева уже встал и топтался в очереди на выход. В коридоре по дороге в зал прибытия я потерял его из виду. Ноги у меня были ватные, язык не ворочался, в ушах стоял отчаянный гул.

Едва автоматические двери выпустили меня наружу, я словно шагнул в жерло вулкана. Градусов тридцать пять, не меньше. Жара в Бангкоке особенная, масляная, наверное, из-за сильно загрязненного воздуха; проведя некоторое время на улице, вы ощущаете, будто покрылись тонкой пленкой гари. Первые тридцать секунд я не мог дышать. Я старался не отстать от нашей сопровождающей, которую и разглядеть как следует не успел, заметил только, что она сдержанна и воспитанна — впрочем, многие тайландки производят именно такое впечатление. Рюкзак фирмы “Лау Про Гималайа Треккинг” резал мне плечи — это был самый дорогой, какой я смог найти в “Бывалом туристе”: гарантия пожизненная. Внушительная штука: стального цвета, с карабинами, особыми фирменными липучками, молниями, функционирующими при температуре — 65° С. Содержимое его, увы, было куда скромней: несколько пар шорт,

несколько футболок, плавки, специальные ботинки для ходьбы по кораллам (125 фр. в “Бывалом туристе”), несессер со всеми необходимыми лекарствами, какие рекомендует “Гид де Рутар”¹, портативная видеокамера JVC HRD-9600 MS с батарейками и запасными кассетами и два американских бестселлера, купленных в аэропорту наугад.

Автобус “Нувель фронтьер” стоял метрах в ста от входа. Внутри могучего шестидесятичетырехместного “мерседеса М-800” в полную силу работали кондиционеры: входя в него, вы словно попадали в морозильную камеру. Я устроился у окна слева, в середине салона: перед собой я видел еще дюжину пассажиров, в том числе и соседа по самолету. Рядом со мной никто не сел — похоже, свою первую возможность слиться с коллективом я упустил, зато сохранил все шансы схлопотать хорошенький на-сморг.

Еще не рассвело, но все шесть рядов автострады, ведущей в Бангкок, уже были запружены автомобилями. По обочинам билдинги из стекла и стали чередовались кое-где с массивными бетонными сооружениями в духе советской архитектуры. Банки, отели, офисы компаний электронной техники, преимущественно японских. После поворота на Чатучак автострада вознеслась над сетью дорог, опоясывающих центр города. На пустырях между светящимися отелями глаз начинал различать скопления домишек, крытых железом. В освещенных неоновом ларьках на колесах предлагали суп и рис, дымились жестяные

1 “Гид де Рутар” — популярная серия справочников “Путеводитель бродяги” (фр.).

котелки. При выезде на Нью-Петчабури-роуд автобус слегка сбавил скорость. Мы увидели фантазмагорические очертания дорожной развязки, асфальтовые спирали которой, казалось, висели в небе, озаренные рядами прожекторов из аэропорта; описав длинную дугу, автобус снова выехал на скоростную магистраль.

Бангкокский “Палас-отель” принадлежал к гостиничной сети, схожей с компанией “Меркурий”, и придерживался тех же принципов в отношении питания и качества обслуживания, — все это я почерпнул из брошюры, которую подобрал в холле, ожидая, пока ситуация немного прояснится. Было начало седьмого утра — полночь в Париже, подумалось мне без всякой связи, — но вокруг уже царило оживление, и ресторан открылся для завтрака. Я сел на скамейку, у меня по-прежнему кружилась голова, шумело в ушах, и начинало подташнивать. По выжидательным позам стоявших рядом людей я угадал в них членов нашей группы. Тут были две девицы лет по двадцать пять блядоватого вида, впрочем неплохо сложенные и смотревшие на все с презрением. В отличие от них, чета пенсионеров — он из породы живчиков, она поугрюмее — с восхищением взирала на внутреннее убранство отеля, состоящее из зеркал, позолоты и люстр. В первые часы жизни коллектива общение в нем носит, как правило, *фатический* характер, то есть сводится к *установлению контактов*; этой стадии свойственны употребление банальных фраз и слабая эмоциональная вовлеченность. Как утверждают Эдмундс и Уайт¹, формирование мини-групп отчетливо

1 “Экскурсионные туры: взгляд социолога. Анналы исследований туризма.” Т. 23, стр. 213—227, 1998. (Прим. автора.)

заметно лишь на первой экскурсии или во время первого совместного завтрака.

Я вздрогнул, чувствуя, что теряю сознание; чтобы как-то приободриться, закурил: снотворное оказалось слишком сильным, я от него был сам не свой; более слабые, впрочем, на меня не действовали — положение складывалось безвыходное. Чета пенсионеров топталась на месте, медленно поворачиваясь по кругу; супруг хорохорился и, не находя, кому бы конкретно улыбнуться, обводил улыбкой весь окружающий мир. В предшествующей жизни они, наверно, были мелкими торговцами — ничего другого не придумаешь. Услышав свое имя, экскурсанты поочередно подходили к сопровождающей, получали ключи, поднимались в номера — словом, рассеивались. Мы могли позавтракать прямо сейчас, напоминала тайка звонким поставленным голосом, могли отдохнуть — по желанию. В четырнадцать часов — прогулка по *кхлонгам*¹, встреча в холле.

Широкое окно моего номера выходило на скоростную магистраль. В половине седьмого утра движение по ней было интенсивным, однако сквозь двойное стекло до меня доносился только слабый гул. Фонари уже погасли, а сталь и стекло еще не засверкали дневным солнцем — город был равномерно сер. Я заказал дежурному двойной эспрессо и заглотал его с эффералганом, долипраном и двойной дозой осциллоксинума, затем лег и попытался закрыть глаза.

Неясные формы с назойливым жужжанием медленно двигались в замкнутом пространстве; может, это были землеройные машины, а может, гигантские насекомые. Поодаль стоял человек в тюрбане и белых

1 Кхлонги — улицы-каналы в Бангкоке.

шароварах; в руках он держал короткую турецкую саблю и с большой осторожностью проверял остроту клинка. Вдруг воздух сделался красным и вязким, почти жидким; прямо перед глазами у меня потекли капельки конденсата, и я понял, что вижу всю сцену через стекло. Человек лежал теперь на земле, прижатый невидимой силой. Машины — несколько экскаваторов и гусеничный бульдозер — сгрудились вокруг него. Экскаваторы дружно взмахнули шарнирными лапами и разом обрушили ковши на человека, разрубив его тело на семь или восемь частей; голова же дьявольским образом продолжала жить, бородастое лицо кривилось недоброй усмешкой. Тогда вперед подался бульдозер и раздавил ее, как яйцо; мозг вперемешку с раздробленными костями брызнул на стекло в двух сантиметрах от моего лица.

Туризм как поиск смысла с характерным для него игровым общением и богатством образов есть способ постепенного кодированного и нетравмирующего постижения внешней чужеродной реальности.

Рашид Амиру

Проснулся я около полудня, в комнате глухо жужжал кондиционер, голова болела немного меньше. Лежа поперек широченной кровати *king size*, я думал о том, как все сложится дальше. Бесформенная пока еще группа превратится в живое человеческое сообщество; сегодня во второй половине дня мне надо будет начать определяться, а прямо сейчас уже выбрать шорты для прогулки по *кхлонгам*. Я остановился на модели из синей джинсовой ткани, средней длины, не слишком облегающей, и футболке "Radiohead"; затем сунул в рюкзак кое-какие вещицы. В ванной я с отвращением осмотрел свое отражение в зеркале: натянутое, скованное лицо бюрократа трагически контрастировало с костюмом; я выглядел ровно тем, кем был на самом деле: сорокалетним чиновником,

на период каникул рядящимся под юнца. Тьфу! Я подошел к окну и раздвинул шторы. С двадцать седьмого этажа открывался поразительный вид. Налево меловой скалой, разлинованной черными горизонтальными полосками окон, наполовину скрытых балконами, высилась громада отеля “Мариотт”. Солнце стояло в зените, контрастно оттеняя плоскости. Прямо передо мной сверкало бесчисленными бликами хитроумное сооружение из конусов и пирамид голубоватого стекла. На горизонте ярусами ступенчатой пирамиды громоздились гигантские бетонные кубы отеля “Гран Плаза Президент”. Справа, за трепещущей зеленой гладью парка Лумпхини, выступала охряная стена и угловые башни Дусита. И надо всем — идеально голубое небо. Я медленно выпил “Сингха Голд”, размышляя о том, что все уходит безвозвратно.

Внизу в холле сопровождающая проводила переключку, раздавая талоны на завтрак. Так я узнал, что двух вертихвосток зовут Бабетт и Леа. У Бабетт были светлые выющиеся волосы: не то чтобы выющиеся от природы — скорее завитые; еще у мерзавки была красивая грудь, отчетливо видная сквозь прозрачную ткань блузки с набивным этническим рисунком, полагаю, от “Труа Сюис”. Брюки той же материи отличались такой же прозрачностью, сквозь них просвечивали белые кружева трусиков. У черноволосой, тоненькой, как нитка, Леа узость бедер компенсировалась выпуклостью ягодиц, подчеркнутой черными “велосипедками” до колен, и агрессивно торчащими под коротенькой канареечной майкой сосками. На щелке пупка блестел малюсенький бриллиант. Я внимательно изучил обеих цыпочек с тем, чтобы позабыть о них навсегда.

Раздача талонов продолжалась. Сон — так звали гидшу — выкликала всех по именам, меня от этого с

души воротило. Ё-мое, мы ж не в детском саду. Я было обрадовался, когда она назвала пенсионеров по фамилии: “месье и мадам Лоближуа”, однако она тут же с лучезарной улыбкой добавила:

— Жозетт и Рене.

Невероятно, но факт.

— Меня зовут Рене, — подтвердил супруг, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Час от часу не легче, — буркнул я.

Жена бросила на него усталый взгляд, который следовало понимать как: “Помолчал бы, а то вечно лезешь”. Я вдруг сообразил, кого он мне напоминает: господина Плюса из рекламы Бальзена. Может, это он и был? Я обратился к его жене: не доводилось ли им в прошлом сниматься на вторых ролях? Нет, никогда; оказалось, они колбасники. Похоже, между прочим. Итак, весельчак наш держал некогда колбасную лавку (в Кламаре, уточнила супруга), паршивый магазинчик, где отовариваются лишь бедняки, которых он и забавлял своими остротами.

Затем следовали еще две супружеские пары, невыразительные внешне и, вероятно, как-то связанные между собой. Может, уже отдохали вместе? Или познакомились за брекфестом? На этой стадии путешествия не разберешь. Начнем с наиболее несимпатичной. Супруг слегка напоминал Антуана Вештера¹ в молодости, если такое можно вообразить, но только шатен, и бородка аккуратно подстрижена; в сущности, он напоминал не столько Антуана Вештера, сколько Робина Гуда, хотя чувствовалось в нем и что-то швейцарское. Одним словом, никого он не напоми-

1 Антуан Вештер — лидер французского движения защитников окружающей среды.

нал — обыкновенный кретин. Не говоря уже о жене: серьезная, в комбинезончике, добропорядочная молочница. Наверняка эти двое уже произвели на свет себе подобных, подумал я; оставили небось ребеночка у бабушки где-нибудь в Лон-ле-Сонье. Вторая пара, постарше, производила более приятное впечатление. Он, тощий, усатый, нервный, представился мне как натуропат и, видя мое невежество, пояснил, что врачует травами и другими натуральными, по возможности, средствами. Она, невысокая, сухонькая, работала в социальной сфере, занималась в Эльзасе трудоустройством лиц, имеющих судимость; вид у обоих был такой, будто они не трахались уже лет тридцать. Супруг, похоже, расположился побеседовать со мной о пользе натуральных методов лечения; почувствовав, что не вынесу, я отошел и присел на банкетку. Отсюда чета колбасников мешала мне хорошенько рассмотреть трех оставшихся участников группы: мужчина по имени Робер — пятидесятилетний жлоб с необъяснимо жестким выражением глаз; затем женщина таких же лет, бывалая, с обрамленным черными кудрями недобрым и одновременно вялым лицом — она звалась Жозианой; и, наконец, женщина помоложе, лет двадцати семи, не больше, незаметная — она подобострастно следовала за Жозианой и именовалась Валери. Ладно, разберемся по ходу дела, время есть, мрачно бухтел я себе под нос по дороге к автобусу. Я заметил, что Сон не отрываясь смотрит на список пассажиров. Лицо ее напряглось, губы непроизвольно шептали какие-то слова, в них угадывалось смятение, чуть ли не страх. Оказалось, что нас тринадцать; тайландцы очень суеверны, больше даже, чем китайцы; в нумерации этажей и домов им случается перескакивать с двенадцатого на

четырнадцатый, лишь бы избежать числа тринадцать. Я сел на левую сторону в центре салона. Во время групповых поездок экскурсанты, как правило, осваиваются очень быстро: для спокойствия важно только пораньше занять место и держаться его, можно даже положить на него какие-нибудь свои вещи, словом, обжить.

Учитывая, что автобус был на три четверти пуст, я немало удивился, когда Валери села рядом со мной. Двумя рядами дальше Бабетт и Леа насмешливо зашушукались. Заткнитесь, сучки. Я исподволь разглядывал соседку: длинные темные волосы, лицо — не знаю, как и сказать, — неброское, в общем; не красавица и не дурнушка. Я напряг свои мыслительные способности и проямлил:

— Вам не слишком жарко?

— Нет, нет, в автобусе нормально, — ответила она быстро и без улыбки, видимо испытав облегчение оттого, что я начал разговор.

А между тем глупее вопроса и придумать невозможно: в автобусе стоял чудовищный холод.

— Вы уже бывали в Таиланде? — спросила она, умело поддержав беседу.

— Да, один раз.

Она замерла в ожидании, приготовясь выслушать интересный рассказ. Рассказать ей о моей первой поездке? Лучше не сейчас, потом как-нибудь.

— Было хорошо... — выдавил я из себя наконец, стараясь компенсировать банальность фразы задушевностью тона.

Она удовлетворенно кивнула. Тут я сообразил, что девушка эта несколько не зависела от Жозианы; покорность была ее натурой, и, может, она как раз искала себе нового хозяина; может, Жозиана ей надо-

ела — та, кстати, сидела впереди, через два ряда от нас, с остервенением листала путеводитель “Рутар” и злобно поглядывала в нашу сторону. Просто песня!

Сразу за причалом Пэйаб лодка свернула направо в Кхлонг-Самсен, и мы попали в совершенно иной мир. Люди жили здесь так же, как и сто лет назад. Вдоль канала стояли домишки из тика на сваях; под навесами сушилось белье. Женщины глазели на нас из окон, другие, увидев нас, отрывались от стирки. Между сваями барахтались в воде ребяташки, они махали нам руками. Повсюду буйствовала растительность, пирога наша продиралась сквозь заросли водяных лилий и лотосов; жизнь была ключом. Любое свободное пространство на земле, в воздухе или воде мгновенно заполнялось ящерицами, бабочками, карпами. Хотя приехали мы, как сообщила Сон, в разгар сухого сезона, атмосфера была безнадежно перенасыщена влагой.

Валери сидела рядом со мной, от нее веяло глубочайшим покоем. Она махала рукой старикам, курившим трубку на балконе, купающейся ребятне, стирающим женщинам, а те отвечали на ее приветствия. Наши экологи тоже расслабились, и даже натуропаты выглядели более умиротворенными. Нас окружали лишь тихие звуки да улыбки. Валери повернулась ко мне. Я чуть было не взял ее за руку, но удержался, сам не знаю почему. Лодка замерла: на короткое мгновение мы погрузились в вечность счастливого дня; Леа с Бабетт и те смолкли. Они ловили кайф, как потом, уже на пристани, объяснила Леа.

Во время осмотра Храма Утренней Зари я подумал, что надо бы найти открытую аптеку и купить ви-агру. На обратном пути я узнал, что Валери родом из

Бретани — ее родители владели раньше фермой в Трегорруа; сам же я не находил, что ей сказать. У нее было умненькое личико, но мне не хотелось вести умных разговоров. Мне нравился ее нежный голос, прилежный вид, движение ее губ; я представил себе, как горячо у нее во рту и как она с готовностью глотает сперму любящего друга.

— Сегодня было хорошо... — пробормотал я наконец от безысходности. Я отвык от людей — слишком долго жил в одиночестве — и теперь не знал, как подступить.

— Да, хорошо... — согласилась она без претензий — славная девушка. Тем не менее, когда автобус подъехал к отелю, я ринулся в бар.

После трех коктейлей я пожалел о своем поведении на экскурсии и вышел в холл. Было семь часов вечера, из нашей группы никто еще не спустился. За четверта бат желающие могли получить ужин с “традиционными тайскими танцами” — встреча в восемь. Валери, конечно, пойдет. Лично я уже имел некоторое представление о традиционных тайских танцах, поскольку три года назад совершил тур “Классический Таиланд от ‘Розы Севера’ до ‘Города Ангелов’”, организованный фирмой “Куони”. Неплохой, между прочим, тур, только дороговатый и жуть какой культурный: все участники с высшим образованием. От них не ускользало ничего: ни тридцать две позы Будды в Раттанакосине, ни различия между тайско-бирманским, тайско-кхмерским и собственно тайским стилями. Без “Синего путеводителя” я постоянно чувствовал себя смешным и вернулся из поездки измученным. Между тем я начинал ощущать настоящее желание потрахаться. В нарастающей нерешительно-

сти я кружил по холлу и вдруг увидел надпись “Оздоровительный клуб” с указателем на нижний этаж.

Помимо красных неоновых светильников вход обрамляла гирлянда разноцветных лампочек. Со светящегося белого панно три сирены в бикини с неправдоподобной грудью протягивали входящему бокалы шампанского; на заднем плане вырисовывалась стилизованная Эйфелева башня — словом, концепция интерьера здесь несколько отличалась от “пространства форм” в отелях “Меркурий”. Я вошел в бар и заказал бурбон. За стеклом дюжина девиц повернули головы в мою сторону, некоторые завлекающе улыбались, некоторые — нет. Из клиентов я был один. Несмотря на малые размеры заведения, девушки носили круглые бляшки с номерами. Я сразу выбрал номер семь: во-первых, она была миленькой, во-вторых, не выглядела чрезмерно увлеченной ни телевизионной программой, ни болтовней с подружкой. Услышав, что ее вызвали, она поднялась, явно довольная. Я угостил ее в баре кока-колой, и мы пошли в комнату. Ее звали Оон, во всяком случае так я расслышал; приехала она из деревушки поблизости от Чиангмая на севере страны. Ей было девятнадцать.

Мы приняли пенную ванну, после чего я не вытираясь распластался на матрасе, чувствуя, что не пожалю о своем выборе. Оон двигалась великолепно, гибко; и мыльной пены сделала ровно сколько нужно. Сначала она ласкала грудью мои ягодицы; это была ее собственная выдумка, другие так не делали. Ее хорошо намыленной лобок жесткой щеточкой терся о мои икры. У меня мигом все взыграло, даже удивительно; когда она перевернула меня и стала гладить мне член ногой, я уже думал: конец. Я резко напряг мышцы и ценой огромных усилий все-таки сдержался.

Она села на меня верхом; я воображал, что меня хватит надолго, но просчитался. Она, хоть и была совсем молоденькой, дело свое знала. Начала она очень нежно, лишь чуть-чуть надавливая на головку, затем опустилась на несколько сантиметров и зажала меня посильней.

— О-о! Оон! О! О! — закричал я.

Она рассмеялась, наслаждаясь своей властью над мной, опустилась пониже, стенки влагалища сжимались медленно и сильно; при этом она смотрела мне прямо в глаза и улыбалась. Я кончил задолго до того, как она добралась до основания моего пениса.

Потом мы лежали на кровати обнявшись и болтали; она, похоже, не спешила возвращаться в бар. Клиентов туда приходило немного; в этом отеле обычно селились люди немолодые, непримечательные и ко всему охладевшие. Останавливались и французы, но мало кто из них увлекался эротическим массажем. Те, которые ей встречались, были вполне милы, но в основном она имела дело с немцами и австралийцами. Иногда с японцами; японцев она не любила: они со странностями, им обязательно хочется либо бить тебя, либо связывать, а то еще сядут и онанируют, глядя на твои туфли; неинтересно, коротко, нисколько.

А как я ей понравился? Неплохо, только она надеялась, что я дольше продержусь.

— Much need...¹ — добавила она, легонько теребя пальцами мой пресыщенный член. А в остальном я произвел на нее приятное впечатление.

— You look quiet...² — сказала она.

1 Очень хотелось (*искаж. англ.*).

2 Ты выглядишь спокойным (*англ.*).

Тут она немного ошибалась; впрочем, она и вправду меня успокоила. Я дал ей три тысячи бат: цена, по моим воспоминаниям, приличная. По ее реакции я понял, что цена действительно хорошая.

— Кроп кхун кхат! — воскликнула она, улыбаясь во весь рот, и поднесла сложенные ладони ко лбу. Потом проводила меня к выходу, держа за руку; в дверях мы расцеловались в щеки.

Поднимаясь по лестнице, я нос к носу столкнулся с Жозианой, в нерешительности стоявшей на верхней ступеньке. Она нарядилась в черную вечернюю тунику с золотой каймой, но привлекательней от этого не стала. Повернув ко мне умное, немного полное лицо, она смотрела на меня не мигая. Я заметил, что она и голову помыла. Никто не назвал бы ее дурнушкой; если хотите, она была даже хороша собой — помнится, мне очень нравились ливанки ее типа, — но глаза неизменно оставались злыми. Ее легко можно было вообразить спорящей о политике, а вот страдающей — нет. Мне нечего было ей сказать. Я опустил голову. Вероятно немного смутившись, она заговорила первая:

— Там что-нибудь интересное внизу?

Она раздражала меня до такой степени, что я чуть не брякнул: “Бар со шлюхами”, но потом все-таки соврал, так проще:

— Нет, нет, не знаю, что-то вроде салона красоты...

— Вы манкируете ужином-концертом, — не отставала эта гадина.

— Вы тоже... — парировал я. Она помедлила с ответом, жеманно выдержала паузу.

— Ах, знаете, я не любительница таких вещей... — продолжала она, поведя рукой на манер расиновской героини. — Это для туристов...

Что она хотела этим сказать? Разве все остальное — не для туристов? Я снова еле сдержался, чтобы не съездить ей кулаком по роже. Она стояла посреди лестницы и загораживала мне проход; пришлось набраться терпения. Автор пламенных необузданных посланий, святой Иероним проявлял, когда требовали обстоятельства, христианское смирение и оттого был произведен в великие святые и отцы Церкви.

“Традиционные тайские танцы”, полагала она, зрелище для Жозетт и Рене, которых она в душе считала *мещанами*; я с ужасом понял, что она ищет во мне союзника. В самом деле, скоро наша группа двинется в глубь страны, мы поделимся на два лагеря и будем есть за двумя столами; настала пора определиться, с кем ты.

— Н-да... — сказал я.

И тут, откуда ни возьмись, на верху лестницы возник Робер. Он хотел спуститься. Я ловким движением уступил ему дорогу, поднявшись при этом на несколько ступенек. Перед тем как ускользнуть в ресторан, я обернулся: Жозиана стояла как вкопанная и не спускала глаз с Робера, а тот решительно направлялся в массажный салон.

Бабетт и Леа хлопотали возле стола с овощами. Я кивнул им сухо в знак того, что их узнал, и положил себе батат. Надо думать, они тоже сочли тайские танцы *нафталиновыми*. Возвращаясь к своему столу, я обнаружил, что обе красотки сидят от меня в нескольких метрах. Леа была одета в футболку “Rage against the machine”¹ и облегающие джинсы “бермуды”, Бабетт — в бесформенную хламиду из полос цветного шелка и прозрачной ткани между ними. Они оживлен-

1 Ярость против машин (англ.).

но щebetали, обсуждая, как мне показалось, нью-йоркские гостиницы. Не дай бог такую жену. Что, если сменить столик? Нет, это было бы вызывающе. Я просто сел за него с другой стороны, так, чтобы оказаться к ним спиной, заглотал ужин и пошел к себе в номер.

Только я собрался принять ванну, как туда заявился таракан. Выбрал подходящее время, лучше не придумаешь. Скользил по кафелю, черт такой; я стал искать глазами тапок, хотя в душе понимал, что шансов разделаться с ним у меня немного. Стоит ли бороться? С тараканами, с хандрой? Даже Оон со своей потрясающе упругой пампушкой ничем не может помочь. Мы обречены. Тараканы совокупаются весьма неуклюже и, похоже, без особой радости, зато делают это часто, и мутация происходит у них очень быстро; мы против них бессильны.

Перед тем как раздеться, я снова вспомнил Оон, воздав должное ей и всем проституткам в Таиланде. Работа у них, между прочим, нелегкая; думаю, им не часто попадают крепкие юноши сносной наружности, желающие просто по-честному кончить вместе. Про японцев и говорить нечего — я даже вздрогнул при одной мысли о них и взял в руки путеводитель "Рутар". Бабетт и Леа не смогли бы работать тайландскими проститутками, да и недостойны этого. Валери — как знать; что-то угадывалось в ней такое, одновременно материнское и чуточку блядское — и то и другое, понятно, домысел; пока она была просто милой девушкой, приветливой, серьезной. Уменьшкой, кстати. Хм, в самом деле, она мне нравилась. Я аккуратненько потискал свое хозяйство, чтобы потом приступить к чтению с легкой душой: даже несколько капель выцедил.

Взявшись подготовить желающих к поездке в Таиланд, “Гид де Рутар” на деле сеет в вас живейшие сомнения относительно такого путешествия и уже в предисловии считает своим долгом изобличить сексуальный туризм — эту *мерзкую форму эксплуатации*. Авторы брюзжат беспрестанно с единственной целью: отравить ненавистным туристам все радости до последней. Потому что любят они на самом деле только себя самих, если судить по разным саркастическим замечаниям, которыми усеяна книга, как, например: “Ах, милочка, видели бы вы это во времена х-х-хиппи!..” Неприятнее всего — резкий, холодный, суровый тон, в котором сквозит плохо сдерживаемое негодование: “Мы не ханжи, но Паттайя нам не по душе. Надо же и меру знать”. Чуть дальше они обрушиваются на “толстобрюхих западных туристов”, красующихся, видите ли, в обнимку с маленькими тайками; наших “бродяг” от этого “тошнит”. Святоши пуританские, высоко нравственные кретины — вот кто они такие вместе со всеми их “славными друзьями, которые помогли им в работе над книгой” и чьи рожи самодовольно глядят на вас с четвертой страницы обложки. Я с досадой швырнул путеводитель через всю комнату и едва не угодил в телевизор “Sony”, затем, смирившись с судьбой, открыл “Фирму” Джона Гришэма, американский бестселлер, один из лучших — имеется в виду по раскупаемости. Главный герой — подающий надежды адвокат, блистательный юноша, красавец — работает по девяносто часов в неделю; пакость эта не просто была похабнейшим образом подстроена под будущий сценарий, но еще и чувствовалось, что автор уже подумал об актерском составе и писал главную роль для Тома Круза. Супруга героя — тоже баба хоть куда, вот только работает все-

го восемьдесят часов в неделю; Николь Кидман тут не годилась, эта роль не для курчавых, тут надо чтоб укладка феном. Слава богу, у них нет детишек — это избавляет нас от лишних душераздирающих сцен. Роман принадлежит к категории остросюжетных, вернее умеренно остросюжетных: уже со второй главы становится ясно, что руководители фирмы — подлецы, а также что герой в конце останется жив, как, впрочем, и его жена. Зато по ходу действия автору для нагнетания страстей наверняка придется пожертвовать несколькими симпатичными персонажами второго плана; оставалось выяснить, какими именно — что ж, есть ради чего читать. Может, например, отцом героя, у того как раз дела не клеились, не удавалось приспособиться к современному менеджменту; я подозревал, что дни его сочтены.

Детство Валери прошло на хуторе Тремеван, расположенном в нескольких километрах к северу от Генгана. В 70-е и в начале 80-х правительство и местные власти вознамерились создать в Бретани мощный центр производства свинины, способный конкурировать с Великобританией и Данией. Государство стимулировало развитие интенсивных хозяйств, и молодые фермеры, к числу которых принадлежал отец Валери, получили значительные ссуды в банке “Креди Агриколь”. В 1984 году цены на свинину начали резко падать; Валери исполнилось тогда одиннадцать лет. Она была девочкой послушной, немного замкнутой, училась хорошо; осенью ей предстояло идти в шестой класс коллежа в Генгане. Ее старший брат успешно сдал выпускные экзамены и записался на подготовительные курсы при лицее в городе Ренн: он мечтал стать агрономом.

Валери запомнилось Рождество 84-го; отец тогда провел целый день с бухгалтером Национальной федерации земледельческих профсоюзов. За праздничным ужином он сидел молча. Во время десерта, после двух бокалов шампанского, заговорил с сыном. “Продолжать мое дело я тебе не советую, — сказал он. — Вот уже двадцать лет, как я встаю затемно и заканчи-

ваю работу в восемь-девять вечера; мы с твоей матерью отпуска ни разу не имели. А продай я сейчас ферму со всей техникой и хлевами и вложи деньги в гостиничное дело — смогу остаток своих дней загорать на солнышке”.

В последующие годы цены на свинину продолжали снижаться. Фермеры устраивали демонстрации протеста, нередко заканчивавшиеся беспорядками; однажды они вылили на эспланаду перед Инвалидами тонны навозной жижи, в другой раз резали свиней на площади перед Пале-Бурбон. В конце 1986 года правительство приняло постановление о неотложных мерах, направленных на поддержку свиноводства, потом разработало план подъема отрасли. В апреле 1987-го отец Валери продал все хозяйство за четыре с небольшим миллиона франков. На вырученные деньги он купил большую квартиру в Сен-Ке-Портиё, куда переехал с семьей, и три однокомнатных в Торремолинос; у него остался миллион, который он вложил в инвестиционные фонды; а кроме того, он смог осуществить свою детскую мечту — приобрел небольшую яхту. Подписывая акт о продаже фермы, он испытывал грусть и горечь одновременно. Новый хозяин, уроженец Ланьона, двадцатитрехлетний холостяк с сельскохозяйственным образованием, еще верил в планы экономического возрождения. Отцу Валери минуло в ту пору сорок восемь, матери — сорок семь; лучшие годы их жизни прошли, считай, впустую. Они жили в стране, где инвестиции в производство не давали никаких реальных преимуществ перед спекулятивными вложениями — теперь он в этом убедился. Сдача внаем однокомнатных квартир сразу же принесла ему больше денег, чем годы упорного труда. Оставшись не у дел, он решал кроссворды, хо-

дил на яхте по заливу, рыбачил иногда. Жена поддерживала его как могла; она освоилась в новой жизни куда быстрее, снова полюбила книги, кино, стала бывать на людях.

Когда продавали ферму, Валери исполнилось четырнадцать лет, она уже начала краситься; в зеркале, висевшем на стене ванной, она регулярно наблюдала, как наливаются ее грудь. Накануне переезда она долго бродила по хутору. В центральном хлеву оставался еще десяток свиней, они подошли к ней, тихонько похрюкивая. Вечером их должен был забрать оптовик и через несколько дней забить.

Лето на новом месте протекало необычно. По сравнению с их Тремеваном Сен-Ке-Портриё казался настоящим городом. Валери не могла теперь, выйдя из дома, лечь, как прежде, на траву, унести мысли вслед облакам, слушая ропот реки. На улице некоторые мальчишки из числа отдыхающих провожали ее долгими взглядами; ей никогда не удавалось полностью расслабиться. В августе она познакомилась с Беренис, своей будущей одноклассницей: Валери определили в лицей в Сен-Бриё. Беренис была на год старше, она ярко красилась, носила фирменные юбки; у нее было хорошенькое остренькое личико и очень длинные светлые волосы удивительного рыжеватого оттенка. Девочки стали вместе ходить на пляж Сен-Маргерит; переодевались в комнате Валери. Однажды, сняв лифчик, Валери перехватила взгляд Беренис, устремленный на ее грудь. Она и сама знала, что грудь у нее великолепная, круглая, высокая, такая налитая и плотная, будто искусственная. Беренис протянула руку, погладила пальцами сосок. Губы их сблизились, Валери открыла рот и зажмурилась, отдаваясь поцелую целиком. Внизу у нее все увлажни-

лось, раньше чем Беренис скользнула рукой ей в трусы. Валери проворно сбросила их, опрокинулась на кровать, раздвинула ноги. Беренис опустила на колени, прильнула к вульве губами. Валери сводило живот горячими судорогами, ей казалось, что она взмывает в бесконечные пространства поднебесья; никогда прежде она не подозревала о существовании подобного блаженства.

Они проделывали это снова и снова, каждый день до конца лета. Первый раз после обеда, перед тем как идти на пляж. Потом они отправлялись загорать, и, лежа на солнце, Валери чувствовала, как во всем теле постепенно нарастает желание; тогда она снимала бюстгальтер, чтобы Беренис могла полюбоваться ее грудью. Затем они чуть ли не бегом возвращались в комнату и опять предавались любви.

С началом занятий, уже в первую неделю, Беренис стала отдаляться от Валери, избегать встреч после уроков: у Беренис появился парень. Валери спокойно перенесла разрыв — жизнь есть жизнь. У нее вошло в привычку ласкать себя по утрам, как проснет. Всякий раз за несколько минут она доводила себя до оргазма, и от этого легкого и восхитительного упражнения радость сохранялась на целый день. К мальчикам она относилась настороженно: купив в привокзальном киоске несколько номеров “Хот видео”, она получила представление о том, как устроены их половые органы, и вообще о сексе, однако волосатые мускулистые тела мужчин внушали ей легкое отвращение, а их кожа казалась толстой и грубой. Сморщенная коричневатая мошонка и пенис с красной блестящей головкой выглядели совсем непривлекательно. Тем не менее как-то раз Валери прове-

ла вечер в пенпольском кабачке с долговязым блондином из выпускного класса и потом переспала с ним, но особенного удовольствия не почувствовала. В последние два года учебы в лицее она много раз пробовала с другими; соблазнять мальчишек проще простого: надо только надевать короткую юбку, закидывать ногу на ногу и блузку носить с большим вырезом или прозрачную, чтоб видели грудь; приобретенный сексуальный опыт не открыл ей ничего нового. Умом она понимала, какое блаженное торжество испытывают некоторые женщины, чувствуя, как мужской член глубоко проникает в них, но сама ничего подобного не ощущала. Презерватив, понятно, тоже мешал; хлюпание резинки всякий раз возвращало ее к реальности, когда она уже готова была соскользнуть в головокружительную сладостную бездну. Ко времени выпускных экзаменов она почти полностью отказалась от половой жизни.

Прошедшие с тех пор десять лет мало что изменили, с грустью думала Валери, проснувшись в номере отеля "Бангкок Палас". Еще не рассвело. Она зажгла свет, посмотрела на себя в зеркало. Грудь оставалась упругой, как у семнадцатилетней девочки. И ягодицы нисколько не обвисли, не ожирели; слов нет, у нее было прекрасное тело. Между тем к завтраку она натянула на себя спортивный хлопчатобумажный свитер и бесформенные бермуды. Выходя из комнаты, еще раз взглянула в зеркало: лицо как лицо, симпатичное, но и только; волосы, черные, гладкие, небрежно спадали на плечи, глаза темно-карие, обыкновенные. Она могла бы выглядеть эффектнее, если бы умело пользовалась косметикой, сменила прическу, посещала бы визажиста. Большинство женщин ее возраста непременно уделяют своей внешности не-

сколько часов в неделю; ей же казалось, что лучше она от этого не станет. В сущности, у нее просто отсутствовало желание обольщать.

Мы выехали из отеля в семь часов, на улицах уже кипела жизнь. Валери кивнула мне и села рядом, через проход. В автобусе никто не разговаривал. Серый мегаполис медленно пробуждался; между переполненными автобусами сновали мотороллеры, на них перемещались семьями: муж, жена, иногда ребенок на руках. В кварталах у реки еще лежал туман. Скоро солнце пробьется сквозь утренние облака и начнется жара. Когда миновали Нонтхабури, городская застройка стала редеть, и мы увидели первые рисовые поля. У дороги, увязнув ногами в грязи, неподвижно стояли буйволы и провожали глазами автобус, точь-в-точь как наши коровы. В стане экологов заерзали: видно, не терпелось буйволов сфотографировать.

Первую остановку сделали в Канчанабури: описывая этот город, разные справочники, словно сговорившись, употребляют эпитеты “оживленный” и “веселый”. “Превосходная отправная точка для осмотра окружающей местности”, — пишет “Мишлен”; “хороший базовый лагерь”, — вторит ему “Рутар”. Далее наша программа предусматривала экскурсию на поезде по “дороге смерти”, петляющей вдоль берега реки Квай. Я никогда не мог толком разобраться, что все-таки произошло на реке Квай, а потому добросовестно слушал объяснения экскурсовода. По счастью, Рене сверял ее рассказ с текстом “Мишлена” и при надобности поправлял. В итоге получилось приблизительно следующее: вступив в войну в 1941 году, японцы решили построить железную дорогу, соединяющую Сингапур и Бирму, рассчитывая в дальней-

шем вторгнуться в Индию. Дорога эта пролегла через Малайзию и Таиланд. Между прочим, что делали тайландцы во время Второй мировой войны? Ничего особенного. Соблюдали нейтралитет, целомудренно отвечала Сон. Точнее, как пояснил Рене, заключили военное соглашение с Японией, не объявляя, однако, войны союзникам. Мудро. Они и тут проявили свою хваленую *изворотливость*, позволившую им в течение последних двух с лишним веков существовать между двумя колониальными империями, французской и британской, не уступая ни одной из них и оставаясь единственной страной Юго-Восточной Азии, которая никогда не была колонией.

Короче, в 1942 году началось строительство; в долину реки Квай согнали шестьдесят тысяч военнопленных: англичан, австралийцев, новозеландцев и американцев, а сверх того “бесчисленное” множество каторжников-азиатов. В октябре 1943 года дорогу построили; при этом, не вынеся голода, скверного климата и природной жестокости японцев, погибли шестнадцать тысяч военнопленных. А вскоре авиация союзников разбомбила мост через реку Квай — основной элемент инфраструктуры; использовать железную дорогу стало невозможно. В общем, горы трупов, и все напрасно. С тех пор положение не изменилось: наладить железнодорожное сообщение между Сингапуром и Дели не удалось и по сей день.

При осмотре музея, открытого в память о невыносимых страданиях военнопленных, я испытывал смешанные чувства. Разумеется, думал я, история весьма прискорбная, но, с другой стороны, во время Второй мировой войны случались вещи и пострашней. Мне невольно приходило на ум, что, окажись эти пленные

поляками или русскими, никто б не стал поднимать такую шумиху.

Потом пришлось выдержать еще и посещение кладбища военнопленных, положивших жизнь и все такое прочее. Белые кресты, все одинаковые, стояли рядами и навевали глубокую тоску. Я вспомнил мемориал “Омаха-Бич”¹, который тоже не произвел на меня должного впечатления: по правде говоря, он показался мне похожим на инсталляцию современного художника. “Здесь, — подумал я тогда, сознавая, что грусть моя недостаточно глубока, — целая куча дураков полегла за демократию”. Кладбище на реке Квай намного меньше, теоретически можно было даже посчитать могилы, я начал, но вскоре бросил.

— Тут не может быть шестнадцати тысяч, — заключил я вслух.

— Совершенно верно, — откликнулся Рене, не отрывавшийся от “Мишлена”. — Погибло около шестнадцати тысяч человек, однако могил всего пятьсот восемьдесят две; здесь покоятся, как их принято называть, — он читал, водя пальцем по строчкам, — пятьсот восемьдесят два мученика за демократию.

В десятилетнем возрасте, сдав норму на третью “звездочку” по лыжам, я отпраздновал это событие в кондитерской блинами с “Гран Марнье”. Гулял в одиночку — поделиться радостью мне было не с кем. Я тогда, как обычно, гостил у отца в Шамони. Он работал проводником, асом был в альпинизме. И дружбу водил с людьми себе под стать: отважными, мужественными; среди них я чувствовал себя не очень

1 Омаха-Бич — закодированное в целях конспирации название побережья Нормандии, где в 1944 г. происходила высадка американских войск.

уверенно. Я вообще никогда не чувствовал себя уверенно в мужском обществе. Мне исполнилось одиннадцать лет, когда девочка впервые показала мне свою киску: удивительный маленький орган с прорезью полюбился мне сразу. Он был почти без волос; девочку, мою ровесницу, звали Мартина. Она долго старательно оттягивала трусики, чтобы я мог все как следует разглядеть, но когда я протянул руку, испугалась и убежала. Казалось, это случилось совсем недавно; на мой взгляд, я не очень изменился с тех пор. Мое пристрастие к женским пампушкам несколько не ослабло, пожалуй, оно было последней сохранившейся во мне подлинно человеческой чертой; насчет всего остального — сомневаюсь.

Когда мы возвратились в автобус, Сон рассказала нам о дальнейших планах. Мы направлялись теперь к месту нашего ночлега, ночлега совершенно особенного, подчеркнула она. Никакого телевизора, никакого видео. Никакого электричества — свечи. Вместо ванной — река. Вместо матрасов — циновки. Возвращение к природе. Вечно это возвращение к естественному состоянию сводится ко всякого рода лишениям, отметил я про себя; зато наши экологи — пока ехали на поезде, я волей-неволей выучил, что их зовут Эрик и Сильви, — сгорали от нетерпения.

— Французская кухня вечером, — заключила Сон без видимой связи. — Сейчас кушать тайский. Маленький ресторан. Берег реки.

Дивный уголок. Столы стояли в тени деревьев. В залитом солнцем бассейне у входа плавали лягушки и черепахи. Я долго смотрел на них, снова и снова удивляясь тому, как бурно все размножается в здешнем климате. На глубине сновали какие-то белесые

рыбешки. Над ними среди водяных лилий скользили дафнии. На лилии то и дело садились насекомые. Черепахи наблюдали за всем со свойственным их роду невозмутимым спокойствием.

Меня окликнула Сон, сказала, что обед уже начался. Я отправился в зал у реки. Нам накрыли два стола, на шесть человек каждый; все места оказались заняты. Я озирался, охваченный легкой паникой; на выручку мне пришел Рене.

— Какие проблемы? Идите к нам! — пригласил он широким жестом. — Добавим прибор с краю.

Так я очутился в компании, состоящей из супружеских пар: экологи, натуропаты — заодно открылось, что их зовут Альбер и Сюзанна, — и почтенные колбасники. Разделение на группы объяснялось, как я очень скоро убедился, не реальной близостью между людьми, а всего лишь необходимостью быстро выбрать место за столом; как нередко случается в экстренных ситуациях, пары инстинктивно соединились; в сущности, этот обед представлял собой только первый раунд, во время которого участникам надлежало присмотреться друг к другу.

Сначала разговор зашел о *массажах* — натуропатов они интересовали чрезвычайно. Накануне вечером Альбер и Сюзанна предпочли традиционным тайским танцам великолепный массаж спины. Рене игриво улыбнулся, но Альбер осадил его взглядом, сразу дав понять, что смешки тут совершенно неуместны. Традиционный тайский массаж, произнес он с пафосом, не имеет ничего общего со всякими гнусностями; это плод цивилизации, которая насчитывает сотни, даже тысячи лет, к тому же он полностью согласуется с китайским учением об иглотерапии. Они сами практиковали его у себя в Монбельяре, но, разу-

меется, не могли сравниться с тайскими массажистами в сноровке; прошедшим вечером, заключил он, они получили прекрасный урок. Эрик и Сильви слушали их как замороженные. Рене смущенно кашлянул; в самом деле, эротика никак не вязалась с четой из Монбельяра. И кто это выдумал, что Франция страна фривольности? Франция страна скуки и угрюмого бюрократизма.

— Мне тоже вчера девушка делала массаж, — робко вставил я, — начала со спины, а закончила яйцами.

Поскольку рот у меня в эту минуту был забит орехами кешью, никто, казалось, не разобрал моих слов, кроме Сильви, посмотревшей на меня с ужасом. Я отпил глоток пива и без смущения выдержал ее взгляд: сама-то она хоть способна обиходить мужское хозяйство? Это еще требовалось доказать. А пока что я мог спокойно дожидаться своего кофе.

— Здешние малышки и вправду очень милы, — отозвалась Жозетт, усугубив общее замешательство, и взяла ломтик папайи.

Кофе задерживался. Чем заняться под конец обеда, если нельзя курить? Я наблюдал, как в душе у всех постепенно зрела досада. Мы с трудом сумели кое-как закруглить разговор общими соображениями о климате.

Мне вспомнилось, как однажды отца сразила депрессия, особенно страшная для такого активного человека; он неподвижно лежал на кровати, а друзья-альпинисты толпились вокруг, смущенные и беспомощные. По его собственному признанию, он так упорно занимался спортом, чтобы забыть и ни о чем не думать. И ему это удалось: я уверен, ему удалось прожить жизнь, ни разу всерьез не задумавшись о смысле человеческого существования.

В автобусе Сон продолжила объяснения. Мы въезжали в приграничный район, заселенный беженцами из Бирмы — каренами; они не причиняли никому вреда. Карены хороший, рассуждала Сон, работающий, дети успешно учатся в школе, никаких проблем. Не то что некоторые северные племена, которых мы не увидим во время нашего путешествия и, по ее словам, ничего не потеряем. Особенно это касалось народности акха — похоже, она имела на них зуб. Несмотря на все усилия правительства, акха не желали отказываться от своей традиционной деятельности — разведения мака. Они исповедовали своеобразный анимизм и пожирали собак. Акха плохой, настаивала Сон: умеют только фрукты собирать и мак выращивать, больше ничего; дети в школах не занимаются. Денег на них потрачено много, а толку чуть. Ни на что не годятся, подытожила она, продемонстрировав несомненную склонность к обобщениям.

Когда мы добрались до гостиницы, я стал с любопытством разглядывать пресловутых каренов, суетившихся у реки. С близкого расстояния, без автоматов, они совсем не выглядели воинственными, а в слонах своих просто души не чаяли. Судя по всему, им доставляло огромное удовольствие барахтаться в воде

и чистить слоновьи спины. Правда, это были не *мятежные карены*, а обыкновенные, как раз и бежавшие оттуда, где шли бои, потому что им надоела вся эта возня, борьба за независимость в том числе.

У себя в комнате я нашел брошюру, где рассказывалась история гостиницы и ее замечательного основателя — Бертрана Ле Моаля, славного предшественника нынешних “бродяг”, влюбившегося в это место и обосновавшегося здесь в конце шестидесятых. Упорным трудом с помощью своих друзей каренов он год за годом создавал здесь “экологический рай”, куда съезжаются теперь туристы со всего света.

Место и в самом деле великолепное. Домики из тикового дерева, украшенные тонкой резьбой и соединенные утопающими в цветах переходами, нависали над рекой — вы ощущали ногами ее пульс. Река протекала в глубоком ущелье, поросшем непроходимыми джунглями. В ту самую минуту, когда я вышел на террасу, неожиданно воцарилась полнейшая тишина. Несколько секунд я не мог понять, в чем дело: оказывается, все птицы разом перестали петь. Джунгли готовились к ночи. Интересно, много ли хищников в этом лесу? Вряд ли; каких-нибудь два-три леопарда, зато змей и пауков, наверное, не счесть. День быстро угасал. Обезьяна, прыгавшая с дерева на дерево на том берегу, громко вскрикнула. Чувствовалось, что ей не по себе и не терпится скорей добраться до своих.

Я возвратился в комнату, зажег свечи. Обстановка самая непритязательная: тиковый стол, две грубые деревянные койки, спальные мешки, циновки. В течение четверти часа я методично натирался средством “Пять из пяти”. Река — это, конечно, приятно, но, сами понимаете, москитов тучи. Нашлась еще пли-

точка мелиссы — тоже не лишняя предосторожность.

Когда я вышел к ужину, уже совсем стемнело; от домика к домику протянулись гирлянды разноцветных лампочек. Значит, электричество тут все-таки есть, отметил я про себя, просто в комнаты его не провели. Я на минуту остановился, облокотился о перила и засмотрелся на реку; взошедшая луна легла на воду серебристой дорожкой. На другом берегу я различал темный массив джунглей; оттуда время от времени доносился глухой крик неведомой ночной птицы.

Любой коллектив, если он насчитывает хотя бы три человека, имеет тенденцию делиться, судя по всему спонтанно, на два враждующих лагеря. Ужин подавали на понтонном помосте посреди реки; нам накрыли два стола. Экологи с натуропатами уже сидели за одним, а бывшие колбасники — в одиночестве за другим. Что послужило поводом для раскола? Может, обеденный разговор о массажах; он, если разобраться, прошел не вполне гладко. Впрочем, уже утром Сюзанна, одетая строго — в блузку и белые льняные брюки, подчеркивавшие сухость ее форм, — приснула со смеху, увидев на Жозетт платье в цветочек. Словом, размежевание началось. Я трусовато замедлил шаг, пропуская вперед Лионеля, моего соседа по самолету, а теперь и по бунгало. Он сориентировался очень быстро и едва ли осознанно; мне показалось, он руководствовался не личными симпатиями, а своего рода *классовой солидарностью* или, вернее, общностью образовательного уровня — он работал в “Газ де Франс”, то есть принадлежал к категории служащих, а те двое были в прошлом мелкими лавочника-

ми. Рене испытал явное облегчение от того, что мы присоединились к ним. Впрочем, наше решение на данной стадии формирования коллектива ничего определенного не означало: выбери мы другой стол, мы бы подчеркнули изоляцию почтенных колбасников, тогда как тут мы просто восстановили равновесие.

Вслед за нами пришли Бабетт и Леа и без малейших колебаний устроились за соседним столом.

Спустя некоторое время — за которое успели подать закуски — на краю площадки появилась Валери и в нерешительности окинула взглядом собравшихся. За соседним столом оставалось два места рядом с Бабетт и Леа. Валери помедлила немного, а потом резко направилась к нашему столу и села слева от меня.

Жозиана одевалась в этот вечер еще дольше обычного; при свечах ей, наверное, пришлось помучиться с косметикой. Черное бархатное, в меру декорированное платье выглядело недурно. После минутного замешательства она выбрала место напротив Валери.

Последним нетвердой походкой явился Робер; он, должно быть, как следует принял перед ужином — я видел его с бутылкой “Меконга” в руках. Подойдя к столу, он тяжело плюхнулся на скамейку слева от Валери. Из леса донесся короткий, но душераздирающий крик: не иначе какой-то зверек распрощался с жизнью.

Сон прошлась между столами, проверяя, все ли в порядке и удобно ли мы устроены. Сама она и шофер ужинали отдельно от нас — такое не слишком демократичное разделение уже за обедом вызвало неодобрение Жозианы. На самом деле, я думаю, Сон оно вполне устраивало, даже если она ничего не имела

против нас: как она ни старалась, долгие беседы на французском давались ей с трудом.

За соседним столом журчала веселая болтовня о том, как здесь красиво, как приятно оказаться на природе, вдали от цивилизации, о вечных ценностях и т. п.

— Ага, здесь классно, — поддакнула Леа. — Вы видели? Это настоящие джунгли... Поверить не могу.

У нас обнаружили проблемы с выбором общей темы для разговора. Сидевший напротив меня Лионель невозмутимо жевал и никаких попыток наладить беседу не предпринимал. Сам я нервно озирался по сторонам. Краем глаза я увидел, как из кухни вышел толстый бородач и резко отчитал официантов: не иначе Бертран Ле Моаль собственной персоной. Пока что самой очевидной его заслугой в моих глазах было то, что он обучил каренов готовить жаркое "дофине". Блюдо удалось на славу: свинина получилась идеально прожаренной, одновременно хрустящей и нежной.

— Сюда б немножко красненького, — меланхолично заметил Рене.

Жозиана презрительно поджала губы: что она думает о французах, которые в путешествии не могут обойтись без своего "красненького", стало ясно без слов.

Валери довольно неловко заступилась за Рене.

— Тайскую пищу совсем не хочется запивать вином, — сказала она, — французская — другое дело.

Сама она, впрочем, пила только воду.

— Когда едешь за границу, — провозгласила Жозиана, — надо пробовать местные блюда и следовать местным обычаям! Иначе лучше сидеть дома.

— Правильно! — гаркнул Робер, сбив весь ее пафос. Она осеклась и посмотрела на него с ненавистью.

— Здешняя кухня все-таки чуть-чуть островата, — робко вставила Жозетт. — А вас, похоже, это не смущает... — добавила она, обращаясь ко мне и стараясь разрядить атмосферу.

— О нет, обожаю все острое. По мне, чем острее, тем лучше. Я и в Париже постоянно ем у китайцев, — поспешно ответил я.

Разговор, таким образом, перешел на китайские рестораны, которых в Париже развелось в последнее время очень много. Валери полагала, что лучшего обеда не придумаешь: и совсем недорого, и куда вкуснее, чем во всяких забегах быстрого обслуживания, и, вероятно, полезнее. Жозиана не нашла, что возразить: сама она обедала в столовой на работе; а Робер, надо думать, счел эту тему недостойной своего участия. Короче, все шло спокойно до самого десерта.

Скандал разразился за сладким рисом. Подрумяненный, с корицей, он был изготовлен, полагаю, по оригинальному рецепту. Жозиана взяла быка за рога и заговорила о сексуальном туризме. Других слов, кроме “откровенная мерзость”, она подобрать не могла. И как только правительство Таиланда допускает подобные вещи, куда смотрит мировое сообщество? Робер слушал ее с кривой усмешкой, не предвещавшей ничего хорошего. Чему же тут удивляться, продолжала она, когда значительная часть этих заведений (иначе как борделями их не назовешь) принадлежит генералам: разврат пользуется могучим покровительством.

— Я сам генерал, — перебил ее Робер. Жозиана застыла с раскрытым ртом, челюсть ее беспомощно отвисла. — Шутка, — хихикнул Робер. — Я даже в армии не служил.

Шутка, похоже, ее нисколько не развеселила. Она собралась с духом и ринулась в атаку с удвоенной силой:

— Постыдно, когда жирные боровы приезжают безнаказанно пользоваться людской нищетой. Несчастливые девочки все из беднейших областей, с севера и северо-востока.

— Не все, — возразил Робер, — есть и из Бангкока.

— Это сексуальное рабство! — вопила Жозиана, не слыша его. — Иначе не скажешь!

Я легонько зевнул. Она бросила на меня мрачный взгляд, но продолжила, призывая всех в свидетели:

— Вы не находите недопустимой ситуацию, когда любой приезжий может получить молоденькую девушку за кусок хлеба?

— Ну не за кусок хлеба, — скромно вставил я. — Я заплатил три тысячи бат, примерно такая же цена во Франции.

Валери повернула голову и посмотрела на меня с удивлением.

— Многовато, — заметил Робер. — Впрочем, если девица того стоила...

Жозиану трясло, я уже начинал за нее беспокоиться.

— А я вам скажу, — визжала она пронзительно, — что меня тошнит, когда толстый боров за деньги заставляет девчонку ублажать его поганый член!

— А я вас не прошу меня сопровождать, мадам, — спокойно ответил Робер.

Она встала, держа тарелку с рисом дрожащими руками. Разговор за соседним столом оборвался. Я думал, она швырнет пудинг ему в лицо; полагаю, ее удержал страх. Робер смотрел на нее серьезно, мус-

кулы под тенниской напряглись. С ним такие штучки не пройдут, я без труда мог представить себе, как он вlepяет ей пощечину. Она резко опустила тарелку на стол, отчего та раскололась на три части; потом развернулась, быстро зашагала прочь в сторону бунгало, исчезла в ночи.

— Тсс... — прошептал Робер.

Затем он поднялся не без изящества, обогнул стол и занял место Жозианы так, чтобы Валери, которая все это время сидела зажата между ним и мной, могла, если хочет, тоже покинуть стол. Но она не покинула; в это время официант подал кофе. Отпив два глотка, Валери снова повернулась ко мне.

— Вы и вправду ходили к девочкам? — спросила она тихо. В вопросе звучало любопытство, явного осуждения я не уловил.

— Не такие уж они бедные, эти девочки, — снова заговорил Робер, — покупают себе мотороллеры и тряпки. Некоторые даже грудь увеличивают. Грудь, между прочим, больших денег стоит. Они, правда, еще родителям помогают, — добавил он, подумав.

Наши спутники за вторым столом шепотом перебросились несколькими фразами и разошлись — надо полагать, из солидарности. Мы, получается, остались хозяевами положения. Луна светила прямо на нас, помост слегка поблескивал.

— Эти маленькие массажистки и в самом деле так хороши? — спросил Рене мечтательно.

— Ах, месье! — воскликнул Робер с театральной напыщенностью, но, в общем-то, как мне показалось, искренне. — Они — чудо! Настоящее чудо! Вы еще не знаете Паттайю. Это курорт такой на восточном побережье, — продолжал он с воодушевлением, —

целиком отданный сладострастию и разврату. Первыми начали американцы во время вьетнамской войны; потом приезжало много англичан и немцев, а теперь можно встретить даже поляков и русских. Там обслуживание на любой вкус: гомосексуалисты, гетеросексуалы, трансвеститы... Содом и Гоморра, вместе взятые. Даже лучше, потому что есть еще и лесбиянки.

— Хм... — бывший колбасник размышлял. Его супруга зевнула, извинилась и обернулась к мужу, ей хотелось поскорей пойти спать.

— В Таиланде, — подытожил Робер, — каждый может найти для себя, чего хочет; и всё — хорошего качества. Вам будут говорить про бразильянок или кубинок. Я много путешествовал, господа, путешествовал для собственного удовольствия, и скажу не колеблясь: на мой взгляд, тайки — лучшие любовницы в мире.

Сидевшая напротив него Валери слушала внимательно и серьезно. Вскоре она улыбнулась и ушла, а за ней — Жозетт и Рене. Потом поднялся Лионель, за весь вечер не произнесший ни слова, и я последовал за ним. Мне не очень хотелось продолжать разговор с Робером. Он остался сидеть в ночи один эдакой аллегорией трезвого мышления, потягивая очередную порцию коньяка. Казалось, им владела глубокая многозначительная мысль, если только он не предавался размышлениям о бренности всего сущего, что неизменно производит впечатление глубины и многозначительности. У входа в бунгало я пожелал Лионелю спокойной ночи. Воздух гудел от насекомых, я был уверен, что не сомкну глаз.

Я открыл дверь и зажег свечу, смирившись с тем, что придется коротать ночь за чтением "Фирмы". Москиты устремились ко мне, некоторые сжигали

крылья в пламени свечи, и трупы их тонули в расплавленном воске; но ни один не садился на меня. А ведь я был по самую кожу наполнен вкусной и питательной кровью; однако они разворачивались, не долетев, поскольку натыкались на барьер из запаха диметилпероксида карбида, с чем и поздравляю лабораторию “Рош-Никола”, создавшую “Пять из пяти: тропик”. Я задул свечу, зажег снова, наблюдая за баблетом гнусных крохотных летательных аппаратов, роившихся вокруг меня. За перегородкой тихо похрапывал Лионель. Я поднялся, положил новую пластинку мяты и пошел помочиться. В полу ванной комнаты зияла круглая дыра, под ней текла река. Слышалось журчание воды, плескались рыбы, а уж что там на глубине — лучше и не думать. Когда я ложился, Лионель принялся с шумом выпускать кишечные газы. Я от души за него порадовался:

— Молодец парень! Как говаривал Мартин Лютер, пукать в собственный спальный мешок — ни с чем не сравнимое удовольствие!

Мой голос в ночи, смешивающийся с журчанием реки и гулом москитов, звучал странно. Звуки реального мира сами по себе причиняют боль.

— Имеющий уши да слышит! — вопил я в темноте. Лионель перевернулся, глухо заворчал, не просыпаясь. Мне ничего не оставалось, как принять еще дозу снотворного.

Река несла вниз по течению пучки травы. В джунглях, подернутых утренней дымкой, пробуждались птицы. Прямо на юге, у выхода из долины, вырисовывались вдалеке причудливые контуры бирманских гор. Такие горы, синеватые, округлые и одновременно изрезанные уступами, я уже видел прежде — возможно, в пейзажах итальянских примитивов¹, когда лицеистом ходил в музей. Никто из группы еще не вставал, и жара еще не началась. Спал я хуже некуда.

После вечернего кризиса за столами установилась атмосфера относительного благодушия. Жозетт и Рене проснулись в хорошей форме, экологи же, напротив, едва стояли на ногах и вид имели плачевный. Пролетарии старшего поколения ценят комфорт и не скрывают этого, но, сталкиваясь с его отсутствием, проявляют гораздо больше выносливости, нежели их дети, будь они хоть трижды экологами. Эрик и Сильви всю ночь не сомкнули глаз; Сильви вдобавок вся покрылась красными волдырями.

— Москиты меня полюбили, — горько усмехнулась она.

1 Этим термином обозначают итальянских живописцев XIV и XV вв.

— У меня есть крем, снимающий зуд. Хотите? Замечательно помогает. Могу принести.

— Благодарю, вы очень любезны, но давайте сначала выпьем кофе.

Кофе подали отвратительный, жидкий, пить невозможно: как видно, в этом отношении здесь придерживались американских норм. Эрик с супругой сникли совершенно, мне прямо-таки больно было видеть, как их “экологический рай” трещит по всем швам; правда, я чувствовал, что сегодня мне все будет причинять боль. Я снова посмотрел на юг.

— Кажется, Бирма очень красива, — тихо сказал я больше себе самому.

Сильви отнеслась к моему высказыванию со всей серьезностью: в Бирме и в самом деле красиво, она тоже об этом слышала, однако не поедет туда *ни за что*. Нельзя поддерживать валютой жесточайшую диктатуру — так становишься ее сообщником. Да, подумал я, валюта.

— Права человека — это важный вопрос! — воскликнула она почти в отчаянии.

Когда люди говорят о правах человека, у меня всегда создается впечатление, что они долдонят заученный урок, но тут, похоже, был иной случай.

— Лично я перестал ездить в Испанию *после* смерти Франко, — заявил Робер, усаживаясь за наш стол. А я и не видел, как он подошел. За ночь он набрался сил и желчности. Он признался, что лег мертвецки пьяным и оттого спал прекрасно. Пока добрался до своего бунгало, несколько раз чуть не сверзился в реку, однако обошлось. — “Ин ша Алла”¹, — заключил он звонко.

1 Волей Аллаха (араб.).

После этой пародии на завтрак Сильви пошла со мной в бунгало. По дороге мы встретили Жозиану. Она шагала угрюмая, замкнутая, даже не удостоила нас взглядом; похоже, она не собиралась вставать на путь всепрощения. “На гражданке”, как шутил Рене, она, оказывается, преподавала словесность; это меня несколько не удивило. Ровно такие же стервозины отбили у меня в свое время охоту заниматься литературой.

Я дал Сильви тюбик крема.

— Я вам сейчас же верну, — сказала она.

— Оставьте у себя, скорее всего, мы больше не встретимся с москитами; сдастся мне, они не жалуют побережье.

Она поблагодарила, дошла до двери, остановилась в нерешительности, потом обернулась:

— Но не можете же вы все-таки одобрять сексуальную эксплуатацию детей! — произнесла она с тревогой в голосе.

Я ожидал чего-нибудь в этом роде; в ответ я покачал головой и сказал устало:

— Детской проституции в Таиланде не так уж много. По-моему, не больше, чем в Европе.

Не зная, верить или нет, она кивнула и вышла.

Я располагал достаточно точной информацией, почерпнутой из любопытной книжонки “The White Book”¹, которую приобрел еще в прошлое путешествие. Она опубликована без указания автора и издателя некой ассоциацией, называемой “Инквизиция 2000”. Под видом разоблачения сексуального туризма там приводились всевозможные адреса по всем странам, при этом информационной части в каждой

1 “Белая книга” (англ.).

главе предшествовало пламенное вступление, призывающее к уважению божественного начала в человеке и восстановлению смертной казни для сексуальных извращенцев. Насчет педофилии “Белая книга” не оставляла никаких сомнений: она категорически не рекомендовала Таиланд, который если когда-либо и представлял интерес в этом отношении, то теперь его полностью утратил. Желающим предлагалось отправиться на Филиппины, а еще лучше в Камбоджу — путешествие рискованное, но того стоит.

Расцвет кхмерского царства приходится на XII век — эпоху строительства Ангкор-Вата. Затем оно начинает понемногу погибать; основными врагами Таиланда становятся бирманцы. В 1351 году король Раматибоди I основывает город Аюттхая. В 1402 году его сын Раматибоди II завоевывает пришедшую в упадок Ангкорскую империю. Тридцать шесть правителей Аюттхайи один за другим ознаменовывают свое царствование возведением буддийских храмов и дворцов. По описаниям французских и португальских путешественников, в XVI—XVII веках это был самый великолепный город Азии. Войны с бирманцами между тем продолжались; в 1767 году после пятнадцатимесячной осады Аюттхая пала. Бирманцы разграбили город, переплавили золотые статуи и оставили после себя одни руины.

Теперь тут царил покой, и легкий ветерок гнал пыль между храмами. От короля Раматибоди мало что осталось, разве только несколько строчек в “Мишлене”. А вот Будда по-прежнему присутствовал и смысла своего не утратил. Бирманцы вывезли тайских мастеров и заставили их строить такие же храмы в сотне километров отсюда. Стремление господствовать су-

ществует реально и проявляется в виде истории; само по себе оно непроизводительно. Улыбка Будды витала над руинами. Было три часа дня. Если верить “Мишлену”, полному осмотру храмов следовало уделить три дня, беглому — один. Мы располагали тремя часами; настало время доставать видеокамеры. Я представил себе Шатобриана в Колизее с портативной камерой “Panasonic” в руках: стоит и курит, причем, наверное, “Бенсон”, а не легкие “Голуаз”. Столкнись он с такой радикальной религией, как эта, его взгляды, полагаю, претерпели бы некоторые изменения; может, он меньше бы восхищался Наполеоном. Ему бы наверняка удался “Гений буддизма”.

Жозетт и Рене немного скучали во время экскурсии и, по-моему, топтались все время на одном месте. Бабетт и Леа тоже. Зато экологи и натуропаты, что называется, нашли себя; им представился случай продемонстрировать весь свой впечатляющий арсенал оборудования для фотографии. Валери задумчиво бродила по аллеям, где между каменными плитами росла трава. Вот она, культура, думал я; от нее тоскливо и хорошо; каждого она отсылает в его собственное небытие. Интересно, как им это удавалось? Как удавалось скульпторам времен Аюттхаи придавать статуям Будды выражение такого лучезарного всепомятия?

После падения Аюттхаи Тайское королевство зажило спокойно. Столицей сделался Бангкок, к власти пришла династия Рам. В течение двух столетий (и, собственно говоря, до наших дней) государство не вело серьезных войн, не страдало от гражданских смут и религиозных противостояний; ему удалось избежать колонизации. Оно не знало ни голода, ни крупных

эпидемий. В условиях, когда земля плодородна и урожаи обильны, когда не свирепствуют болезни, а в сознании господствуют законы мирной религии, люди размножаются вволю и живут в большинстве своем счастливо. Теперь все изменилось, Таиланд вступил в *свободный мир*, то есть в рыночную экономику; пять лет назад случился острейший кризис, в результате которого деньги обесценились вдвое и даже самые процветающие предприятия оказались на грани банкротства. Это было первое драматическое событие в истории страны за два с лишним века.

Один за другим в гробовом молчании мы вернулись к автобусу. Тронулись в путь на закате. Из Бангкока нам предстояло ночным поездом выехать в Суратхани.

Сураатхани — 816 000 жителей — представлен во всех путеводителях как место, напрочь лишенное достопримечательностей. Через него пролегают все маршруты, поскольку здесь пересаживаются на паром к острову Самую, — вот и все, что можно сказать. Между тем здесь живут люди, и город, как отмечает “Мишлен”, издавна считается важным центром металлургической промышленности, а с недавних пор тут развивается еще и машиностроение.

Что бы мы делали без машиностроения? Где-то далеко-далеко добывают железную руду, доставляют ее сюда на грузовых судах. Производство станков по большей части контролируется японскими фирмами. Сборка осуществляется в таких городах, как Сураатхани, по лицензиям НЕС, “Дженерал моторс”, “Фухимори”; в результате получают автобусы, железнодорожные вагоны, паромы. Они используются в том числе и для перевозки западных туристов и туристчек, вроде Бабетт и Леа.

Я вполне мог с ними заговорить — мы путешествовали в одной группе; но на роль потенциального любовника я не претендовал, и это резко сужало круг тем для беседы; с другой стороны, коль скоро мы купили одинаковые путевки, контакт в принципе не исклю-

чался. Бабетт и Леа, как выяснилось, работали в агентстве по связям с общественностью: организовывали мероприятия. Мероприятия? Ну да. С группами актеров в учреждениях, которые желают заниматься меценатством. То-то небось денежки гребут, подумал я. И да и нет. Сейчас инвестиции сократились: все нацелены на “права человека”. Но, в общем, ничего. Я заинтересовался их зарплатой. Хорошая. Могла бы быть и лучше, но все же хорошая. Примерно двадцать окладов рабочего на металлургическом заводе в Сураттхани. Экономика — загадочная штука.

По прибытии в отель наша группа, полагаю, рассеялась; сам я не стал завтракать со всеми; коллектив мне порядком надоел. Я задвинул шторы и лег. Как ни странно, я сразу заснул, и приснилась мне молодая арабка, танцевавшая в вагоне метро. На Айшу она не была похожа, так, во всяком случае, мне казалось. Она держалась за стойку, как стриптизерша, и постепенно оголяла грудь, прикрытую узкой полоской материи. Наконец, улыбнувшись, она обнажила ее полностью: потрясающая грудь, смуглая, крепкая, налитая. Облизнув пальчики, она погладила себе соски. Затем протянула руку к моим брюкам, расстегнула ширинку, извлекла наружу мое хозяйство и давай тербить. Вокруг стояли люди, на станциях одни входили, другие выходили. Она опустилась на четвереньки и задрала мини-юбку — трусов под юбкой не оказалось. Ее густые черные джунгли манили меня, и я вошел в нее. Народу в вагоне было много, но никто не обращал на нас внимания. Ничего подобного, конечно, не могло случиться в действительности. Это был сон, смешной сон изголодавшегося немолодого мужчины.

Проснувшись часов в пять, я увидел на простыне пятна спермы. *Поллюция*... н-да, трогательно. Кроме того, к своему живейшему удивлению, я обнаружил, что мой член по-прежнему тверд; должно быть, дело в климате. На тумбочке брюхом вверх лежал таракан. Отбегался, как сказал бы отец. Сам он умер в конце 2000-го, и правильно сделал. Его жизнь, таким образом, целиком вписалась в XX век, частицей которого он и был; частицей знаменательной — вот в чем ужас. Я же этот рубеж пережил и оказался ни то ни се. Мне шел пятый десяток, вернее, самое его начало; мне, собственно, было сорок; это примерно середина пути. В определенном смысле смерть отца развязала мне руки; своего последнего слова я еще не сказал.

Наша гостиница стояла на восточном побережье острова Самуя и замечательно соответствовала идеалу тропического рая, каким его представляют турагентства в рекламных проспектах. Со всех сторон нас окружали холмы, поросшие лесом. Утопающие в зелени коттеджи амфитеатром спускались к огромному овальному бассейну, около которого располагались джакузи. Вплывь можно было добраться до бара на островке в центре бассейна. Еще несколькими метрами ниже начинался белый песчаный пляж, а дальше — море. Я настороженно огляделся; издали узнал Лионеля, барахтавшегося в волнах, словно раненый дельфин; затем развернулся и по мостику, перекинутому через бассейн, прошествовал в бар. С наигранной непринужденностью я изучил список предлагаемых коктейлей: как раз наступило время продажи со скидками.

Я выбрал “Сингапурский слинг”, и в эту минуту появилась Бабетт.

— Н-да... — сказал я.

На ней был отдельный купальник, состоящий из облегающих шорт и широкой полоски бюстгалтера — все в сине-голубых тонах. Ткань исключительно тонкая; такой купальник особенно выигрышно смотрится мокрым.

— Вы не купаетесь? — спросила она.

— М-м... — ответил я.

Следом явилась Леа, сексапильная в более классической манере: цельный ярко-красный виниловый купальник с высокими вырезами внизу и рассеченный черными застежками-молниями, открытыми, само собой (одна молния пересекала левую грудь, и из нее торчал сосок). Она кивнула мне и пошла к Бабетт, стоявшей у воды; когда она повернулась ко мне спиной, я в полной мере оценил ее великолепный зад. Куколки поначалу относились ко мне с опаской, но, после того как я заговорил с ними на пароме, пришли к выводу, что я существо безобидное и даже в своем роде занятое. Так оно примерно и было.

Они синхронно прыгнули в воду. Я чуть повернул голову и продолжал за ними наблюдать. За соседним столиком сидел двойник Робера Ю¹. Намокнув, купальник Бабетт и в самом деле выглядел эффектно: отчетливо выделялись соски и ложбинка между ягодицами; виднелся даже холмик волос на лобке, хотя она и стригла их довольно коротко. Между прочим, в это время люди работали, производили полезные вещи, иногда и бесполезные тоже. В общем, производили. А что я произвел за сорок лет своего существова-

1 Робер Ю — лидер французских коммунистов.

ния? Прямо скажем, немного. Я готовил информацию, обеспечивал доступ к ней и ее распространение; иногда еще занимался денежными трансфертами (в небольших масштабах: обычно я оплачивал незначительные счета). Словом, работал в *непроизводственной сфере*. Без таких, как я, можно запросто обойтись. И все же моя бесполезность не так бросалась в глаза, как никчемность Бабетт и Леа; я незаметный рядовой паразит, на работе не надрывался и не пытался делать вид, что надрываюсь.

С наступлением темноты я вернулся в гостиницу и встретил в холле Лионеля, обгорелого, но счастливового. Он весь день купался; такая красота ему и во сне не снилась.

— Мне пришлось экономить, чтобы скопить на поездку, но я не жалею, — разоткровенничался он, присев на край кресла.

Он работал в “Газ де Франс”, в одном из юго-восточных пригородов Парижа; жил в Жювизи. Ему нередко случалось навещать бедные дома, где газовое оборудование не соответствовало норме. Если хозяева, несчастные старики, не могли оплатить переустановку, он вынужден был отключать им газ.

— Люди в таких условиях живут... и представить себе невозможно. Иногда всяких чудес насмотришься, — продолжал он, покачивая головой. На свое житье он не жаловался. Район, правда, не очень; просто даже опасный район. В некоторые места лучше не соваться. Но в целом все ничего. — Ладно, сейчас мы в отпуске, — заключил он и направился в столовую.

Я же прихватил несколько рекламных брошюр и пошел читать их к себе в номер. Мне по-прежнему не

хотелось ужинать со всеми. Человек в состоянии оценить себя лишь по отношению к другому; оттого и общение с другими невыносимо.

Леа рассказала мне, что остров Самуй не просто тропический рай, но еще и пристанище наркоманов. В полнолуние они закатывают грандиозные *рэйвы* на соседнем островке Ланта; туда приезжают даже из Австралии и Германии.

— Как в Гоа, — вставил я.

— Да что там Гоа, — отрезала она. — Гоа — это отстой; за рэйвом теперь надо ехать на Самуй или на Ломбок.

Мне, собственно, ничего такого не требовалось. Я хотел всего-навсего получить полноценный *массаж* с качественным сексом. Казалось бы, чего проще; между тем, листая рекламные проспекты, я с нарастающей тоской убеждался, что на Самуе, похоже, иная специализация. Здесь предлагали всяческие иглоукалывания, натирания ароматическими маслами, вегетарианскую кухню и китайскую гимнастику; а вот про эротический массаж или бары “go-go” — нигде ни слова. Кроме того, тут во всем ощущался удручающий американский, хуже — калифорнийский дух, нацеленный на “здоровую жизнь” и “медитативную деятельность”. В брошюре “Что есть на Самуе” мне попало письмо читателя — некоего Гая Хопкинса, называвшего себя “приверженцем здоровой жизни” и регулярно приезжавшего на остров вот уже двадцать лет. “The aura that backpackers spread on the island is unlikely to be erased quickly by upmarket tourists”¹, — заключал он; стало быть, дело дрянь.

1 Присутствие шикарней публики не скоро вытравит здоровый туристический дух, царящий на острове (англ.).

И на поиск развлечений не отправишься — гостиница стояла в стороне от всего; тут, собственно, все стояло от всего в стороне, поскольку нигде ничего не было. На карте острова не просматривалось явного центра, лишь горсточка бунгало, вроде нашей, вдоль тихих пляжей. Я с ужасом вспомнил, что Самуем восхищался “Рутар”. Здесь, дескать, сумели избежать известных отклонений; ну и влип же я. Утешило меня — увы, теоретически — лишь сознание, что в тот вечер я и в самом деле способен был кого-нибудь трахнуть. Мне ничего не оставалось, как взяться за “Фирму”; я перескочил на двести страниц вперед, потом вернулся на пятьдесят назад и случайно наткнулся на сцену с раздеванием. Интрига уже порядочно продвинулась: Том Круз переместился на Антильские острова, где разрабатывал (а может, наоборот, разоблачал — неясно по тексту) какую-то систему уклонения от налогов. Короче, он познакомился там с обворожительной метиской — девушкой неробкого десятка. “Мич услышал шуршание материи и увидел, как юбка упала к ногам Эйлен, оставив ее в бикини на завязочках”. Я расстегнул молнию ширинки. Далее следовал странный, психологически труднообъяснимый пассаж. “Уходи, — шептал ему внутренний голос. — Брось бутылку пива в океан, а юбку на песок. Ноги в руки и дуй домой. Быстро!” Но Эйлен, по счастью, никто ничего такого не нашептывал: “Плавным движением она завела руку за спину, развязала бюстгальтер, тот соскользнул, обнажив грудь, казавшуюся теперь еще пышней. — Не подержите? — спросила она, протягивая ему легкую, как перышко, нежную и белую деталь туалета”. Я добросовестно полировал себя, воображая ночь и метисок в бикини, и в итоге со вздо-

хом удовлетворения кончил в раскрытую книгу. Теперь склеится; ну да ладно, такое второй раз читать не станешь.

С утра пляж был пуст. Сразу после завтрака я искупался; воздух еще не накалился. Скоро солнце ползет по небу вверх, увеличивая риск заболевания раком кожи у индивидов белой расы. Я рассчитывал пробыть на пляже столько, сколько нужно горничным для уборки моей комнаты, а затем вернуться, лечь в постель и включить на полную мощь кондиционер; на *свободный день* я запланировал покой.

Том Круз между тем продолжал терзаться по поводу этой истории с метиской; более того, собрался рассказать все жене (роль просто любимой ее не утраивала — в этом, собственно, вся проблема: ей непременно хотелось быть самой сексуальной и самой желанной из всех женщин). Этот идиот вел себя так, словно и впрямь его браку что-то угрожало. “Если она сохранит хладнокровие, проявит великодушие, он скажет ей, что глубоко сожалеет, и пообещает, что больше этого не повторится. Если же она разразится рыданиями, тогда он станет молить о прощении — на коленях, если потребуется, — и поклянется на Библии, что это никогда не повторится”. В сущности, что в лоб, что по лбу; однако нескончаемые и никому не интересные угрызения совести героя мешали развитию действия — драматического как-никак: в дело вмешались ужасные мафиози, ФБР и, может, даже русские. Поначалу его нытье меня раздражало, а потом стало вызывать тошноту.

Я попробовал почитать второй американский бестселлер: “Тотальный контроль” Дэвида Г. Бальдуччи, но он оказался еще хуже. На этот раз речь

шла не об адвокате, а о сверходаренном юном программисте, вкалывавшем по сто десять часов в неделю. Зато жена у него работала адвокатом — по девяносто часов в неделю; у них был ребенок. В роли злодея выступала некая “европейская” компания, пытавшаяся путем мошенничества захватить рынок, который по праву должен был принадлежать тому самому американскому предприятию, где работал герой. Во время переговоров европейские злодеи курили “без малейшего стеснения”, буквально отравляя атмосферу, но герой выдержал и этот удар. Я вырыл в песке ямку и похоронил в ней обе книги; оставалось теперь найти, что читать. Жить без чтения опасно: человек вынужден окунаться в реальность, а это рискованно. Когда мне было четырнадцать лет, я заблудился однажды на лыжах в густом тумане; мне пришлось пробираться через лавинные коридоры. Больше всего мне запомнились низкие свинцовые облака и абсолютная тишина в горах. Я знал, что лавина может сорваться в любую минуту от одного моего неловкого движения и даже без видимых причин: от неощутимого повышения температуры или дуновения ветра. Снежная масса подхватит меня, швырнет с высоты нескольких сотен метров к подножию скалистой гряды, где я умру, возможно, мгновенно. И все же я совсем не испытывал страха. Обидно было бы, если бы так случилось, обидно за себя и за других. Я бы предпочел смерть более подготовленную и торжественную, чтоб была болезнь, церемонии, слезы. Откровенно говоря, я сильнее всего сожалел, что не познал женщины. В зимние месяцы отец сдавал второй этаж; в том году у него жила чета архитекторов. Их дочери Сильви было, как и мне, четырнадцать лет; похоже, я ее привлекал, во

всяком случае, она искала моего общества. Она была маленькая, грациозная, с черными кудрявыми волосами. Интересно, внизу у нее волосы тоже черные и кудрявые? Вот такие мысли лезли мне в голову, пока я брел по склону горы. С тех пор я часто размышлял об этой своей особенности: когда мне угрожает опасность, пусть даже смертельная, я не испытываю никакого волнения, никакого выброса адреналина. Мне неведомы те ощущения, которые привлекают любителей экстремального спорта. Я не отличаюсь храбростью и по возможности избегаю опасности; когда же она встречается, воспринимаю ее с невозмутимостью теленка. Не следует искать в этом какого-то глубинного смысла — тут вопрос физиологии, количества гормонов; говорят, иные человеческие особи, с виду такие же, как я, не чувствуют волнения при виде женского тела, от которого я впадал тогда, да и сейчас еще иногда впадаю, в состояние экстаза и ничего не могу с собой поделать. Но в большинстве жизненных ситуаций я ощущал в себе пустоту вычищенного пылесоса.

Солнце начинало припекать. На пляже появились Бабетт и Леа, они устроились метрах в десяти от меня. Сегодня они были с голой грудью, а в остальном одеты просто — в одинаковых белых бикини. Они, судя по всему, познакомились с какими-то парнями, хотя не думаю, что собирались с ними спать: парни были рослые, мускулистые, и все же ничего особенного.

Я поднялся, собрал вещи; Бабетт оставила рядом с купальным полотенцем женский журнал "Elle". Обернувшись, я посмотрел на море: подружки плескались и шутили с юнцами. Я быстро нагну-

ся, сунул журнал к себе в сумку и перебрался на другое место.

Море было спокойное, взгляд уносился далеко на восток. По ту сторону его, наверное, Камбоджа или Вьетнам. Посередине между берегом и горизонтом маячила яхта; быть может, какие-нибудь миллиардеры коротают время, бороздя далекие моря — монотонно и романтично одновременно.

Теперь ко мне приближалась Валери, она ступала по самой кромке воды и время от времени шаловливо отпрыгивала в сторону, спасаясь от волны. Я живо приподнял голову и с болью обнаружил, что у нее восхитительное тело. В целомудренном раздельном купальнике оно выглядело на редкость привлекательным; грудь плотно заполняла бюстгальтер. Я легонько махнул ей рукой, полагая, что она меня не заметила, но в действительности она уже направлялась ко мне; женщин не так просто застать врасплох.

— Вы читаете “Elle”? — спросила она удивленно и немного насмешливо.

— М-м... — ответил я.

— Можно взглянуть? — и она села рядом со мной.

Непринужденно, привычными движениями она пролиستала журнал: раскрыла страничку моды, посмотрела начало: “Вам хочется почитать”. “Вам надоело сидеть дома”...

— Вчера вечером вы снова ходили в массажный салон? — спросила она, покосившись на меня.

— М-м... нет. Я его не нашел.

Она качнула головой и погрузилась в изучение основного материала: “Запрограммированы ли вы любить его долго?”

— Ну и каков результат? — спросил я, выждав некоторое время.

— У меня никого нет, — ответила она просто.

Эта девушка меня совершенно сбивала с панталыку.

— Я плохо понимаю этот журнал, — продолжала она. — Тут говорят только о моде, о “новых тенденциях”: что пойти посмотреть, что прочитать, за что нужно бороться, новые темы для разговора... Читательницы не могут носить то, что надето на этих манекенах, так почему их должны интересовать новые тенденции? Обычно это женщины в возрасте.

— Вы думаете?

— Я знаю. Моя мать его читает.

— Возможно, журналисты пишут о том, что интересуется их самих, а не читательниц.

— Это должно быть экономически нерентабельно; вещи делаются для того, чтобы удовлетворять запросы клиента.

— Так, может, это и удовлетворяет запросы клиента.

Она задумалась, потом сказала неуверенно:

— Может, и так...

— Думаете, в шестьдесят лет вы не будете интересоваться новыми тенденциями? — настаивал я.

— Надеюсь, нет, — отвечала она искренне.

Я закурил сигарету.

— Если и дальше оставаться на солнце, мне надо намазаться кремом, — сообщил я меланхолично.

— Сначала искупаемся! А потом намажетесь.

Она вскочила на ноги и потащила меня в воду.

Плавала она хорошо. Что касается меня, не могу сказать, что я плаваю: так, держусь чуть-чуть на воде, быстро устаю.

— Вы быстро устаете, — сказала она. — Это от того, что много курите. Вам надо заниматься спортом. Я за вас возьмусь! — Она сжала мне бицепс. О нет, шептал я про себя, нет.

Наконец она уgomонилась и легла загорать, предварительно хорошенько вытерев голову. Всклощенные длинные волосы ее очень красили. Бюстгальтер она снимать не стала, а жаль; мне очень хотелось, чтоб она его сняла. Очень хотелось увидеть ее грудь, прямо тут, немедленно.

Она перехватила мой взгляд и чуть-чуть улыбнулась.

— Мишель... — сказала она немного погодя. Я вздрогнул оттого, что она назвала меня по имени. — Почему вы чувствуете себя таким старым? — спросила она, глядя мне прямо в глаза.

И попала в точку; я даже рот раскрыл.

— Можете не отвечать сразу... — милостиво добавила она. — У меня есть для вас книга, — и она достала ее из сумки.

К своему изумлению, я узнал желтую обложку серии "Маска" и прочел название: "Долина" Агаты Кристи. Я слегка обалдел:

— Агата Кристи?

— И все-таки прочтите. Думаю, вас заинтересует. Я тупо кивнул.

— Обедать не идете? — спросила она минуту спустя. Был уже час дня.

— Нет... Думаю, нет.

— Вам не нравится жизнь в коллективе?

Ответа не требовалось; я улыбнулся. Мы собрали вещи и вместе ушли с пляжа. По дороге встретили Лионеля, он бродил словно неприкаянный и вид имел уже не такой счастливый, как вчера. Не случай-

но на отдыхе редко встречаешь одиноких мужчин. Обычно они держатся напряженно, желая и одновременно не решаясь предаться активным развлечениям. Чаще всего так и остаются ни с чем, реже — окунаются в увеселительные мероприятия с головой. У входа в ресторан я расстался с Валери.

В каждой новелле о Шерлоке Холмсе мы, разумеется, узнаем его характерные черты, вместе с тем автор непременно добавляет какую-нибудь новую деталь (кокаин, скрипка, существование старшего брата Майкрофта, пристрастие к итальянской опере, услуги, оказанные некогда царствующим европейским фамилиям, самое первое дело, которое Шерлок распутал еще отроком). Каждая новая вскрытая подробность заставляет подозревать новые тайны, создавая в конечном итоге живой и привлекательный образ: Конан Дойл сумел сочетать в нужной пропорции *радость открытия* и *радость узнавания*. Мне всегда казалось, что, в отличие от него, Агата Кристи чрезмерно полагается на радость узнавания. Описывая Пуаро в начале романа, она, как правило, ограничивается несколькими штрихами — самыми очевидными приметами персонажа (маниакальное пристрастие к симметрии, лакированные ботинки, скрупулезная забота о своих усах); при чтении худших ее романов создается даже впечатление, что вступительные фразы она просто целиком переписывает из книги в книгу.

Но “Долина” была интересна не этим. И даже не многозначительной фигурой скульпторши Генриетты — она понадобилась Кристи, чтобы изобразить не просто муки творчества (в одном из эпизодов она уничтожает законченную ценю невероятных

усилий скульптуру, поскольку видит ее несовершенство), но и ту особую боль, которая знакома только художнику: неспособность быть *по-настоящему* счастливым или несчастным, невозможность в *полной мере* ощутить ненависть, отчаяние, радость или любовь, постоянное наличие некоего эстетического фильтра между художником и миром. В образ Генриетты писательница вложила много себя самой, и ее искренность не подлежит сомнению. К сожалению, художник, смотрящий на мир со стороны, воспринимающий его двояко, опосредованно и, следовательно, недостаточно остро, как персонаж менее интересен.

Агата Кристи на протяжении всей своей жизни придерживалась глубоко консервативных убеждений и категорически не принимала идею справедливого распределения доходов. Но именно приверженность консервативным взглядам позволяла ей на практике рисовать безжалостные портреты английской аристократии, привилегии которой она отстаивала. Ее леди Энкетелл — персонаж гротескный, почти неправдоподобный, временами пугающий. Писательница с наслаждением создавала образ леди, преступившей нормы человеческого поведения, которых придерживаются и простолюдины; она, должно быть, от души веселилась, когда сочиняла фразы вроде следующей: “Так трудно познакомиться по-настоящему, когда в доме совершено убийство”; но симпатии автора, понятно, не на стороне леди Энкетелл. Она с большой теплотой рисует Мидж, вынужденную работать продавщицей и проводить выходные в кругу людей, понятия не имеющих о том, что такое *работа*. Мужественная, деятельная Мидж безнадежно любит Эдварда. Эдвард

считает себя неудачником: он ничего не добился в жизни, *не смог даже стать писателем*; вместо этого кропает полные грустной иронии заметки для журналов, известных лишь библиофилам. Он трижды делал предложение Генриетте, но безуспешно. Генриетта любила Джона, восхищалась его благородством и силой; однако Джон был женат. Убийство Джона разрушило хрупкое равновесие неосуществленных желаний: Эдвард понял наконец, что Генриетта никогда его не полюбит, потому что до Джона ему далеко; сблизиться с Мидж ему не удалось, и жизнь казалась окончательно загубленной. Начиная с этого места роман становится волнующе странным, похожим на глубокую реку. В сцене, где Мидж спасает Эдварда от самоубийства и он предлагает ей стать его женой, Агата Кристи достигает диккенсовских высот.

“Она крепко сжала его в объятиях. Он улыбнулся:

— Ты такая горячая, Мидж... такая горячая...

Вот оно каково, отчаяние, подумала Мидж. Оно леденит, оно — холод и бесконечное одиночество. До этой минуты она никогда не понимала, что отчаяние холодное; она воображала его обжигающим, пылким, бурным. Но нет. Отчаяние — это бездонная пропасть ледяной черноты, невыносимого одиночества. И грех отчаяния, о котором говорят священники, это грех холодный, состоящий в обрубании живых, горячих человеческих контактов”.

Я закончил чтение часам к девяти; затем встал, подошел к окну. Море было спокойным, мириады светящихся точек плясали на его глади; легкое сияние окружало лунный диск. Я знал, что сегодня на ос-

трове Ланта состоится пресловутый ночной рэйв; Бабетт и Леа наверняка отправятся туда, и еще добрая часть отдыхающих. Как легко отстраняться от жизни, самому выходить из игры. Когда началась подготовка к вечеру, когда к гостинице стали подъезжать такси, а в коридорах засуетились курортники, я почувствовал только грусть и облегчение.

Перешеек Кра — узкая гористая полоска земли, отделяющая Сиамский залив от Андаманского моря, — в северной части рассечен границей между Таиландом и Бирмой. На широте Ранонга — на самом юге Бирмы — он сужается до двадцати двух километров; затем постепенно расширяется, образуя полуостров Малакка.

Из сотен островов Андаманского моря только несколько обитаемы, причем ни один из тех, что входят в состав Бирмы, не используется в туристических целях. Напротив, принадлежащие Таиланду острова бухты Пхангнга приносят стране 43 процента ежегодного дохода от туризма. Самый большой из них — Пхукет; курорты начали развиваться здесь с середины 80-х годов с использованием преимущественно китайского и французского капитала (компания “Аврора” с самого начала считала Юго-Восточную Азию ключевым направлением своей экспансии). В главе, посвященной Пхукету, “Рутар” достигает вершин ненависти, пошлости и агрессивного мазохизма. “Иные считают, что остров Пхукет на взлете, — заявляют авторы для начала, — мы же полагаем, что он тонет”.

“И все же нам не обойти стороной эту жемчужину Индийского океана, — продолжают они. — Еще

несколько лет назад мы и сами перевозили остров: солнце, сказочные пляжи, не жизнь, а мечта. Рискую внести сумбур в эту ладную симфонию, признаемся: мы Пхукет разлюбили! Патонг-Бич, его самый знаменитый пляж, одет бетоном. Среди клиентов все больше мужчин, растет число баров с проститутками, улыбки покупаются. Что касается бунгало для туристов, то их обновили с помощью бульдозера и поставили на их месте отели для одиноких пузатых европейцев”.

Нам предстояло провести на Патонг-Бич две ночи; в автобус я садился исполненный надежд, вполне готовый сыграть роль одинокого пузатого европейца. А завершилось наше путешествие тремя свободными днями на Кох-Пхи-Пхи — острове, традиционно называемом райским. “Что говорить о Кох-Пхи-Пхи? — сокрушались “бродяги”. — Это все равно что вспоминать о поруганной любви... Хочется сказать что-нибудь хорошее, но ком подступает к горлу”. Иным мазохистам недостаточно того, что они сами несчастны, им надо отравить жизнь другим. Проехав километров тридцать, автобус остановился для заправки, и я вышвырнул путеводитель в помойку на бензоколонке. Типичный западный мазохизм, сказал я себе. Еще километра через два я понял, что теперь мне действительно нечего читать; оставшуюся часть пути придется преодолевать, не имея перед собой защитного экрана в виде печатной продукции. Я огляделся, сердце мое учащенно забилося, внешний мир словно бы приблизился ко мне. Валери, сидевшая через проход, опустила спинку кресла и полулежа не то мечтала, не то спала, отвернув лицо к окну. Я попробовал последовать ее примеру. За окном проплывали пейзажи с разнообразной растительностью. Делать не-

чего, я попросил у Рене его “Мишлен”; таким образом я узнал, что плантации гевеи и латекса играют ведущую роль в экономике региона: Таиланд занимает третье место в мире по производству каучука. Стало быть, растительность эта идет на изготовление презервативов и шин; человеческая находчивость заслуживает уважения. Людей можно за многое не любить, но одного у них не отнять: мы имеем дело с весьма *изобретательным* млекопитающим.

После того ужина на реке Квай разделение группы по столам завершилось. Валери присоединилась, как она сама выражалась, к лагерю “обывателей”, Жозиана сошлась с натуропатами, у них обнаружили общие интересы, в частности приверженность медитации. За завтраком я смог, таким образом, наблюдать издали настоящее *состяжание в безмятежности духа* между Альбером и Жозианой. Экологи не сводили с них любознательных глаз — в той дыре, где они жили во Франш-Конте, им, разумеется, многие из медитативных тонкостей были недоступны. А Бабетт и Леа, хоть и столичные штучки, ничего, кроме “супер”, сказать не могли: безмятежность не то, о чем они мечтали в жизни. В целом там подобрался уравновешенный коллектив с двумя *естественными лидерами* противоположного пола, способными к активному сотрудничеству. У нас все складывалось не так удачно. Жозетт и Рене постоянно комментировали меню, здешняя пища им пришлась по вкусу, Жозетт намеревалась даже взять на вооружение несколько рецептов. Еще они критиковали соседний стол, подозревая сидящих за ним в *претенциозности и позерстве*; этим разговоры и ограничивались, и я, как правило, с нетерпением ждал десерта.

Я возвратил Рене путеводитель “Мишлен”, до Пхукета оставалось ехать четыре часа. Купив в баре бутылку “Меконга”, я все четыре часа боролся с чувством стыда, не позволявшим мне достать бутылку из сумки и спокойно надраться; победил стыд. У входа в отель нас встречал транспарант: “Привет пожарникам Шазе”.

— Надо же... — обрадовалась Жозетт, — твоя сестра как раз живет в Шазе.

Рене этого не помнил.

— Ну как же... — настаивала она. Забирая ключ от комнаты, я еще услышал, как она сказала: — Поездка по перешейку Кра — это потерянный день, — и, увы, была права. Я плюхнулся на широченную кровать и налил себе полный стакан “Меконга”, затем другой.

Проснулся я с чудовищной головной болью и долго блевал над унитазом. Было пять часов утра: к девочкам идти поздно, к завтраку рано. В ящике тумбочки я обнаружил Библию на английском и книгу про учение Будды. “Because of their ignorance, — прочитал я, — people are always thinking wrong thoughts and always losing the right viewpoint and, clinging to their egos, they take wrong actions. As a result, they become attached to a delusive existence”¹. Я не был уверен, что понимаю все, но последняя фраза великолепно иллюстрировала мое состояние; от этого мне сделалось полегче, и я спокойно дождался завтрака. За соседним столом сидела группа американских негров гигантского роста — ни дать ни взять

1 В силу своего невежества люди обычно мыслят неверно, не находят правильной точки зрения и, цепляясь за свое “я”, совершают неверные поступки. В результате они привязаны к своему иллюзорному бытию (англ.).

баскетбольная команда. Чуть дальше расположились китайцы из Гонконга; их характерная черта — неопрятность, трудно переносимая даже европейцами, а тайских официантов и вовсе повергающая в ужас, который и многолетняя привычка не смогла изгладить. В отличие от тайландцев, придирчивых до педантизма чистюль, китайцы едят жадно, хохочут с набитым ртом, разбрызгивая слюну и частицы пищи, плюют на пол, сморкаются в пальцы — словом, ведут себя как свиньи. Заметим, что свиньи эти весьма многочисленны.

Погуляв всего несколько минут по улицам Патонг-Бич, я убедился, что здесь, на участке побережья протяженностью в два километра, представлены все разновидности туристов из цивилизованного мира. На отрезке в десять метров я встретил японцев, итальянцев, немцев, американцев, не говоря уже о скандинавах и богатых латиноамериканцах. Как сказала мне девушка в турагентстве, “все мы одинаковы, всех тянет к солнцу”. Я повел себя как образцовый средний клиент: взял напрокат мягкий шезлонг и зонтик от солнца, выпил несколько баночек “спрайта”, окунулся. Море встретило меня ласково. Часам к пяти я вернулся в гостиницу, умеренно удовлетворенный свободным днем и полный решимости достигнуть большего. *I was attached to a delusive existence*¹. Оставались еще бары с девочками; прежде чем направиться в соответствующий квартал, я прошелся вдоль ресторанов. Возле “*Royal Savoey Seafood*” заметил американскую парочку, с преувеличенным вниманием разглядывавшую омара. “Двое млекопитающих созерцают рако-

1 Я был привязан к своему иллюзорному бытию (англ.).

образное”, — подумал я. К ним, расплываясь в улыбке, подскочил официант — вероятно, желал похвалить свежесть морепродукта. “Трое”, — машинально продолжил я. По улице текла и текла толпа: семьи, парочки и такие же, как я, одиночки; все они выглядели исключительно невинно.

Немолодые немцы, когда подвыпьют, любят, собравшись вместе, неторопливо затянуть грустные-прегрустные песни. Тайских официантов это чрезвычайно забавляет, они обступают поющих и покрикивают в такт.

Следуя за тремя пятидесятилетними мужчинами, восклицавшими то “Ach!”, то “Ja!”, я неожиданно для себя оказался на улице с ночными барами. Девушки в коротеньких юбках ворковали вокруг меня, наперебой стараясь завлечь кто в “Голубые ночи”, кто в “Шалунью”, в “Классную комнату”, в “Мэрилин”, в “Венеру”... В конце концов я выбрал “Шалунью”. Народ еще не собрался — человек десять сидели каждый за отдельным столиком, в основном молодые англичане и американцы, лет двадцати пяти — тридцати. На сцене с десятка девочек медленно извивались в ритме диско-ретро, одни одетые в белые бикини, другие без верха, только полосочка трусов. Им всем было лет по двадцать, у всех была смуглая золотистая кожа и восхитительное гибкое тело. Слева от меня расположился за бутылкой пива “Карлсберг” старый немец с порядочным брюшком, белой бородкой, в очках — я бы сказал, преподаватель университета на пенсии. Он, словно загипнотизированный, смотрел на двигавшиеся у него перед глазами юные тела и сидел так неподвижно, что на мгновение мне показалось, будто он мертвый.

Потом сцена заволоклась дымом, музыка диско сменилась медленной полинезийской. Девушки сошли со сцены, вместо них появились десять других, в цветочных венках на груди и на талии. Девушки медленно кружились, а из-под цветов проглядывала то грудь, то основание ягодиц. Старый немец продолжал не отрываясь смотреть на сцену; он на минуту снял очки и протер стекла: в глазах у него стояли слезы. Он был наверху блаженства.

В принципе, девочки здесь не обслуживали клиентов, вы могли пригласить их к себе за столик, выпить с ними, поболтать, а потом, заплатив заведению взнос в пятьсот бат и сговорившись о цене, увести в гостиницу. Ночь стоила, кажется, тысячи четыре или пять бат, то есть примерно месячной зарплаты неквалифицированного рабочего в Таиланде; но Пхукет — это дорогой курорт. Старик-немец украдкой помянул одну из девиц в белых мини-трусиках, ожидая, когда настанет ее очередь вернуться на сцену. Она подошла сразу и бесцеремонно уселась к нему на колени. Ее молодая крепкая грудь колыхалась на уровне его лица, немец раскраснелся от удовольствия. Я услышал, как она называет его папулей. Заплатив за текилу с лимоном, я вышел смущенный; мне казалось, будто я подглядываю за тем, как старик получает наслаждение, возможно, в последний раз; это было слишком волнующе, слишком интимно.

Прямо рядом с баром я увидел ресторан под открытым небом и завернул туда отведать риса с крабами. Почти за каждым столиком сидели пары — белый мужчина и тайландка; большинство мужчин по виду калифорнийцы, по крайней мере они соответствовали расхожему представлению о калифорнийцах и носи-

ли вьетнамки. На самом деле они вполне могли быть австралийцами — их нетрудно спутать; кто бы они ни были, все выглядели здоровыми, спортивными, сытыми. Они олицетворяли будущее планеты. И в эту минуту, глядя на молодых полнокровных англосаксов, уверенно шагающих по жизни, я понял, что будущее планеты в сексуальном туризме. За соседним столом о чем-то оживленно болтали две пышногрудые тайки лет тридцати; напротив расположились два бритоголовых англичанина — эдакие каторжане постмодерна — и, не произнося ни слова, тяжело заглатывали пиво. Чуть дальше две пухленькие немки-лесбиянки с коротко остриженными красными волосами и в комбинезончиках услаждали себя обществом пленительной девочки с длинными черными волосами и невинным лицом, одетой в пестрый саронг. Отдельно от всех восседали два араба, не поймешь из какой страны, голова у каждого была обмотана эдаким кухонным полотенцем, по какому в теленовостях безошибочно узнается Ясир Арафат. Словом, богатый и относительно богатый люд съехался сюда, следуя непреодолимому ласковому зову азиатской вагины. Самое удивительное, что при первом же взгляде на каждую пару, казалось, можно было угадать, получится у них что-нибудь или нет. В большинстве случаев девушки скучали, сидели надутые или покорные, косились на соседние столики. Но некоторые все-таки смотрели на своего кавалера в ожидании любви, слушали его, отвечали с живостью; в этом случае можно было вообразить, что они поладят, подружатся или даже что у них возникнет продолжительная связь: как известно, смешанные браки здесь не редкость, особенно с немцами.

Сам я не любил знакомиться с девицами в баре; разговоры тут обычно вертятся вокруг качества и

стоимости предстоящих сексуальных услуг и оставляют тяжелое впечатление. Я предпочитаю массажные салоны, где начинают с секса, а после иногда возникает близость, иногда нет. Например, думаешь пригласить ее на ночь в отель, а выясняется, что она к этому вовсе и не стремится; бывает, она разведенная, и дома у нее дети; это печально и хорошо. Доедая рис, я сочинял сюжет приключенческого порнофильма под названием "Массажный салон". Сирьен, юная тайландка из северных областей, без памяти влюбилась в американского студента Боба, попавшего в салон совершенно случайно — его затащили сюда приятели после попойки. Боб не притронулся к девушке, он только смотрел на нее красивыми светло-голубыми глазами и рассказывал ей о своей родине — Северной Каролине или что-нибудь в этом роде. Они стали встречаться в свободное от ее работы время, но, увы, им пришлось расстаться: Боб уехал заканчивать Йельский университет. Сирьен ждала и верила, а пока суд да дело, удовлетворяла прихоти многочисленных клиентов. Чистая сердцем, она отменно полировала и сосала усатых пузатых французов (роль второго плана для Жерара Жюньо) и обрюзгших лысых немцев (роль второго плана для немецкого актера). Наконец возвращается Боб и хочет вытащить ее из этого ада; но китайская мафия решает иначе. Боб обращается за помощью к послу Соединенных Штатов и к президентше гуманитарной ассоциации, борющейся против торговли женщинами (роль второго плана для Джейн Фонды). Учитывая, что в дело вовлечена китайская мафия (упомянуть о триадах), поддерживаемая тайскими генералами (вот вам и политический размах, и утверждение ценностей демократии), начинаются, понятно, разборки в Бангкоке, погоня и

прочее. В конце концов победа остается за Бобом. В одной из последних сцен Сирьен демонстрирует все свои сексуальные навыки и впервые делает это с искренним чувством. Скромная служащая массажного салона, она пересосала бесчисленное множество елдаков в ожидании одного-единственного, Бобова, в котором соединились все елдаки на свете — тут надобно уточнить по ходу диалога. Две реки наплывают друг на друга: Чао-Прая и Делавэр. Титры. Для европейского проката я заготовил отдельную рекламу, примерно такую: “Вам понравился “Музыкальный салон” — “Массажный” понравится больше”. Впрочем, до этого еще далеко, пока же мне требовалась партнерша.

Я расплатился, встал из-за стола, прошел метров пятьдесят, отклоняя различные предложения, и оказался перед надписью “Кискин рай”. Войдя, я в трех шагах от себя увидел Робера и Лионеля, попивающих “ирландский кофе”. В глубине зала за стеклом сидели амфитеатром штук пятьдесят девиц с номерками на груди. Ко мне подскочил официант. Лионель обернулся, заметил меня и стыдливо потупился. Вслед за ним обернулся Робер и лениво махнул рукой, приглашая присоединиться. Лионель нервно кусывал губы и не знал, куда деваться. Официант принял у меня заказ.

— Я человек правых взглядов, — произнес Робер, не знаю к чему. — Но учтите... — и он поднял указательный палец, словно бы от чего-то меня предостерегая.

С самого начала путешествия я заметил, что он воображает, будто я *левак*, и ожидает удобного случая затеять спор; однако я не собирался попадаться на удочку. Я закурил; он сверлил меня взглядом.

— Счастье — деликатная штука, — произнес он назидательно, — его трудно найти внутри себя и невозможно вовне.

Помолчав несколько секунд, он добавил строгим тоном:

— Шамфор¹.

Лионель смотрел на него с восхищением, Робер, казалось, совершенно его очаровал. Изречение, на мой взгляд, спорное: если поменять местами слова “трудно” и “невозможно”, мы, пожалуй, подошли бы ближе к истине; но я не собирался вступать в дискуссию и желал вернуть разговор в обычные рамки туристического общения. А кроме того, я начинал чувствовать влечение к номеру 47 — маленькой тоненькой тайландке, возможно излишне худой, но с пухлыми губами и милым личиком; на ней была красная мини-юбка и черные чулки.

Заметив, что я отвлекся, Робер обернулся к Лионелю.

— Я верю в истину, — сказал он тихо, — в истину и в то, что она может быть доказана.

Слушая его вполуха, я с удивлением узнал, что он математик со степенью и в молодости писал многообещающие работы о группах Ли. Эта информация меня очень заинтересовала: существовала, значит, сфера или область человеческого знания, где он первый отчетливо разглядел истину, реальную, доказуемую.

— Да... — согласился он чуть ли не с сожалением. — Разумеется, позднее все это было продемонстрировано в более общем виде.

1 Никола де Шамфор (1741—1794) — французский моралист, автор книг “Максимы и мысли”, “Характеры и анекдоты”.

Потом он преподавал, в частности на подготовительных курсах; отдал свои зрелые годы безрадостному занятию — натаскиванию юных идиотов, из которых самые способные мечтали поступить в Высшую школу искусств и ремесел или в Политехническую.

— Впрочем, ученый-математик из меня все равно бы не вышел. Это мало кому дано.

В конце семидесятых он участвовал в работе комиссии министерства по реформе математического образования — чистой воды кретинизм, по его собственному признанию. Теперь ему пятьдесят три; три года назад он вышел на пенсию и пристрастился к сексуальному туризму. Был женат трижды.

— Я расист... — сообщил он бодро. — Я стал расистом... Путешествия, — продолжал он, — непременно порождают в нас расовые предрассудки или же укрепляют их. Что можно сказать о других людях, пока их не знаешь? Разумеется, воображаешь их такими же, как ты сам; а тут понемногу начинаешь осознавать, что в действительности все обстоит несколько иначе. Западный человек работает, сколько может; зачастую работа ему скучна, противна, но он все равно делает вид, что она его интересует, — это распространенный случай. В пятьдесят лет, устав от преподавания, от математики и всего остального, я решил посмотреть мир. Я тогда в третий раз развелся и в смысле секса уже никаких открытий не ждал. Сначала я поехал в Таиланд, потом сразу — на Мадагаскар. С тех пор я больше никогда не спал ни с одной белой женщиной, желания даже не испытывал. Поверьте мне, — добавил он, сжав Лионелю руку, — понастоящему нежной, податливой, мускулистой и мягкой киски вы не найдете ни у одной белой женщины: перевелись окончательно.

Номер 47 заметила, что я на нее настойчиво смотрю; она улыбнулась мне и закинула ногу на ногу, отчего стал виден ярко-красный пояс для чулок. Робер между тем продолжал вещать.

— Во времена, когда белые считали себя высшей расой, — говорил он, — расизм опасности не представлял. В девятнадцатом веке переселенцы, миссионеры и учителя видели в негре крупное и не очень злобное животное с забавными манерами, что-то вроде хорошо развитой обезьяны. В худшем случае к нему относились как к вьючной скотине, полезной и способной выполнять весьма сложные задачи; в лучшем — усматривали в нем душу, примитивную, неотесанную, однако способную при соответствующем воспитании подняться к Богу, а то и к высотам западного разума. Так или иначе, его держали за низшее существо, за “меньшого брата”, а к низшим человек не испытывает ненависти, самое большое — добродушное презрение. Этот доброжелательный, я бы сказал, гуманистический расизм сошел на нет. С той поры как белые признали черных *равными* себе, стало очевидно, что за этим последует признание их *превосходства*. Понятие равенства в человеке не заложено, — и он снова поднял указательный палец.

Я уже приготовился выслушать очередную цитату из Ларошфуко или не знаю кого еще — но нет. Лионель наморщил лоб.

— Когда белые ставят себя ниже, — Робер старался, чтоб его правильно поняли, — создается почва для возникновения новой разновидности расизма, основанной на мазохизме: история показывает, что именно она приводит к насилию, расовым войнам и массовому истреблению людей. Все антисемиты, к примеру, единодушно наделяют евреев *определенно-*

го рода превосходством; почитайте антисемитские писания предвоенного времени: в них поразительней всего то, что авторы считают евреев умнее и хитрее себя, приписывают им особые способности в области финансов и небывалую взаимную поддержку внутри общины. А в результате — шесть миллионов трупов.

Я снова взглянул на сорок седьмую: ожидание всегда волнует, хочется растянуть его как можно дольше, но при этом есть риск, что девушку уведет другой. Я поманил официанта.

— Я не еврей! — воскликнул Робер, полагая, что я собираюсь ему возразить. В самом деле, я многое мог бы сказать; во-первых, мы все-таки в Таиланде: лица желтой расы всегда воспринимались белыми не как “меньшие братья”, а как развитые существа, принадлежащие к другим цивилизациям, отнюдь не примитивным и нередко опасным; кроме того, я мог бы напомнить ему, что мы пришли сюда заниматься любовью и за болтовней только попусту теряем время; собственно, это было моим главным возражением.

Подошел официант, Робер небрежным жестом заказал всем еще по порции.

— I need a girl, — произнес я сдавленно, — the girl forty seven¹.

Официант повернул ко мне взволнованное непонимающее лицо; за соседним столом как раз устроилась группа китайцев, они шумно галдели.

— The girl number four seven!² — прокричал я по слогам.

Он наконец понял, расплылся в улыбке, поспешил к установленному перед стеклом микрофону и что-то

1 Мне нужна девушка, сорок седьмая (англ.).

2 Девушка номер четыре семь! (англ.)

в него проговорил. Девушка встала, спустилась по ступеням и, приглаживая на ходу волосы, направилась к боковому выходу.

— Поначалу расизм, — продолжал Робер, стрельнув глазами в мою сторону, — проявляется в нарастающей антипатии и обострении соперничества между мужскими особями двух различных рас, но одновременно усиливается половое влечение к самкам другой расы. Подлинная суть расовой борьбы, — чеканил Робер, — не в экономике и не в культуре; тут причины грубого биологического свойства: состязание за молодые влагища.

Я чувствовал, что сейчас его занесет в дарвинизм, но тут официант возвратился в сопровождении номера 47. Робер поднял глаза и внимательно на нее посмотрел.

— Хороший выбор, — угрюмо заключил он. — У нее вид отменной шлюхи.

Девушка робко улыбнулась. Я сунул руку ей под юбку и погладил ягодицы, демонстрируя свое покровительство. Она прижалась ко мне.

— И то правда, в моем квартале белые уже не распоряжаются, — вставил Лионель, не совсем понятно к чему.

— Вот именно! — оживился Робер. — Вы боитесь, и правильно делаете. Полагаю, в ближайшие годы в Европе число столкновений на расовой почве возрастет, и кончится все это гражданской войной, — он аж захлебывался. — Проблема будет решаться при помощи автомата Калашникова.

Он залпом допил коктейль; Лионель уже поглядывал на него с опаской.

— Но мне плевать! — Робер стукнул стаканом по столу. — Я западный человек, но я могу жить где хо-

чу, и деньги пока еще в моих руках. Я бывал в Сенегале, в Кении, Танзании, в Кот-д'Ивуаре. Девицы там не такие умелые, как таиландки, не такие ласковые, но сложены недурно и розочки у них благоухают.

Воспоминания нахлынули на него, и он на мгновение замолчал.

— What is your name?¹ — спросил я у сорок седьмой, воспользовавшись паузой.

— I am Sin², — ответила она.

Китайцы за соседним столиком уже выбрали, что хотели, и, гогоча и хихикая, отправились по комнатам; наступила относительная тишина.

— Негритяночки, они становятся на четыре точки и поворачиваются к вам задом, — мечтательно продолжал Робер, — щель приоткрывается, а внутри у них все розовое... — заключил он шепотом.

Я поднялся. Лионель посмотрел на меня с благодарностью; он был несомненно рад, что я первый уйду с девицей, поскольку сам стеснялся. Я кивком попрощался с Робером. Горькая усмешка скривила его жесткие черты, он глядел на сидящих в зале и сквозь них дальше, на весь род людской, без приязни. Он раскрылся, во всяком случае возможность такую получил; я чувствовал, что быстро его забуду. Я вдруг увидел перед собой человека сломленного, конченого; мне показалось, что ему уже даже и не хочется заниматься любовью. Жизнь — это медленное приближение к неподвижности, что хорошо заметно на примере французского бульдога: юркий и неутомимый в молодости, он совершенно апатичен в зрелом возрасте. Робер продвинулся по этому пути далеко; на зрек-

1 Как тебя зовут? (англ.)

2 Я Син (англ.).

цию, возможно, он еще был способен, да и то не уверен: сколько ни строй из себя умудренного опытом, ни делай вид, что разобрался в жизни, — она все равно кончается. У нас с ним схожая участь, его поражение — это одновременно и мое; однако я не ощущал между нами ни малейшего душевного родства. Когда нет любви, ничто не трогает душу. Под кожей век плывут, сливаясь, световые пятна: видения, сны. Но только не у тех, кто ждет ночи, — к ним приходит ночь.

Я заплатил официанту две тысячи бат, и он проводил меня до дверей, ведущих на верхние этажи. Син держала меня за руку; в течение часа или двух она будет стараться сделать меня счастливым.

Встретить в массажном салоне девушку, которая занимается любовью с охотой, понятно, большая редкость. Как только мы зашли в комнату, Син опустилась передо мной на колени, стянула с меня брюки и трусы и взяла мой пенис губами. Он сразу начал твердеть. Она захватила его поглубже и языком освободила головку. Я закрыл глаза, уплывая в неведомые дали, и чуть было не выстрелил ей в рот. Она проворно отстранилась, разделась, не переставая улыбаться, одежду аккуратно сложила на стул.

— *Massage later...*¹ — сказала она, ложась на кровать, и раздвинула ноги.

Я погрузился в нее, я накачивал ее мощными толчками, но вдруг спохватился, что забыл надеть презерватив. По отчетам “Врачей мира”, треть тайландских проституток ВИЧ-инфицированы. Не то чтобы я содрогнулся от ужаса, но настроение у меня подпортилось. До чего же бездарны все эти кампа-

1 Массаж потом (англ.).

нии по борьбе со СПИДом. Член мой стал терять твердость. Син забеспокоилась, приподнялась на локтях:

— Something wrong?

— Maybe... a condom,¹ — сказал я нерешительно.

— No problem, no condom... I'm OK!² — отвечала она весело и, взяв мою моношку одной рукой, другой стала поглаживать член.

Я откинулся на спину. Она гладила все быстрее и быстрее, вызывая новый прилив крови. Существует же, наверное, медицинский осмотр или что-нибудь такое. Как только я окреп, она оседлала меня и разом опустила. Я обхватил ее за талию с ощущением собственной неуязвимости. Таз ее заколыхался, она понемногу распалаясь, я развел ноги в стороны, вонзился глубже. Наслаждение было острым, пьянящим; дышать я старался медленно, чтобы дольше продержаться; на меня снизошло умиротворение. Прижавшись ко мне, она потерлась лобком о лобок, постанывая от удовольствия; я гладил ее по затылку. В минуту оргазма она замерла, испустила продолжительный стон и рухнула мне на грудь. Я чувствовал, как сокращается ее влагалище. Она испытала второй оргазм, глубокий, утробный. Я непроизвольно сжал ее в своих объятиях и с криком кончил. Минут десять она лежала неподвижно, уткнувшись лицом мне в грудь; потом встала и предложила принять душ. Вытирала она меня очень нежно, промокая полотенцем, как младенца. Потом я сел на диван, угостил ее сигаретой.

— We have time, — сказала она, — we have a little time³.

1 Что-нибудь не так? — Может быть... презерватив (англ.).

2 Никаких проблем, никаких презервативов... Я в порядке! (англ.)

3 У нас еще есть время, немножко (англ.).

Я узнал, что ей тридцать два года. Работу свою Син не любила, но муж бросил ее с двумя детьми.

Bad man, — сказала она. — Thai men, bad men¹.

Я спросил, дружит ли она с девушками из заведения. Она отвечала, что не особенно; большинство из них слишком юны и безмозглы, тратят все, что зарабатывают, на одежду и духи. Она не такая, она серьезная, деньги откладывает в банк. Через несколько лет она сможет бросить работу и вернуться в свою деревню; родители у нее уже немолодые, им нужна помощь.

Уходя, я дал ей две тысячи бат чаевых; это было смешно, потому что непомерно много. Она взяла деньги недоверчиво и несколько раз поклонилась мне, сложив ладони на уровне груди.

— You good man², — сказала она. Затем нацепила мини-юбку и чулки; бар закрывался только через два часа. Проводив меня до двери, она снова благодарно сложила ладони.

— Take care, — добавила она, — be happy³.

Я вышел на улицу в задумчивом настроении. На другое утро мы отъезжали в восемь, начинался последний этап путешествия. Интересно, как провела свободный день Валери?

-
- 1 Плохой мужчина, тайские мужчины — плохие (англ.).
 - 2 Ты хороший мужчина (англ.).
 - 3 Береги себя, будь счастлив (англ.).

— Я купила подарки своим, — ответила она. — Здесь есть великолепные ракушки.

Лодка скользила по бирюзовой воде вдоль обрывистых известковых берегов, поросших густыми джунглями; именно таким я представлял себе остров сокровищ.

— Природа, надо все-таки признать... — сказал я. Валери повернулась ко мне, ожидая продолжения; волосы у нее были забраны в пучок, а выбившиеся прядки колыхались на ветру. — Природа все-таки... — Я искал, но не находил слов. Должны бы существовать *школы беседы*, как существуют школы танцев; наверное, я слишком долго занимался бухгалтерией — разучился общаться с людьми.

— Вы можете себе представить: сегодня тридцать первое декабря, — сказала она спокойно.

Я окинул взглядом безоблачное лазурное небо и бирюзовый океан: нет, я не мог. Человеку, право же, потребовалось незаурядное мужество, чтобы освоить северные широты.

Сон встала и обратилась к группе:

— Мы приближаться Кох Пхи-Пхи. Здесь, я говорила, плыть не можно. Вы надевали купальники? Идти ногами, неглубоко. Идти в воде. Чемоданы нет, чемоданы потом.

Мы обогнули мыс и с выключенным мотором вошли в полукруглую бухточку с высокими, поросшими лесом берегами. Прозрачные зеленые волны накатывали на нереально белый песок. Среди леса на фоне холмов виднелись деревянные бунгало на сваях, крытые пальмовыми листьями. Все мы на минуту смолкли.

— Земной рай, — проговорила Сильви дрожащим от волнения голосом. Если это и было преувеличением, то незначительным. С той разницей, что она не Ева. Да и я не Адам.

Все члены группы один за другим вставали и перешагивали через борт. Я помог Жозетт вылезти из лодки. Она задрала юбку до талии и тяжело перевалила через край суденышка, снаружи ее подхватил муж; от восторга она смеялась и даже чихала. Я обернулся; моряк-таец опершись о весло, ждал, пока все покинут лодку. Валери сидела, сложив руки на коленях; она взглянула на меня исподлобья, смущенно улыбнулась и сказала:

— Я забыла надеть купальник.

Я развел руками, выказывая тем самым свою некомпетентность в данном вопросе, затем глупо добавил:

— Я могу выйти.

Она досадливо прикусила губу, поднялась и одним движением сняла брюки, оставшись в тонюсеньких кружевных трусиках, совсем не в духе турпоездки. Из-под них выбивались волоски, довольно густые, черные. Отворачиваться я не стал, это было бы глупо, но и не рассматривал слишком настойчиво. Я вылез из лодки через левый борт и протянул ей руку; она выпрыгнула вслед за мной. Мы оказались по пояс в воде.

Перед тем как отправиться на пляж, Валери еще раз взглянула на ожерелья из ракушек, купленные для племянниц. Окончив институт, ее брат устроился инженером в "Эльф" и, пройдя специальную подготовку, уехал через несколько месяцев в свою первую командировку в Венесуэлу. Год спустя он там женился. Валери полагала, что до женитьбы большого сексуального опыта он не приобрел; по крайней мере, ни одной девушки он домой не приводил. Типичный случай для студента-технаря; у них, как правило, не остается времени на увеселения и подружек. Редкий досуг заполняется невинными интеллектуальными играми или шахматами в Интернете. Впоследствии, когда они получают диплом и работу, на них обрушиваются разом деньги, профессиональные обязанности и секс; если при этом они попадают в тропическую страну, мало кто из них может устоять перед тамошними красотками. Бертран женился на девушке смешанных кровей с великолепной фигурой; сколько раз на пляже в Сен-Ке-Портриё, когда они вместе гостили у родителей, Валери, глядя на невестку, испытывала приступы страстного желания. А вот представить себе брата занимающимся любовью, ей не удавалось. Между тем у них было двое детей, и они выглядели вполне счастливой парой. Выбрать подарок для Хуаны не составило труда: она любила украшения, и светлые камни прекрасно смотрелись на ее смуглой коже. Бертрану Валери не купила ничего. Если у мужчины нет пороков, думала она, очень трудно угадать, что доставит ему удовольствие.

Я листал попавшийся мне в гостинице журнал "Phuket Weekly" и тут увидел идущую по пляжу Валери. Чуть дальше группа немцев купалась нагишом.

Поколебавшись минутку, Валери направилась ко мне. Ослепительно сверкало солнце; было около полудня. Что ж, мне предстояло сыграть решающую партию. Мимо нас прошествовали Бабетт и Леа; кроме сумочек через плечо, на них ничего не было. Я и бровью не повел. Валери же, напротив, долго провожала их любопытным и бесцеремонным взглядом. Красоточки расположились поблизости от немцев.

— Пожалуй, пойду искупаюсь, — сказал я.

— Я пойду позднее, — ответила она.

В воду я вошел без малейшего усилия. Она оказалась теплой, прозрачной, восхитительно спокойной; у самой поверхности плавали мелкие серебристые рыбешки. Дно опускалось полого, в ста метрах от берега я еще мог стоять. Тут я вытащил свой прибор из плавок, зажмурился и вспомнил, как утром видел Валери в кружевных трусиках, почти не прикрывавших ее прелести. Стрелка прибора резко поползла вверх — уже хорошо; все какая-никакая мотивация. Ведь надо же стараться жить, вступать в какие-то отношения с людьми; обычно я слишком зажат, это со мной уже давно. Следовало бы, наверное, чем-то занимать себя по вечерам: бадминтон, хоровое пение — мало ли что. Правда, если я и вспоминал каких-нибудь женщин, то только тех, с которыми спал. Это тоже важно; человек накапливает воспоминания, чтобы умирать было не так одиноко. Нет, у меня все время не те мысли. “Think positive, — в отчаянии уговаривал я себя, — think different”¹. Я медленно поплыл к берегу; через каждые десять гребков я вставал на ноги и глубоко вдыхал, пытаюсь расслабиться. Едва я ступил ногой на песок, мне бросилось в глаза, что Валери

1 Думай о хорошем, думай иначе (англ.).

сняла бюстгальтер. Пока что она лежала на животе, но она обязательно перевернется, это непреложно, как вращение планет. И что же дальше? Я сел на полотенце, чуть сгорбив спину. "Think different", — повторил я про себя. Мне приходилось видеть много женских бюстов, тискать их и вылизывать, и все же я испытал шок. Я и раньше подозревал, что у нее прекрасная грудь, в действительности же все оказалось гораздо хуже. Я не мог оторвать глаз от сосков и коричневых ореолов; она, разумеется, заметила мой взгляд и все же молчала еще несколько секунд, показавшихся мне бесконечно долгими. Как знать, что у женщин на уме? Они так легко принимают условия игры. Порой, когда, обнаженные, они рассматривают себя в зеркало с ног до головы, на их лицах читается такая трезвая, холодная оценка собственных возможностей соращения, какая и мужчине не под силу. Короче, я первым отвел глаза.

Прошло какое-то время, не скажу сколько; солнце по-прежнему стояло высоко и светило ослепительно ярко. Я сидел, уставившись на песок, белый и мелкий, как пыль.

— Мишель... — проговорила она тихо.

Я резко вскинул голову, будто меня ударили. Ее темно-карие глаза смотрели прямо на меня.

— Чем тайки лучше европейек? — спросила она отчетливо. И я снова не выдержал ее взгляда; ее грудь колыхалась в ритме дыхания; мне даже показалось, что соски немного затвердели. В первую секунду мне хотелось ответить: "Ничем". Потом пришла в голову другая мысль, не слишком, впрочем, удачная.

— Тут есть об этом статья, что-то вроде рекламного репортажа... — И я протянул ей "Phuket Weekly".

— “Find your longlife companion... Well educated Thai ladies...”¹, это?

— Да, там дальше интервью.

Улыбающийся Чэм Сэвенеzi в черном костюме и темном галстуке отвечал на вопросы, которыми задаются читатели (“Ten questions you could ask”²) относительно работы его агентства “Heart to heart”³.

“There seems to be, — отмечал Сэвенеzi, — a nearer-perfect match between the Western men, who are unappreciated and get no respect in their own countries, and the Thai women, who would be happy to find someone who simply does his job and hopes to come home to a pleasant family life after work. Most Western women do not want such a boring husband.

One easy way to see this, — продолжал он, — is to look at any publication containing “personal” ads. The Western women want some one who looks a certain way, and who has certain “social skills”, such as dancing and clever conversation, someone who is interesting and exciting and seductive. Now go to my catalogue, and look at what the girls say they want. It’s all pretty simple, really. Over and over they state that they are happy to settle down FOREVER with a man who is willing to hold down a steady job and be a loving and understanding HUSBAND and FATHER. That will get you exactly nowhere with an American girl!

As Western women, — заключал он с апломбом, — do not appreciate men, as they do not value traditional family life, marriage is not the right thing for them to do.

-
- 1 Найдите себе спутника жизни... Образованные тайские леди... (англ.)
 - 2 Десять вопросов, которые вы могли бы задать (англ.).
 - 3 От сердца к сердцу (англ.).

*I'm helping modern Western women to avoid what they despise*¹.

— Похоже на правду... — с грустью заметила Валери. — Конечно же, существует рынок...

Она отложила журнал и задумалась. Мимо нас прошел Робер; он шагал вдоль берега, заложив руки за спину, и мрачно глядел перед собой. Валери резко повернулась и стала смотреть в другую сторону.

— Этот тип мне не нравится, — прошептала она с раздражением.

— Он не глуп, — сказал я; в сущности, он был мне безразличен.

— Не глуп, но он мне не нравится. Старается всех шокировать, производить неприятное впечатление; я этого не люблю. Вы, по крайней мере, пытаетесь приспособиться.

— Вот как? — я взглянул на нее с удивлением.

1 “Создается впечатление, что западные мужчины, которых не замечают и не ценят на родине, почти идеально подходят тайским женщинам, которые были бы счастливы встретить человека, желающего просто-напросто работать, а после работы возвращаться домой в приветливую семью. Большинство западных женщин не хотят иметь такого скучного мужа.

Вы легко убедитесь в этом, просмотрев раздел частных объявлений в любой газете. Западные женщины ищут мужчину, который выглядел бы определенным образом, имел определенные “социальные навыки”: умел танцевать, поддерживать беседу, быть интересным, заигивательным, соблазнительным. Теперь обратимся к моему каталогу и посмотрим, чего хотят здешние девушки. Все довольно просто. Все они утверждают, что будут счастливы НАВСЕГДА соединиться с мужчиной, который имеет стабильную работу и будет любящим и понимающим МУЖЕМ и ОТЦОМ. Американской девушке такой не подойдет.

Поскольку западные женщины не ценят мужчин и традиционную семейную жизнь, им не следует выходить замуж. Я помогаю современным западным женщинам избавиться от того, что они презирают” (англ.).

— Ну да. Чувствуется, конечно, что вам трудно, что вы не созданы для такого рода поездок; но вы делаете над собой усилие. Мне кажется, в душе вы добрый.

Мне бы тут обнять ее, погладить грудь, поцеловать в губы; но я, как кретин, не шевельнулся. Приближался вечер; солнце теперь плыло над пальмами; мы обменивались ничего не значащими фразами.

К новогоднему столу Валери надела очень открытое на груди длинное зеленое платье из легкой, чуть просвечивающей ткани. После ужина на веранде играл оркестр, и чудной старик-певец гнусавым голосом тянул обработки медленного рока Боба Дилана. Бабетт и Леа примкнули к группе немцев, с их стороны до меня долетали звонкие восклицания. Жозетт и Рене танцевали, нежно обнявшись, — миленькие толстячки. Ночь стояла теплая; бабочки облепляли разноцветные фонарики, подвешенные к балюстраде. Я чувствовал себя подавленным и глушил виски стакан за стаканом.

— То, что говорит этот тип в интервью...

— Да? — Валери подняла на меня глаза; мы сидели рядом на плетеной скамейке. Ее грудь плотно наполняла ракушки лифа. Она накрасила глаза, распущенные волосы спадали на плечи.

— Я думаю, это в большей степени относится к американкам. С европейками тут не все ясно.

Она с сомнением покачала головой и ничего не ответила. Лучше, конечно, было бы пригласить ее на танец. Я выпил еще виски, откинулся на спинку скамейки, глубоко вздохнул.

Когда я проснулся, зал был почти пуст. Артист еще что-то напевал по-тайски, ударник ему вяло ак-

компанировал; никто их не слушал. Немцы исчезли, Бабетт и Леа оживленно беседовали с двумя неизвестно откуда взявшимися итальянцами. Валери ушла. Было три часа утра по местному времени; начался 2001 год. В Париже он официально начнется только через три часа; в Тегеране как раз наступила полночь, а в Токио уже пробило пять. Все многоликое человечество вступало в третье тысячелетие; лично я сделал это не лучшим образом.

Удрученный и пристыженный, я побрел к себе в бунгало; в саду слышался смех. На песчаной дорожке я едва не раздавил неподвижно сидящего лягушонка. Он даже не отскочил, у него полностью отсутствовал инстинкт самосохранения. Рано или поздно на него кто-нибудь случайно наступит, раскрошит ему позвоночник, и расплющенное тельце смешается с песком. Человек почувствует что-то мягкое под ногой, выругается, почистит подошву о землю. Я легонько пнул лягушонка ногой: он неторопливо переместился ближе к бордюру. Я толкнул его еще раз: он отпрыгнул на относительно безопасную лужайку; возможно, мне удалось продлить ему жизнь на несколько часов. Сам я чувствовал себя не в лучшем положении, чем он. Я вырос вне семейного кокона или какой-нибудь другой ячейки общества, и некому было беспокоиться о моей судьбе, поддерживать в беде, восхищаться моими похождениями и успехами. Со своей стороны, и я не создал домашнего очага: остался холостяком, детьми не обзавелся; никому не придет в голову опереться на мое плечо. Я, как зверь, прожил один и в одиночестве умру. В течение нескольких минут я растравлял душу беспочвенной жалостью к самому себе.

С другой стороны, я все-таки создан довольно крепким, и размера я выше среднего в животном мире; я могу рассчитывать на долгую жизнь, как слон или ворон; меня не так просто уничтожить, как эту маленькую амфибию.

Следующие два дня я отсиживался в бунгало. Выходил только изредка и, никем не замеченный, добирался до мини-маркета, где покупал фисташки и бутылки "Меконга". Мне страшно было подумать, что я встречу с Валери за обедом или на пляже. Что-то дается нам легко, что-то кажется непреодолимым. Постепенно все становится непреодолимым; к этому и сводится жизнь.

Второго января после обеда я нашел у себя под дверью анкету агентства "Нувель фронтьер", где требовалось оценить организацию тура. Я заполнил ее тщательно, почти везде поставив галочки в графе "хорошо". И вправду, в определенном смысле все было хорошо. Отпуск сложился нормально. Путешествие прошло *на уровне*, и приключенческий дух тоже присутствовал в полном соответствии с рекламой. В пункте "личные замечания" я написал следующее четверостишие:

Едва проснувшись, я переносюсь
В мир, четко разлинованный на клетки;
Мне наша жизнь знакома наизусть,
Она — анкета, где я ставлю метки.

Третьего утром я собрал чемодан. Увидев меня в лодке, Валери хотела что-то сказать, но удержалась; я отвернулся. Сон распрощалась с нами в аэропорту Пхукета; мы приехали раньше времени, до отлета ос-

тавалось еще три часа. Зарегистрировав билет, я бродил по магазинчикам в холле аэропорта, они были оформлены в виде хижин с тиковыми стойками и крышами из пальмовых веток. Ассортимент предлагаемых товаров сочетал международный стандарт (шарфики “Гермес”, духи “Ив Сен-Лоран”, сумки “Вюиттон”) с изделиями местного производства (ракушки, побрякушки, галстуки тайландского шелка); вся продукция была помечена штрих-кодами. Словом, магазины аэропорта еще жили национальной жизнью, но в сглаженной, приглушенной форме, полностью приспособленной к мировым потребительским запросам. Перед тем как покинуть страну, туристы попадали здесь на некую промежуточную территорию, менее интересную, но и менее опасную, чем окружающее пространство. У меня возникло ощущение, что мир в целом стремится все больше и больше походить на аэропорт.

Я увидел магазин кораллов, и мне почему-то захотелось купить подарок Мари-Жанне; собственно, кроме нее, у меня никого не осталось в целом свете. Ожерелье, брошку? Я копался в ящичке и вдруг в двух шагах от себя заметил Валери.

— Пытаюсь выбрать ожерелье, — сказал я после некоторого замешательства.

— Для брюнетки или блондинки? — В ее голосе чувствовалась нотка горечи.

— Блондинки с голубыми глазами.

— Тогда лучше взять светлые кораллы.

Я протянул посадочный талон девушке за прилавком. Расплачиваясь, я сказал Валери:

— Это для коллеги.

Прозвучало жалко.

Она метнула на меня странный взгляд, словно не знала, то ли ей ударить меня, то ли рассмеяться в лицо; ничего такого она не сделала, а просто вышла вместе со мной из магазина. Большинство членов нашей группы, покончив, как видно, с покупками, сидели на скамейках в зале ожидания. Я остановился, набрал полную грудь воздуха и повернулся к Валери.

— Мы могли бы встретиться в Париже... — выпалил я наконец.

— Вы полагаете? — безжалостно парировала она.

Я ничего не ответил, только снова посмотрел на нее.

— Было бы жаль... — пытался объяснить я; впрочем, не уверен, что произнес это вслух.

Валери огляделась, увидела, что на ближайшей к нам скамейке сидят Бабетт и Леа, и с досадой отвернулась. Потом достала из сумки блокнот, вырвала листок и что-то быстро на нем написала. Протягивая листок мне, она хотела сказать какие-то слова, но передумала и ушла в сторону группы. Взглянув на клочок бумаги, я увидел номер мобильного телефона и сунул его в карман.

Часть вторая

Конкретные
преимущества

Самолет приземлился в Руасси в одиннадцать; багаж я получил очень быстро; в половине первого уже приехал домой. В субботний день можно было пройтись по магазинам, поискать чего-нибудь для дома. По улице Муффтар гулял ледяной ветер, и ничего не хотелось. Борцы за права животных продавали желтые наклейки. После праздников потребление продуктов питания, как правило, снижается. Я купил жареного цыпленка, две бутылки белого бордо и последний номер "Хот видео". Не слишком изысканно для уик-энда, но, по моим представлениям, большего я не заслуживал. Я съел полцыпленка; обугленная промасленная кожица вызывала легкое отвращение. В самом начале четвертого я позвонил Валери. Она сняла трубку после второго гудка. Да, она свободна вечером; да, согласна поужинать. Я могу зайти за ней в восемь; авеню Рей, возле парка Монсури.

Она открыла дверь в белых спортивных брюках и короткой футболке, сказала:

— Я не готова, — и рукой откинула волосы назад.

От этого движения грудь ее колыхнулась; она была без лифчика. Я обхватил ее за талию и потянулся к ней лицом. Она приоткрыла губы и сразу же скольз-

нула языком мне в рот. Меня словно током ударило, я едва не потерял сознание и возбуждился мгновенно. Не отрывая от меня своих бедер, она толкнула входную дверь, и та с глухим стуком захлопнулась.

Освещенная одной только настольной лампочкой, комната казалась огромной. Валери обняла меня за талию и ощупью повела в спальню. Около кровати она поцеловала меня еще раз. Я поднял майку и погладил ей грудь; она прошептала что-то, но я не разобрал слов. Опустившись на колени, я стянул с нее брюки и трусики и приник лицом к сокровенному месту. Там все было влажно, открыто и хорошо пахло. Она застонала и опрокинулась на кровать. Я быстро разделся и вошел в нее. Мой агрегат дрожал и распался.

— Валери, — сказал я, — я долго не продержусь, я слишком возбужден.

Она притянула меня к себе и шепнула в самое ухо:

— Кончай...

И в ту же секунду я почувствовал, как сжимаются стенки ее влагалища. Мне казалось, я весь растворился в пространстве и только член один живет, содрогаясь от небывалого наслаждения. Я извергался долго, многократно и уже под самый конец понял, что кричу. За одно такое мгновение можно и жизнь отдать.

Желтые и голубые рыбки плавали вокруг меня. Я стоял под водой на глубине нескольких метров от залитой солнцем поверхности моря. Неподалеку, возле кораллового рифа, спиной ко мне стояла в воде Валери. Мы оба были без ничего. Я знал, что подобное состояние невесомости объясняется большой плотностью воды, но меня удивляло, что я могу дышать. Сделав несколько гребков, я приблизился к

Валери. Риф был усеян какими-то фосфоресцирующими серебристыми организмами, имевшими форму звездочек. Я положил одну руку ей на грудь, другую на низ живота. Она прогнулась, прижавшись ко мне ягодицами.

В таком положении я и проснулся; стояла ночь. Я осторожно раздвинул Валери ноги и проник в нее. Одновременно, посплюнявив пальцы, стал гладить ей клитор. По ее стонам я догадался, что она уже не спит. Она приподнялась и стала на колени. Я внед-рялся все глубже, чувствуя, что она вот-вот кончит; она учащенно дышала. В момент оргазма она вздрогнула и испустила душераздирающий стон; потом замерла, обессилев. Я вытянулся рядом с ней. Она расслабилась и обняла меня; мы оба вспотели.

— Приятно просыпаться от наслаждения, — сказала она, положив руку мне на грудь.

В следующий раз я открыл глаза уже утром; обнаружил, что лежу в постели один. Я поднялся и вышел из спальни. Соседняя комната оказалась действительно очень большая и с высоким потолком. Над диваном висели книжные полки. Валери не было дома; на столе в кухне лежали хлеб, сыр, масло, конфитюр. Я налил себе чашку кофе и снова лег. Минут через десять вернулась Валери с круассанами и булочками с шоколадом, принесла завтрак в спальню на подносе.

— На улице чертовски холодно, — сказала она, раздеваясь. А я вспомнил Таиланд.

— Валери... — начал я нерешительно, — что ты во мне нашла? Я не красив и не остроумен; я совсем не понимаю, что во мне привлекательного.

Валери посмотрела на меня и ничего не ответила; она сидела почти голая, в одних трусах.

— Я тебя серьезно спрашиваю, — не отставал я. — Потертый мужик, необщительный, смирившийся уже со своей скучной жизнью. И вдруг появляешься ты, приветливая, ласковая, и даришь мне счастье. Не понимаю. Мне кажется, ты видишь меня не таким, каков я на самом деле. И следовательно, будешь разочарована.

Она улыбнулась, медля с ответом; потом положила руку мне на мошонку и приблизила к ней лицо. Я сразу пришел в боевую готовность. Она закрутила прядку волос вокруг основания моей пушки и стала поглаживать ее кончиками пальцев.

— Не знаю... — прошептала она, не прерываясь. — Мне нравится, что ты не уверен в себе. Я очень хотела тебя во время путешествия, с ума сходила, только об этом и думала.

Она взяла мою мошонку в ладонь и сжала; другой рукой размазала малиновый конфитюр по моему члену, а потом стала размашистыми движениями языка тщательно этот конфитюр слизывать. Изнемогая, я предпринял последнюю попытку сдержаться и раздвинул ноги. Она же лизала меня все быстрее, прикасалась губами; когда она пощекотала языком головку, я выплеснулся в ее приоткрытый рот. Она сглотнула, урча, а затем аккуратно собрала губами оставшиеся капли. Волна блаженной расслабленности прокатилась по моему телу, вливаясь в каждую жилку. Валери распрямилась, легла рядом со мной, прижалась.

— В новогоднюю ночь я уже совсем собралась постучаться к тебе в комнату, но потом не решилась. Я была уверена, что между нами ничего не произойдет; самое ужасное, что у меня даже не получалось на тебя разозлиться. В групповых поездках люди ак-

тивно общаются, но эта близость — искусственная: все прекрасно знают, что больше никогда не увидятся. Сексуальные отношения завязываются крайне редко.

— Ты думаешь?

— Я знаю; проводились специальные опросы. Даже среди тех, кто предпочитает клубный отдых, хотя в этом, собственно, суть проекта. Число отдыхающих в клубах последние десять лет неизменно падает, несмотря на тенденцию к снижению цен. Это объясняется единственно тем, что сексуальные отношения во время отпуска сошли на нет. Исключения составляют курорты с преобладанием клиентов-гомосексуалистов: Корфу, Ибица.

— Однако ты хорошо осведомлена, — изумился я.

— Ничего удивительного, это моя работа, — и она улыбнулась. — Вот, кстати, и еще одна особенность организованных путешествий: люди там очень мало говорят о своих профессиональных делах. Получается эдакое игровое отступление от обыденной жизни, полностью нацеленное на то, что организаторы называют “радостью открытия”. Участники игры заключают между собой негласное соглашение избегать в разговорах серьезных тем, как, скажем, работа или секс.

— И где же ты работаешь?

— В “Нувель фронтьер”.

— Так, значит, ты ездила в служебную командировку? Для отчета или чего-нибудь в этом роде?

— Нет, я и в самом деле отдыхала. Конечно, я получила большую скидку, но ездила в отпуск. Я работаю там уже пять лет и впервые путешествовала по их путевке.

Готовя салат из помидоров с моцареллой, Валери рассказывала, как попала в турбизнес. В марте 1990 года, за три месяца до окончания школы, она впервые задумалась над тем, где будет учиться дальше и вообще чем заниматься в жизни. Старший брат тогда закончил Геологическую школу в Нанси, куда в свое время поступил с большим трудом. Его ожидала работа на рудниках или нефтяных скважинах, и в любом случае вдали от Франции. Он любил путешествия. Она, пожалуй, тоже; словом, ее выбор пал на училище по туризму. Ей казалось, что она не создана для усердных интеллектуальных занятий, каких требует высшая школа.

Очень скоро она поняла, что ошибалась. Уровень ее класса в училище оказался исключительно низким, она без малейших усилий сдавала текущие зачеты и рассчитывала с такой же легкостью получить выпускное свидетельство. Параллельно записалась на курсы, дающие диплом, аналогичный университетскому, в области гуманитарных и общественных наук. После училища поступила в магистратуру по социологии. Но и тут разочаровалась. Вернее, сама по себе специальность ее заинтересовала, однако методы работы, которым их обучали, оказались дилетантскими и примитивными до смешного, а теории — пустопорожней болтовней. Она бросила занятия в середине учебного года и устроилась работать в реннский филиал турфирмы “Куони”. Две недели спустя, собираясь снять себе квартиру, поняла: клетка захлопнулась, с учебой покончено, впереди только работа.

Валери прослужила в турагентстве год, причем весьма успешно.

— Там было совсем нетрудно, — вспоминала она. — Главное — разговорить клиента, заинтере-

соваться им. Люди крайне редко интересуются другими.

Затем руководство компании предложило ей место в парижском офисе. Тут надо было планировать туры, разрабатывать маршруты и экскурсии, договариваться о ценах с гостиницами и другими учреждениями на местах. Она справилась; а еще через полгода откликнулась на объявление в “Нувель фронтьер”, предлагавшее аналогичную работу. Тогда и начался взлет ее карьеры. Она попала в команду Жан-Ива Фрошо, выпускника Высшей коммерческой школы, ничего не смыслившего в туризме. Он сразу оценил Валери и, хотя теоретически был ее начальником, полагался на нее во всем и предоставлял полную свободу действий.

— С Жан-Ивом хорошо то, что его честолюбия на двоих хватает. Всякий раз, когда приходилось добиваться повышения по службе или увеличения зарплаты, это делал он. Сейчас он занимает ответственную должность: курирует турпрограммы по всему миру; ну а я по-прежнему его ассистентка.

— Ты, наверное, много зарабатываешь.

— Сорок тысяч в месяц. Теперь надо уже считать в евро: шесть с чем-то тысяч.

Я посмотрел на нее с удивлением:

— Вот не ожидал...

— Это потому, что никогда не видел меня в костюме.

— А у тебя есть костюм?

— Он мне не особенно нужен, я работаю почти исключительно на телефоне. Но при необходимости — да, могу надеть костюм. У меня есть даже пояс для чулок. Как-нибудь покажу, если захочешь.

Только теперь я осознал, хотя еще не до конца поверил, что мы с Валери будем видеться и дальше, и, возможно, мы будем счастливы. Радость оказалась для меня слишком неожиданной, я чуть не заплакал; пришлось сменить тему.

— Что представляет собой этот Жан-Ив?

— Парень как парень. Женат, двое детей. Работает как зверь, на выходные забирает кучу бумаг домой. В общем, нормальный молодой функционер, достаточно умен, достаточно честолюбив; но симпатичный, и характер легкий. Мы с ним ладим.

— Не знаю почему, но мне нравится, что ты богата. Это не имеет никакого значения, но все-таки приятно.

— Да, правда, я кое-чего добилась, у меня хорошая зарплата, но я плачу сорок процентов налогов и десять тысяч в месяц за квартиру. Я не чувствую себя так уж уверенно: если завтра моя результативность снизится, меня выставят не задумываясь; им не привыкать. Если бы у меня были акции, тогда бы я действительно стала обеспеченным человеком. “Ну-вель фронтьер” поначалу занимались в основном распродажей горящих путевок. Компания сделалась ведущим туроператором во Франции, благодаря новой концепции и удачно найденному соотношению цена/качество; в значительной степени она обязана этим нам с Жан-Ивом. За десять лет ее активы увеличились в двадцать раз; поскольку тридцать процентов акций по-прежнему принадлежат Жаку Майо, своим состоянием он, можно сказать, обязан мне.

— Ты его видела?

— Неоднократно; он мне несимпатичен. С виду такой честный, демократичный, в ногу со временем: пестрые галстуки, мотороллер; а по сути — подлый,

безжалостный лицемер. Перед самым Рождеством Жан-Иву звонил какой-то “охотник за мозгами”, предлагал встретиться; наверное, уже что-нибудь выяснилось; я обещала позвонить, как вернусь.

— Ну так звони, это важно.

— Да... — сказала она с сомнением, от упоминания о Жаке Майо она помрачнела. — Моя личная жизнь — это тоже важно. По правде говоря, я тебя опять хочу.

— Не знаю, смогу ли я сейчас.

— Тогда поцелуй меня туда. Я это люблю.

Она поднялась, сняла трусики и удобно устроилась на диване. Я опустился на колени и, широко раздвинув ее нижние губы, начал легонько полизывать клитор.

— Сильнее... — прошептала она.

Я запустил палец ей в задний проход и поцеловал бутончик, сдавливая его губами.

— Вот так ... — сказала она.

Я стал целовать еще крепче, и она кончила неожиданно быстро, содрогнувшись всем телом.

— Иди ко мне... — Я сел на диван. Она свернулась клубочком, положив голову мне на колени.

— Когда я спросила тебя, чем тайки лучше нас, ты мне, собственно говоря, не ответил; ты только показал интервью директора matrimониального агентства.

— Он там верно написал: многие мужчины боятся современных женщин и хотят, чтобы жена занималась только домом и детьми. Таких немало, просто на Западе в этом невозможно признаться; вот они и женятся на азиатках.

— Положим... — Она на минутку задумалась. — Но вот ты, например, не такой; тебя совершенно не смущает, что у меня солидная работа, большая зар-

плата; по-моему, тебе это не важно. Однако же ты не стал ухаживать за мной, а отправился в массажный салон. Вот чего я не понимаю. Что в них такого, в этих азиатских девицах? Они любят лучше, чем мы?

Когда она произносила последнюю фразу, голос у нее слегка дрогнул; я и сам с трудом справился с волнением и не сразу ответил.

— Валери, — сказал я наконец, — я еще никогда не встречал женщины, которая бы занималась любовью так, как ты; начиная со вчерашнего вечера я ощущаю такое, что и поверить невозможно.

Помолчав, я добавил:

— Ты не понимаешь, но ты исключение. В наши дни так мало женщин, которые бы сами получали радость от секса и хотели бы доставлять ее другим. Сейчас соблазнить незнакомую бабу и переспать с ней — целая история. Как подумаешь, сколько нуднейших разговоров придется вытерпеть, прежде чем затащишь ее в постель, а любовницей она, скорее всего, окажется никудышной, да еще прожужжит уши своими проблемами, расскажет обо всех своих прежних мужиках, заодно даст понять, что сам ты не на высоте, и вдобавок заставит тебя провести с ней остаток ночи — как представишь себе все это, понятно станет, почему мужчины готовы платить, лишь бы избежать такой канители. Когда мужчина взрослеет и набирается опыта, он приходит к выводу, что любовь ему ни к чему и проще пойти к девочкам. Но здешние шлюхи — это отбросы общества, к ним не стоит и соваться, и вдобавок некогда, работа съедает все время. Большинство, в итоге, так и живет, а некоторые время от времени позволяют себе немного сексуального туризма. Это еще лучший вариант: общение с проституткой — какой-никакой человеческий кон-

такт. Есть такие, которые предпочитают онанировать, уставившись в Интернет или под порнокассету. Отстрелялся и успокоился.

— Да, я понимаю... — произнесла она после долгой паузы. — Я понимаю, что ты хочешь сказать. И ты думаешь, они уже не изменятся? Ни мужчины, ни женщины?

— Я думаю, назад возврата нет. Меняться все будет в другую сторону; женщины станут больше и больше походить на мужчин; сейчас пока у них еще велика потребность обольщать, в отличие от мужчин, которые обольщать не стремятся — им главное трахаться. Обольщение — удел лишь тех, кто не увлечен работой и не имеет других интересов в жизни. По мере того как женщины станут больше заниматься делами, работой, они тоже начнут считать, что проще заплатить за удовольствие, и тоже потянутся к сексуальному туризму. Женщины могут приспособливаться к мужскому видению мира — хотя бы и через силу, но могут, история это доказала.

— Словом, все катится куда-то не туда.

— Совсем не туда... — согласился я с мрачным удовлетворением.

— Значит, нам повезло.

— Это мне повезло, что я тебя встретил.

— Мне тоже... — сказала она и посмотрела мне в глаза, — мне тоже повезло. Все мужчины, которых я знаю, — это жуть что такое. Ни один не верит в любовь. Рассказывают тебе сказки про дружбу, общие интересы и прочую ерунду. Я уже до того дошла, что слово "дружба" на дух не переношу, тошнить начинается. Есть еще другая категория: женятся как можно раньше и дальше думают только о карьере. К тебе это, понятно, не относится. С другой стороны, я сразу

поняла, что ты не будешь мне заливать про дружбу, до такой пошлости не дойдешь. И я подумала, что, может, мы переспим и, может, у нас получится что-то особенное; могло, конечно, и ничего не получиться, даже скорее всего... — Она замолчала, вздохнула с досадой, потом произнесла покорно: — Ладно... позвоню все-таки Жан-Иву.

Пока она звонила, я оделся в спальне.

— Да, прекрасно отдохнула, — услышал я. Немного погодя она воскликнула: — Сколько?

Когда я вернулся в гостиную, она сидела задумавшись и по-прежнему держала трубку в руке; одеваться еще и не начинала.

— Жан-Ив виделся с тем типом по набору кадров, — сказала она, — ему предложили сто двадцать тысяч в месяц. Они готовы взять и меня; могут, наверное, дать тысяч восемьдесят. Завтра утром у него встреча, будут обсуждать детали.

— А что за место?

— Отдел досуга в группе "Аврора".

— Это большая фирма?

— В общем, да. Крупнейшая сеть гостиниц в мире.

Понять поведение потребителя, определить круг его интересов, предложить ему нужный товар в нужную минуту и, главное, убедить его в том, что товар полностью соответствует его потребностям, — вот о чем мечтает любая фирма.

Жан-Луи Барма.

“О чем мечтают предприниматели”

Жан-Ив проснулся в пять утра, бросил взгляд на спящую жену. Они отвратительно провели выходные у его родителей — жена не выносила деревню. Их десятилетний сын Никола тоже терпеть не мог ездить в Луаре, поскольку туда не возьмешь компьютер; дедушку с бабушкой он не любил и говорил, что от них плохо пахнет. Отец и вправду сильно опустился, перестал следить за собой, ничем, кроме своих кроликов, не интересовался. Скрашивала поездки только дочь Анжелика: в свои три года она еще была способна радоваться каждой корове и курице; но на этот раз она заболела и обе ночи непрерывно плакала. Как только они добрались до дома, проведя три часа

в пробках, Одри отправилась развлекаться с друзьями. Готовя ужин из быстрозамороженных продуктов, Жан-Ив смотрел по телевизору посредственный американский фильм про серийного убийцу-аутиста: в основу сценария лег якобы реальный случай — этот аутист был первым душевнобольным, казненным в штате Небраска за последние шестьдесят с лишним лет. Сын ужинать отказался, он сразу бросился играть в “Total Annihilation”, а может, это была “Mortal Kombat II”¹ — Жан-Ив их путал. Время от времени он заходил к дочери и пытался ее успокоить, но она продолжала хныкать. Уснула только около часа; Одри еще не было дома.

Вернулась-таки, думал Жан-Ив, готовя себе утренний кофе-эспрессо; пока еще возвращается. Работая в адвокатской конторе, клиентами которой были газеты “Либерасьон” и “Монд”, Одри вращалась в кругу журналистов, телеведущих, политических деятелей. Они вели светскую жизнь, постоянно куда-то ходили, порой в довольно странные места, — так, листая однажды какую-то книгу с ее полки, Жан-Ив увидел клубную карту бара для фетишистов. Он подозревал, что жена спит с кем-нибудь на стороне, по крайней мере между ними давно все кончилось. Оставалось только удивляться, что сам он не завел романа. А ведь он обладал привлекательной наружностью и хорошо это знал: блондин с голубыми глазами — такой типаж чаще встречается среди американцев. Он не испытывал ни малейшего желания пофлиртовать, даже если предоставлялся случай, а предоставлялись они не часто: Жан-Ив работал по двенадцать — четырнадцать

1 “Total Annihilation”, “Mortal Kombat II” — популярные компьютерные игры.

часов в сутки; на службе, занимая ответственный пост, женщин видел редко. Разумеется, у него была Валери, но он воспринимал ее исключительно как коллегу. Взглянуть на нее по-новому хотя и любопытно, но совершенно бесперспективно; они работали вместе уже пять лет, а такие вещи происходят либо сразу, либо никогда. Он очень уважал Валери за ее организаторские способности и необыкновенную память и понимал, что без нее не достиг бы своего теперешнего положения, а если бы и достиг, то не так быстро. Сегодня ему предстояло сделать, возможно, решающий шаг в своей карьере. Он почистил зубы, тщательно побрился, надел строгий костюм. Перед уходом заглянул в комнату дочери: она спала, одетая в пижаму с цыплятами; головка беленькая — вся в него.

Он отправился пешком в спортклуб “Республика”, открывавшийся в семь; жили они на улице Фобурдю-Тампль, в модном районе, который он терпеть не мог. Встреча в “Авроре” была назначена на десять. Ничего, один раз может и Одри собрать и проводить детей. Вечером, правда, ему придется в течение получаса выслушивать упреки. Шагая по мокрому тротуару среди набросанных очистков и пустых коробок, он вдруг понял, что ему плевать на упреки. И еще он подумал — впервые так отчетливо, — что его брак был ошибкой. Как известно, от появления подобных мыслей до развода проходит в среднем два-три года: такие решения не из легких.

Высокий негр у входа спросил привычно:

— Поддерживаем форму, шеф?

Жан-Ив кивнул, протянул ему абонемент, взял полотенце. Он познакомился с Одри, когда ему было двадцать три. Два года спустя они поженились, отча-

сти из-за того, что она была беременна, но не только поэтому. Она была хороша собой, элегантна, одевалась со вкусом и умела при случае выглядеть весьма соблазнительно. Кроме того, она высказывала весьма оригинальные суждения и развитие во Франции юридических процедур по американскому образцу считала не возвратом в прошлое, а, наоборот, шагом вперед, обеспечивающим лучшую защиту граждан и индивидуальных свобод. Свои мысли она убедительно аргументировала, тем более что недавно вернулась со стажировки в Штатах. Короче, пускала ему пыль в глаза как могла. Удивительно, думал он, до какой степени он всегда был падок на интеллектуалок.

Сначала он в течение получаса, меняя уровни трудности, упражнялся на тренажере "Stairmaster", потом плавал в бассейне, раз двадцать туда и обратно. В сауне, где в этот час не было ни души, он, расслабившись, перебирал в голове все, что знал о группе "Аврора". В 1966 году выпускник Высшей школы искусств и ремесел Жерар Пелиссон совместно с неким Полем Дюбрюлем основали компанию "Новотель" на средства, собранные среди родственников и друзей. В августе 1967 года в Лилле открылась первая гостиница "Новотель"; в ней уже проявились особенности, которые составят в будущем специфику всей сети: стандартизация комнат, расположение на периферии города, точнее возле автострады при въезде в агломерацию, высокий по тем временам уровень комфорта: гостиницы "Новотель" одними из первых оснастили все номера ванными. Успех, особенно в деловых кругах, не заставил себя ждать: в 1972 году сеть насчитывала уже тридцать пять отелей. Затем последовало создание "Ибиса" в 1973 году, покупка "Меркурия" в 1975-м и "Софителя" в

1981-м. Одновременно с этим группа начала осторожно осваивать ресторанное дело: выкупила сеть ресторанов “Куртепай” и фирму “Жак Борель интернасьональ”, специализирующуюся на коллективном питании и питании по талонам. С 1983 года компания стала называться “Авророй”. Потом, в 1985 году, были созданы гостиницы “Формула-1” — первые отели без персонала — сенсация в истории гостиничного дела. К тому времени, прочно обосновавшись в Африке и на Ближнем Востоке, компания начала внедряться в Юго-Восточную Азию и открыла свой собственный центр обучения — академию “Аврора”. В 1990 году, с приобретением “Мотеля-6”, владеющего шестьюстами пятьюдесятью гостиницами на Американском континенте, “Аврора” вышла на уровень крупнейших мировых компаний; в 1991 году последовала удачная покупка акций группы “Вагон-ли”. Все эти приобретения стоили больших денег, и в 1993 году “Аврора” пережила кризис: акционеры сочли, что задолженность компании слишком велика, и покупка гостиничной сети “Ле Меридьен” сорвалась. Благодаря уступке части активов и оздоровлению “Еврокара”, “Ленотра” и “Казино” Люсьена Баррьера в 1995 финансовом году ситуация полностью выправилась. В январе 1997 года Поль Дюбрюль и Жерар Пелиссон отошли от руководства компанией, передоверив его выпускнику Национальной школы администрации Жан-Люку Эспиталье, карьере которого экономические журналы оценили как “нетипичную”. Основатели фирмы остались членами наблюдательного совета. Компания благополучно пережила смену руководства и к концу 2000 года упрочила свой статус мирового лидера, значительно опередив “Мариотт” и “Хайят”, занимающие, соответственно, второе и тре-

ть места. Среди десяти крупнейших гостиничных сетей в мире числилось девять американских и одна французская — “Аврора”.

В половине десятого Жан-Ив припарковал свой автомобиль у центрального офиса компании в Эври. В ожидании встречи он немного прошелся, вдыхая морозный воздух. Ровно в десять его пригласили в кабинет Эрика Легана, исполнительного директора и члена совета директоров, сорокапятилетнего выпускника Высшей школы искусств и ремесел и Стэнфордского университета. Высокий, крепкого сложения, светловолосый, голубоглазый, он немного походил на Жан-Ива, только был старше его десятью годами и держался уверенней.

— Господин Эспиталье примет вас через пятнадцать минут, — начал он. — А пока я объясню вам, о чем, собственно, идет речь. Два месяца назад мы выкупили у группы “Джет тур” сеть гостиниц “Эльдорадор”. Она насчитывает всего десяток отелей-клубов, расположенных в странах Магриба, в Черной Африке и на Антильских островах.

— Она убыточна, насколько мне известно.

— Не более, чем отрасль в целом, — усмехнулся он. — Впрочем, вы правы, она одна из самых убыточных. Буду с вами откровенен, мы приобрели ее за умеренную цену, но не за бесценок. У нас имелись и конкуренты: многие надеются, что рынок еще возродится. В настоящее время не несет убытков только “Club Med”; скажу вам по секрету, мы подумывали объявить о готовности купить его акции. Но уж больно крупная добыча, наши акционеры не согласились бы. И потом, это можно было бы расценить как недружественный шаг по отношению к Филиппу Бургиньону, работавшему прежде у нас, — он расплылся в

деланной улыбке, словно бы призывая тем самым не воспринимать последнюю фразу всерьез. — Одним словом, — продолжил он, — мы предлагаем вам возглавить сеть клубов отдыха “Эльдорадор”. В случае вашего согласия вам предстоит в кратчайшие сроки восстановить баланс, а затем сделать предприятие прибыльным.

— Задача не из легких.

— Мы это понимаем; но думаем, что предлагаемая зарплата достаточно привлекательна. Не говоря о возможностях продвижения по службе внутри компании, они неограниченны. Мы работаем в ста сорока двух странах, у нас более ста тридцати тысяч сотрудников. Кроме того, большинство наших руководящих работников довольно быстро становятся акционерами: мы возлагаем большие надежды на такую систему поощрения. Для ознакомления с ней я подготовил специальную записку с примерами и цифрами.

— Мне необходимо получить более точную информацию о состоянии гостиниц.

— Разумеется, я сейчас же передам вам подробнейшее досье. Покупка “Эльдорадора” была не просто тактическим шагом, мы верим, что у этой структуры есть будущее: географически гостиницы расположены удачно, они в отличном состоянии, потребуются лишь незначительное переустройство. Так, по крайней мере, мне кажется; но у меня нет опыта работы с курортными комплексами. Мы, естественно, будем согласовывать наши действия, но окончательное решение по всем вопросам принимать вам. Если пожелаете избавиться от той или иной гостиницы, а другую, наоборот, приобрести, последнее слово останется за вами. Таков наш принцип работы в “Авроре”.

Он задумался, потом продолжил:

— Конечно же, мы выбрали вас не случайно. Ваша деятельность в “Нувель фронтьер” хорошо известна специалистам. В определенном смысле, вы создали школу. Не стремясь предлагать самую низкую цену или самые лучшие условия, вы всякий раз очень точно угадывали сумму, которую клиент готов заплатить за данный уровень комфорта; именно такой философии придерживаемся и мы. И что еще очень важно, вы участвовали в создании марки, имеющей свое индивидуальное лицо. В “Авроре” нам это не всегда удавалось.

На столе у Легана зазвонил телефон; он ответил коротко, затем поднялся и повел Жан-Ива по длинному коридору, выложенному бежевым кафелем. Жан-Люк Эспиталье занимал огромный кабинет, метров двадцать в длину, не меньше; в левой его части помещался стол мест на пятнадцать, за которым проводились совещания. Эспиталье с улыбкой поднялся им навстречу. Он был довольно молод — никак не больше сорока пяти, невысокого роста, с залысинами, и выглядел на удивление скромно, можно сказать, неприметно, словно желал показать, что к собственной значительности относится иронически. Вряд ли этой иронии стоит доверять, подумал Жан-Ив; выпускники Национальной школы администрации известны своей наигранно шутливой манерой держаться. Они устроились в креслах за низким столиком, стоявшим перед письменным столом. Прежде чем заговорить, Эспиталье долго смотрел на Жан-Ива с какой-то робкой улыбкой.

— Я очень уважаю Жака Майо, — произнес он наконец. — Он создал прекрасное предприятие, очень оригинальное, в высшей степени культурное. Такое

встречается не часто. Между тем я полагаю — хотя и не желаю, чтобы мои предсказания сбылись, — что французским туроператорам надо готовиться к исключительно тяжелому периоду. В ближайшее время — на мой взгляд, это вопрос нескольких месяцев — на рынок ринутся английские и немецкие фирмы. Они располагают средствами, в два-три раза превышающими французские, и предлагают туры на двадцать—тридцать процентов дешевле при аналогичном или даже лучшем качестве услуг. Конкуренция будет жесткой, жестокой. Говоря яснее, будут жертвы. Я не хочу сказать, что “Нувель фронтьер” окажутся в их числе, нет. Это компания с ярко выраженной индивидуальностью, ее акционеры составляют сплоченный коллектив, она скорее всего устоит. Однако ближайшие годы будут трудными для всех. — Он вздохнул, потом продолжил: — “Аврора” находится в несколько ином положении. Мы являемся бесспорным мировым лидером на рынке отелей бизнес-класса, мало подверженном изменениям. Мы почти не задействованы на рынке туризма, неустойчивом и чувствительном к экономическим и политическим колебаниям.

— Именно поэтому меня и удивило приобретение вами “Эльдорадора”, — вставил Жан-Ив. — Я полагал, что ваше приоритетное направление — это гостиницы для бизнесменов, особенно в Азии.

— Совершенно верно, — спокойно ответил Эспиталье. — К примеру, в одном только Китае существуют колоссальные возможности развития такого типа гостиниц. У нас накоплен огромный опыт, мы знаем, как за это взяться: вообразите себе сеть отелей “Ибис” или “Формула-1” в такой огромной стране. При всем при том... как бы вам объяснить? — Он задумался, по-

смотрел в потолок, повернул голову направо, потом снова перевел взгляд на Жан-Ива. — “Аврора” имеет свои маленькие тайны, — произнес он наконец. — Поль Дюбрьоль часто повторял, что единственный секрет успеха — вовремя появиться на рынке. Вовремя значит не слишком рано: истинные новаторы редко получают максимальные прибыли от своих изобретений, сравните “Apple” и “Microsoft”. Но и не слишком поздно. И тут наша скрытность сослужила нам хорошую службу. Если вы развиваетесь незаметно, без шумихи, то, когда ваши конкуренты просыпаются и решают занять свободную, как они рассчитывают, нишу, выясняется вдруг, что они опоздали: вы уже заблокировали все подходы и получили решающее конкурентное преимущество. Наша известность намного меньше нашей реальной значимости; и это, скажем так, было нашей сознательной политикой, — он снова вздохнул. — Однако время не стоит на месте. Сейчас уже каждый знает, что мы занимаем лидирующее положение в мире. Сейчас не нужно — и даже опасно — делать ставку на чрезмерную скрытность. Компания такого уровня, как “Аврора”, должна иметь лицо. Гостиницы для деловых людей — это верный бизнес, он гарантирует высокие и постоянные доходы. Но он, как бы это сказать, недостаточно увлекателен. О деловых перемещениях люди говорят редко и неохотно. У нас имелись две возможности создать привлекательный образ в глазах широкой публики: туроператорская деятельность и курортные отели. Работа туроператоров дальше от нашей основной специализации, хотя там есть весьма крепкие предприятия, готовые сменить владельцев, и мы чуть было не пошли по этому пути. А потом подвернулся удобный случай с “Эльдорадором”, и мы за него ухватились.

— Хотелось бы все-таки уточнить вашу цель. Вы заинтересованы в коммерческом успехе или в создании имиджа? — спросил Жан-Ив.

— И то и другое... — Эспиталье замаялся, заерзал на стуле. — Положение “Авроры” осложняется тем, что ее акционеры разобщены. Из-за этого в тысяча девятьсот девяносто четвертом году поползли слухи, что кто-то, дескать, предложил купить акции компании. Сейчас могу сказать с уверенностью, — в подтверждение своих слов он решительно хлопнул рукой по столу, — что они не имели под собой никаких оснований. Тем более неуместными они были бы теперь: у нас нет задолженностей, и ни одна компания в мире — я говорю не только о тех, кто занимается гостиничным бизнесом, — не отважится на подобную авантюру. Однако, в отличие от, скажем, “Нувель фронтьер”, наши акционеры никак не организованы. Поль Дюбрюль и Жерар Пелиссон были, по сути, предпринимателями старого типа, — великими предпринимателями, на мой взгляд, одними из величайших в нашем веке. Но они не стремились сохранять контроль над акционерами, что и осложняет сегодня наше положение. Мы с вами знаем, что в иных ситуациях нужны расходы ради престижа: они улучшают стратегические позиции компании, хотя и не приносят немедленной выгоды. Мы знаем также, что иной раз необходимо поддержать убыточный сектор, когда рынок еще не созрел или в случае временного кризиса. Новое поколение акционеров соглашается на это с большим трудом: теория быстрой окупаемости чудовищно испортила умы.

Жан-Ив хотел было что-то сказать, но Эспиталье остановил его жестом.

— Замечу, однако, — продолжал он, — что наши акционеры все-таки не идиоты. Они прекрасно пони-

мают, что такая сеть, как “Эльдорадор”, не может сделаться рентабельной за один год, возможно, и за два тоже. Но на третий год они начнут сопоставлять цифры, и выводы не заставят себя ждать. И вот тут — пусть у вас будут распрекраснейшие проекты, сулящие бездну возможностей, — я уже ничего не смогу поделать.

Наступило продолжительное молчание. Леган сидел неподвижно, опустив голову. Эспиталье задумчиво водил пальцем по подбородку.

— Все ясно, — произнес наконец Жан-Ив и еще через несколько секунд добавил спокойным деловым тоном: — Я дам вам ответ через три дня.

В следующие два месяца я видел Валери очень часто. Собственно говоря, мы виделись каждый день, за исключением одного уик-энда, когда она уезжала к родителям. Жан-Ив решил согласиться на предложение “Авроры”; Валери решила последовать за ним. Помнится, она прокомментировала это так:

— Мои налоги возрастут до 60 процентов.

В самом деле, хотя зарплата ее увеличивалась с сорока до семидесяти пяти тысяч франков в месяц, разница, с учетом налогов, оказывалась не такой уж значительной. Она знала, что с марта, когда она перейдет в “Аврору”, ей предстоит вкалывать изо всех сил. Пока же все шло хорошо: они объявили в “Нувель фронтьер” о своем уходе и теперь спокойно передавали дела. Я советовал Валери откладывать деньги, открыть специальный счет или не знаю что; хотя, по правде говоря, мы совсем не задумывались о таких вещах. Весна выдалась поздняя, но мы не огорчались. Когда потом я размышлял об этом счастливом периоде жизни с Валери — как ни странно, у меня осталось о нем очень мало воспоминаний, — я пришел к выводу, что человек не создан для счастья. Чтобы получить реальную практическую возможность счастья, человек должен был бы преобразить-

ся — трансформироваться физически. Чему уподобить Бога? Во-первых, разумеется, женскому нижнему “я”; а кроме того, например, пару в турецкой бане. Словом, чему-то такому, в чем мог бы реализоваться дух, потому что материя уже пресыщена наслаждением и все волнения преодолены. Я теперь совершенно убежден, что дух еще не родился, он ждет своего часа, и рождение его будет трудным; пока мы имеем о нем неполное и неверное представление. Когда я доводил Валери до оргазма, когда тело ее содрогалось в моих объятиях, меня порой охватывало мгновенное, но пронзительное ощущение, что я поднимаюсь на новый, совершенно иной уровень сознания, где не существует зла. В минуты, когда ее плоть прорывалась к наслаждению, время останавливалось, а я чувствовал себя богом, повелевающим бурями. И в этом заключалась моя первейшая радость — несомненная, совершенная.

Вторая радость, которую принесла мне Валери, состояла в ее удивительной доброте и мягкости характера. В иные дни, когда она задерживалась на работе — а со временем она стала задерживаться все дольше и дольше, — я чувствовал, что она издергана и утомлена до предела. Но она никогда не срывала напряжение на мне, ни разу не рассердилась, не закатила истерики, непредсказуемого нервного припадка из тех, что нередко делают общение с женщинами мучительным.

— Я не тщеславна, Мишель, — говорила она. — Мне хорошо с тобой, мне кажется, что ты — мужчина моей жизни, и на самом деле мне больше ничего не нужно. Но увы: я вынуждена добиваться большего. Я часть системы, мало что дающей мне лично и вообще бесполезной; но как выйти из нее, я не знаю.

Надо будет обдумать это на досуге, только не представляю, откуда у нас возьмется досуг.

Что до меня, то я работал все меньше; исполнял свои обязанности от и до. Заканчивал так, чтобы, купив еды на ужин, спокойно успеть домой к “Вопросам для чемпиона”; ночевал я теперь у Валери. Как ни удивительно, Мари-Жанну, похоже, не раздражало отсутствие у меня служебного рвения. Сама она любила нашу работу и всегда была готова взвалить на свои плечи дополнительную нагрузку. Мне кажется, больше всего она ждала от меня доброго отношения — а я и был все это время добр, мил, спокоен. Ей очень понравилось коралловое ожерелье, которое я привез ей из Таиланда, она надевала его каждый день. Готовя документацию к выставкам, она порой бросала на меня странные взгляды, смысл которых оставался мне неясен. Однажды — это было в феврале, в день моего рождения, — она сказала откровенно:

— Ты изменился, Мишель. Не знаю, в чем именно, но ты выглядишь счастливым.

Она была права; я был счастлив, я это помню. В жизни, понятно, всякое случается, нас подстерегает множество проблем, старость, смерть — все так. Однако, вспоминая эти несколько месяцев, могу засвидетельствовать: счастье существует.

А вот Жан-Ив, безусловно, счастлив не был. Помнится, мы ужинали как-то втроем в итальянском ресторане, точнее в венецианском, короче, в каком-то довольно шикарном месте. Он знал, что из ресторана мы с Валери пойдем домой и будем любить друг друга. Я не находил, что ему сказать, все и так было ясно, даже слишком. Ясно было, что жена его не любит,

что она, возможно, никого никогда не любила и, вероятно, никого никогда не полюбит. Не повезло ему, вот и все. Человеческие отношения не так сложны, как их расписывают: бывают ситуации неразрешимые, а вот чтоб действительно сложные — это редко. Ему, понятно, надо было разводиться; дело простое, но необходимое. Что я мог добавить? Мы исчерпали тему, еще не доев закуски.

Затем перешли к будущей работе в “Авроре”: у Жан-Ива и Валери уже родились кое-какие идеи относительно возрождения “Эльдорадора”, они знали, в каком направлении думать дальше. В своей среде оба считались компетентными специалистами; но они не имели права на ошибку. Провал на новой должности не означал бы конца их карьеры: Жан-Иву было тридцать пять лет, Валери — двадцать восемь; им бы позволили попробовать еще раз. Однако подобные промахи не забываются, им пришлось бы начинать заново с гораздо более низкого уровня. Все мы жили в обществе, где заинтересованность в работе обусловлена зарплатой, или, шире, — материальной выгодой; такие понятия, как престиж и почет, отошли на второй план. При этом развитая система перераспределения доходов через налоги позволяла здравствовать всяким паразитам и просто никчемным людям, к которым в некотором роде относился и я. Существовавшая у нас экономика смешанного типа медленно эволюционировала в сторону большего либерализма, постепенно преодолевая предубеждение против ссуды под процент и против денег вообще, еще живое в странах с давней католической традицией. Жан-Ив с Валери ничего от этого не выигрывали. Некоторые выпускники ВКШ, совсем еще молодые, иные так просто студенты, даже и не думали устраи-

ваться на работу, а сразу пускались в биржевые спекуляции. Подключались к Интернету, оснащали компьютеры новейшими программами наблюдения за рынком. Иногда объединялись в клубы и тогда получали возможность распоряжаться более значительными средствами. Так возле своих компьютеров и жили, работали посменно двадцать четыре часа в сутки, никогда не брали отпусков. У них у всех была одна простая цель — к тридцати годам стать миллионерами.

Жан-Ив и Валери принадлежали к поколению, которое еще не мыслило свою жизнь без хождения на службу; и я, их старший товарищ, в сущности, тоже. Мы все трое намертво увязли в социальной системе, как насекомые в куске янтаря; пути к отступлению нам были отрезаны.

Утром 1 марта Валери и Жан-Ив официально приступили к работе в компании "Аврора". На понедельник, 4 марта, было назначено собрание всех, кто имел отношение к проекту "Эльдорадор". Генеральная дирекция заказала достаточно известной конторе по изучению социологии поведения, именуемой "Профили", анализ перспектив развития клубов отдыха.

Входя в первый раз в зал заседаний на 23-м этаже, Жан-Ив немного волновался. В зале сидели человек двадцать, каждый из которых не один год проработал в "Авроре", и этим коллективом ему теперь предстояло руководить. Валери заняла место слева от него. Все воскресенье он провел за изучением личных дел: он знал имя, обязанности и послужной список каждого из присутствующих и все-таки побаивался встречи. Сероватый день вставал над депар-

таментом Эссон, относящимся к числу “проблемных”. В свое время Поль Дюбрюль и Жерар Пелиссон решили построить офис компании в Эври:¹ земля тут стоила недорого, и совсем рядом проходила автострада, ведущая на юг и в аэропорт Орли; в ту пору Эссон был тихим предместьем. Теперь же уровень преступности здесь считался самым высоким по стране. Каждую неделю совершались нападения на автобусы, автомобили жандармерии и пожарных; грабежам и хулиганским вылазкам даже не вели точного учета: по некоторым оценкам, реальная цифра в пять раз превышала число поданных жалоб. Здание компании круглосуточно охранялось вооруженной бригадой службы безопасности. Внутренняя инструкция рекомендовала служащим после определенного часа не пользоваться общественным транспортом. Сотрудники, работавшие допоздна и не имевшие личного автомобиля, вызывали такси — “Аврора” заключила соглашение с парком о льготном тарифе.

Когда в зале появился Линдсей Лагарриг, специалист по социологии поведения, Жан-Ив обрел уверенность в себе. Социологу было около тридцати, длинные волосы завязаны на затылке, на лбу залысины; одет в спортивные брюки “Адидас”, футболку “Прада”, поношенные кроссовки “Найк” — короче, ровно так, как и подобает знатоку человеческого поведения. Для начала он раздал собравшимся содержимое своего портфеля — тонюсенькие папки, в которых лежали графики со стрелочками и кружочками. Первая страница досье представляла собой ксерокопию заметки из “Нувель обсерватер”, точнее из приложе-

1 Эври — административный центр департамента Эссон.

ния, посвященного отпускам. Она называлась: “Отдыхать иначе”.

— В двухтысячном году, — Лагарриг принялся читать статью вслух, — массовый туризм уже исчерпал себя. У нас возникла потребность в путешествии индивидуальном и этически ориентированном.

Первый абзац представлялся чтецу весьма симптоматичным для понимания происходящих перемен. Он несколько минут распространялся на эту тему, после чего призвал аудиторию обратить внимание на следующие слова:

— В двухтысячном году перед нами стоит вопрос об уважительном отношении к другим. Мы, благополучные люди, усматриваем в путешествии не просто удовлетворение своих эгоистических желаний, но своеобразную форму выражения солидарности.

— Сколько этому парню заплатили за исследование? — шепотом спросила Валери у Жан-Ива.

— Сто пятьдесят тысяч франков.

— Не может быть. За то, что он зачитает нам ксерокопию дурацкой статейки?

Линдсей Лагарриг между тем, изложив один абзац своими словами, с идиотским пафосом цитировал следующий.

— В двухтысячном году, — декламировал он, — мы уподобляемся кочевникам. Мы ездим на поезде, плаваем на теплоходе по рекам и океанам: в эпоху скоростей открываем для себя сладость неспешности. Мы растворяемся в безбрежном молчании пустынь; а потом вдруг окунаемся в водоворот многомиллионных столиц. И с неизменной страстью...

— Этика, индивидуальное начало, солидарность, страсть — вот они, ключевые слова! — восклицал

он. — В новом контексте не следует удивляться, что система клубного отдыха, основанная на эгоистической замкнутости и стандартизации запросов, переживает трудный период. Время “Загорелых”¹ прошло: сегодня востребованы подлинность, новизна и дух единения. Популярная недавно модель развлекательного туризма, построенная на пресловутых “Четырех S”: Sea, Sand, Sun... and Sex², — отжила свое. Как блистательно доказали последние исследования, специалисты в области туризма должны уже сейчас готовиться к пересмотру своей будущей деятельности в свете новых перспектив.

“Поведенец” свое дело знал, он мог бы разглагольствовать в том же духе часами.

— Прошу прощения... — перебил его Жан-Ив не без раздражения в голосе.

— Да?.. — социолог обратил к нему чарующую улыбку.

— Я думаю, все без исключения собравшиеся за этим столом знают, что клубы отдыха испытывают сегодня трудности. Мы вовсе не просим вас до бесконечности нам эти трудности описывать, но мы бы хотели услышать от вас, хотя бы в самых общих чертах, о возможных путях решения проблемы.

У Линдсея Лагаррига челюсть отвисла; он никак не ожидал возражений.

— Я полагаю, — забормотал он, — что для решения проблемы ее надо сначала выявить и посмотреть, в чем причина.

-
- 1 “Загорелые” — комедийный фильм П. Леконта о французских туристах, путешествующих по программе “Club Med” (1978).
 - 2 Море, песок, солнце... и секс (англ.).

Еще одна пустая фраза, с досадой подумал Жан-Ив; не просто пустая, но в данном случае еще и лживая. Причины коренились в общих тенденциях социального развития, изменить которые никто не в силах. К ним надо приспособливаться. А вот как? Об этом “поведенец”, судя по всему, не имел ни малейшего представления.

— В общем, вы хотите сказать, что система клубного отдыха устарела, — продолжил Жан-Ив.

— Нет, совсем нет... — у социолога почва уходила из-под ног. — Я полагаю... я просто полагаю, что надо подумать.

— И за что только тебе, кретину, деньги платят? — тихо прошипел Жан-Ив, а потом продолжил вслух: — Что ж, мы постараемся подумать. Благодарю вас, господин Лагарриг, за ваше сообщение. Скорее всего, сегодня вы нам больше не понадобится. Предлагаю объявить перерыв на десять минут и выпить по чашке кофе.

Раздосадованный социолог собрал со стола диаграммы. Когда заседание возобновилось, Жан-Ив, приготовив свои записи, взял слово:

— Как вам известно, с тысяча девятьсот девяносто третьего по тысяча девятьсот девяносто седьмой год “Club Med” пережил самый серьезный кризис в своей истории. Многочисленные конкуренты и раздражители, копируя основные элементы концепции клуба, но существенно снижая цены, переманивали клиентов. Каким образом удалось выправить положение? В значительной степени за счет снижения цен. Но руководители “Club Med” не стали равняться на конкурентов, понимая, что обладают несомненными преимуществами: давность существования фир-

мы, репутация и прочее. Проведя целый ряд подробнейших опросов, они выяснили, что их клиенты готовы платить на двадцать—тридцать процентов больше за “марку” и возможность пользоваться, так сказать, первоисточником. Так вот, первый вопрос, над которым я бы предложил вам задуматься в ближайшее время: возможно ли на рынке клубного отдыха существование иной концепции, кроме той, что предложена “Club Med”? И если да, то можем ли мы сформулировать эту концепцию в общих чертах и определить, на каких клиентов она ориентирована? Вопрос непростой.

Как вы, наверное, знаете, я работал раньше в “Ну-вель фронтьер”. Мы там тоже создавали клубы отдыха, хотя это и не самое известное направление деятельности компании. Они назывались “Ле Паладьен”. Примерно в то же время, что и “Club Med”, мы тоже столкнулись с трудностями, но быстро с ними справились. Почему? Потому что мы крупнейший туроператор во Франции. Совершив путешествие по стране, туристы в большинстве случаев желали отдохнуть на море. Считается, что наши маршруты трудны и требуют хорошей физической подготовки, это верно. Завоевав в поте лица звание “великих путешественников”, клиенты рады почувствовать себя простыми курортниками. И мы решили включить отдых на море в значительную часть маршрутов, что позволило увеличить продолжительность туров, а день на море, как вам известно, значительно дешевле, чем день пути. Разумеется, мы отдавали предпочтение собственным гостиницам. Итак, вторая тема, которую я вам предлагаю обдумать: спасение клубов отдыха через сотрудничество с туроператорами. К этому вопросу надо подойти творчески и не ограничиваться только те-

ми из них, кто действует на французском рынке. Надо искать. Возможно, имеет смысл установить контакт с туристическими фирмами Северной Европы.

После заседания к Жан-Иву подошла миловидная блондинка лет тридцати. Ее звали Марилиз Ле-Франсуа, она занималась связями с общественностью и рекламой.

— Мне очень понравилось ваше выступление, — заметила она. — Вы сказали именно то, что нужно. Мне кажется, люди поняли, в чем их задача. Они увидели, что ими кто-то руководит. Теперь мы сможем по-настоящему взяться за работу.

Задача оказалась не из легких, и они в этом быстро убедились. Большинство английских и тем более немецких туроператоров уже имели свои сети клубов отдыха и нисколько не нуждались в сотрудничестве с какой-либо другой компанией. Все попытки кооперации провалились. С другой стороны, "Club Med" создал, как видно, оптимальную концепцию клубов отдыха; за все время его существования никто из конкурентов не сумел предложить что-нибудь реально новое.

Однако недели две спустя у Валери возникла идея. Часов около десяти вечера, перед тем как отправиться домой, она пила шоколад, бессильно повалившись в кресло, стоявшее посередине кабинета Жан-Ива. Оба выглядели измученными; весь день они корпели над балансами клубов.

— Послушай, мы, наверное, зря разделяем путешествие и отдых, — сказала она со вздохом.

— Я тебя не совсем понимаю...

— Вспомни "Нувель фронтьер"... Когда выдавался день на пляже в середине пути, туристы это очень ценили, даже если в конце маршрута их ожидало пребывание на море. На что больше всего жалуются в турпоездах? На то, что приходится без

конца менять гостиницы. В идеале хорошо бы постоянно чередовать экскурсии и отдых на море: день в поездке, день на пляже и так далее. И каждый вечер возвращаться к себе в гостиницу, в крайнем случае через вечер, если экскурсия двухдневная, но не паковать ежедневно чемоданы, не освобождать номер.

— В клубах отдыха всегда предлагаются экскурсии, и я не убежден, что они пользуются спросом.

— Да, но они предлагаются в дополнение к программе, а французы терпеть не могут дополнительных расходов. Кроме того, экскурсии надо заказывать на месте: отдыхающие раздумывают, медлят, выбрать не могут и в итоге никуда не едут. Они бы с удовольствием посмотрели новые места, но при условии, что за них все решат и подадут готовенькое. И главное, чтоб все было включено в стоимость.

Жан Ив задумался, потом сказал:

— А знаешь, неглупо... Ко всему прочему, это трудно наладить: думаю, уже летом можно будет, кроме обычного отдыха, предложить новую программу. Назвать ее: "Эльдорадор — Новые открытия" или что-нибудь в таком духе.

Прежде чем запустить проект, Жан-Ив посоветовался с шефом, но быстро понял, что тот не намерен высказываться ни за, ни против.

— Это ваше дело, — сухо ответил Леган.

Когда Валери рассказывала мне о своей работе, я понимал, как мало смыслю в деятельности руководящих кадров. Тандем, который составили они с Жан-Ивом, уже сам по себе был явлением исключительным.

— Нормальным считается, — объясняла мне Валери, — когда ассистентка метит на место своего начальника. И вот начинаются козни, подсиживания: иногда человеку даже выгодно загубить дело, чтобы свалить ответственность на другого.

У них в группе обстановка сложилась скорее здоровая, по крайней мере на их места никто не претендовал: большинство считало покупку “Эльдорадора” ошибкой.

Всю вторую половину месяца Валери много работала с Марилиз Ле-Франсуа. Каталоги на лето должны были во что бы то ни стало появиться к концу апреля, это крайний срок, даже поздновато. У бывших владельцев “Эльдорадора” реклама была поставлена из рук вон плохо.

— “Отдых с “Эльдорадором” подобен тем волшебным минутам, когда спадает африканская жара и вся деревня собирается вокруг священного дерева послушать рассказы мудрецов...” — прочитала Валери Жан-Иву. — Скажи честно, ты веришь хоть одному слову? И тут же фотографии культработников: прыгают в идиотских желтых костюмчиках. Черт-те что.

— А как тебе нравится лозунг: “Эльдорадор” — это жизни напор”?

— Не знаю, что тебе и сказать...

— Каталоги стандартной программы уже розданы, тут поздно что-либо менять. Что же касается “Новых открытий”, придется начинать с нуля.

— Можно сыграть на контрасте суровых условий и роскоши, — вмешалась Марилиз. — Мятный чай в пустыне, но на дорогих коврах.

— Ну да, волшебные минуты... — устало протянул Жан-Ив. Он тяжело поднялся со стула. — Обяза-

тельно вставьте куда-нибудь про “волшебные минуты”; как ни странно, это всегда работает. Ладно, я вас оставляю и возвращаюсь к своим фиксированным затратам...

Конечно же, самая неблагодарная часть работы ложилась на него. Валери это хорошо понимала. Сама она мало смыслила в гостиничном деле, хотя какие-то смутные воспоминания о занятиях в училище сохранила. “Эдуард Янг, владелец трехзвездной гостиницы с рестораном, поставил своей задачей наилучшее обслуживание клиентов; для удовлетворения их запросов он постоянно внедряет новшества. Он знает из опыта, что завтраку необходимо уделить особое внимание; хороший завтрак — основа сбалансированного питания, он чрезвычайно важен для создания имиджа гостиницы”. Такую контрольную она писала на первом курсе. Эдуард Янг решает провести опрос среди своей клиентуры, разделив ее на группы по числу проживающих в номере (холостяки, супружеские пары, семьи). В задаче требовалось, проанализировав анкету, вычислить “X 2”, иными словами, ответить на вопрос: “Влияет ли семейное положение на потребление свежих фруктов за завтраком?”

Порывшись в папках, Валери отыскала-таки учебное задание, подходящее к теперешней ситуации. “Вы отвечаете за маркетинг в международном управлении компании “Южная Америка”. Эта компания купила в Гваделупе четырехзвездную гостиницу “Антильские острова” на сто десять номеров, расположенную на побережье. Гостиница, построенная в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году и в тысяча девятьсот девяносто шестом отремонтированная, в настоящее время испытывает серьезные трудности.

Сорокаятипроцентная заполняемость не обеспечивает необходимого предела безубыточности". Валери получила тогда за работу восемнадцать баллов из двадцати и теперь усматривала в этом добрый знак. В училище подобные задачки казались ей надуманными и не больно-то правдоподобными. Могла ли она вообразить себя начальником отдела маркетинга компании "Южная Африка" или какой-либо другой? Она воспринимала эти задания как интеллектуальную игру, не слишком интересную, но и не слишком трудную. Сейчас все изменилось: на карту была поставлена их карьера.

Она возвращалась с работы такая усталая, что даже не в силах была заниматься любовью, только брала мою дудочку в рот и, посасывая, начинала засыпать. Отдавалась же по утрам. Ее оргазмы сделались менее бурными, более сдержанными, словно бы приглушенными усталостью; я любил ее все сильнее и сильнее.

К концу апреля каталоги напечатали и разослали в пять тысяч турагентств, то есть практически по всей Франции. Теперь предстояло заняться разработкой экскурсий, чтобы к 1 июля все было готово. В успехе всякого рода нововведений молва играла огромную роль: одна несостоявшаяся или плохо организованная экскурсия могла повлечь за собой потерю значительного числа клиентов. Они решили не тратить на большую рекламную кампанию. Любопытно, что Жан-Ив, специалист по маркетингу, мало верил в рекламу как таковую.

— Реклама полезна, когда нужно изменить имидж, — говорил он, — но нам сейчас не до того. Нам главное все хорошо спланировать и завоевать доверие.

Зато они вложили немалые деньги в информацию для турбюро; новую программу надо было предлагать быстро, естественно и неожиданно. Этим занялась Валери, благо работу турагентств знала не понаслышке. Из прослушанных некогда курсов она хорошо помнила всю цепочку аргументов, которой подобало владеть продавцу путевок (Отличительные особенности — Преимущества — Наглядные примеры — Надежность — Престиж — Новизна — Комфорт — Деньги — Улыбка); помнила она и то, что на деле все обстояло несравненно проще. Но продавали путевки чаще всего совсем юные девушки, только закончившие учебу; лучше было разговаривать с ними на том языке, к которому они привыкли. Общаясь с ними, Валери обнаружила, что в училищах все еще преподают классификацию Барма (*Покупатель-практик*: целиком сосредоточен на приобретаемом товаре, придает значение количеству, качеству и новизне. *Доверчивый покупатель*: слепо полагается на продавца, поскольку ничего не смыслит в товаре. *Покупатель-сообщник*: ему важнее всего взаимопонимание с продавцом; главное, установить с ним хороший личный контакт. *Покупатель-рвач*: это манипулятор, он стремится выйти непосредственно на поставщика, во всем ищет выгоду для себя. *Перспективный покупатель*: внимательно присматривается и к продавцу, и к товару; уважителен, знает, что ему нужно, легко идет на контакт). Валери была старше этих девушек лет на пять-шесть; не так давно она начинала в таком же турагентстве, а теперь достигла высот, о которых большинство из них и мечтать не сме-ли. Они взирали на нее с глуповатым благоговением.

Возвращаясь с работы, я открывал квартиру Валери своим ключом; дожидаясь ее, изучал вечерами

“Курс позитивной философии” Огюста Конта. Мне нравился этот нудный и насыщенный текст; одну и ту же страницу я нередко перечитывал три-четыре раза подряд. Недели за три я дошел до конца пятидесятого урока: “Предварительные замечания о социальной статике, или общая теория естественного устройства человеческих Обществ”. Нужна же мне была какая-нибудь теория, которая помогла бы мне понять мое собственное положение в обществе.

— Ты слишком много работаешь, Валери, — сказал я как-то майским вечером, когда она сидела в гостиной на диване, ссутулившись от усталости. — Надо хотя бы извлекать из этого пользу. Ты должна откладывать деньги, иначе они утекут у нас сквозь пальцы.

Она со мной согласилась. На другое утро она отпросилась на два часа, и мы вместе отправились открывать счет в банк “Креди агриколь” у Орлеанской заставы. Она написала доверенность на мое имя, а два дня спустя я приехал уже один беседовать с консультантом. Я решил откладывать ежемесячно из ее зарплаты двадцать тысяч франков, половину на страховку, половину на квартиру. Жил я теперь практически все время у нее, держать мою квартиру не имело никакого смысла.

Она сама об этом заговорила в начале июня. Мы тогда почти целый день занимались любовью, в перерывах лежали в постели обнявшись; потом она брала мой член в руку или в рот, потом я снова погружался в нее; мы оба еще ни разу не кончили, и я легко возбуждался от любого ее прикосновения, а ее влагище оставалось постоянно влажным. Ей было хорошо, я это видел; ее глаза излучали покой. Часов в девять

она предложила пойти поужинать в итальянский ресторан возле парка Монсури. Еще не совсем стемнело, стоял теплый вечер. После ужина мне надо было забежать домой, чтобы утром явиться на работу, как подобает, в костюме и галстуке. Официант подал нам два фирменных коктейля.

— Послушай, Мишель, — сказала она, когда он отошел, — может, тебе переехать ко мне? Какой смысл нам и дальше играть в независимость? Или давай снимем вместе новую квартиру, если тебе так больше нравится.

Пожалуй, да: так мне нравилось больше; так я сильнее ощущал, что начинаю все с нуля. У меня не было опыта совместной жизни, у нее, впрочем, тоже. Человек привыкает к одиночеству и к независимости; не факт, что это хорошая привычка. Если я хотел испытать, что такое супружество, то случай представился явно подходящий. Я, разумеется, знал недостатки данной формы существования; знал, что в супружеской паре желание притупляется быстрее. С другой стороны, оно все равно рано или поздно притупляется, таков закон жизни; а тут возможно возникновение союза иного рода — многие, по крайней мере, на это рассчитывают. В тот вечер, однако, желание, которое я испытывал к Валери, притупляться не собиралось. Перед тем как расстаться, я поцеловал ее в губы; она широко открыла рот и полностью отдалась поцелую. Я скользнул руками ей в трусы, обхватил ягодицы. Она отстранилась от меня, оглянулась по сторонам: улица была пустынна. Тогда она опустила колени на тротуар, расстегнула мне ширинку и сжала мой член губами. Я прислонился

спиной к ограде парка, чувствуя, что вот-вот кончу. Она выпустила пенис изо рта и стала ласкать его двумя пальцами, другой рукой поглаживая мои яйца. Я выплеснулся ей в лицо, она зажмурилась. Мне показалась, что она сейчас разрыдается; этого не случилось, и она слизала сперму, стекавшую у нее по щекам.

На другой же день я занялся объявлениями; жилье хотелось подыскать в южной части города, поближе к ее работе. За неделю я нашел то, что нужно: большую четырехкомнатную квартиру на тридцатом этаже Опаловой башни у заставы Шуази. Никогда прежде я не жил в квартире с таким видом на Париж; правда, никогда прежде к этому и не стремился. Когда настало время переезжать, я обнаружил, что не дорожку ни единой вещью в своей квартире. И нет чтобы обрадоваться, ощутить эдакое опьянение независимостью, нет, я даже слегка испугался. Получалось, я за сорок лет не сумел привязаться ни к одному предмету. И было-то у меня всего-навсего два костюма, которые я носил поочередно. Ну еще книги, само собой; но я мог запросто купить их снова, среди них не нашлось ни одной ценной или редкой. Я встречал на своем пути множество женщин; ни от одной у меня не сохранилось ни фотографии, ни письма. Не осталось у меня и своих собственных фотографий и никаких воспоминаний о том, как я выглядел в пятнадцать, двадцать или тридцать лет. Никаких особенных документов: все данные о моей личности легко умещались в картонную папку стандартного формата. Неправильно думать, будто каждый человек уникален и неповторим; я, например, не видел в себе никаких следов этой самой уникальности. Люди в боль-

шинстве случаев напрасно придают такое значение индивидуальным судьбам и характерам. Утверждение, что человеческая личность уникальна, не что иное, как возвышенный вздор. О своей жизни помнишь немногим более, чем о некогда прочитанном романе, пишет где-то Шопенгауэр. Так оно и есть: немногим более.

Во второй половине июня дел у Валери опять прибавилось; работа с далекими странами осложняется разницей во времени: теоретически можно оказаться занятым двадцать четыре часа в сутки. Дни становились все жарче, лето выдалось великолепное; только пользоваться им не получалось. После трудового дня я наведывался в ресторанчик “Братья Танг”, пробовал научиться азиатской кухне. Это оказалось сложнее, чем я думал; ингредиенты сочетались там в совершенно других пропорциях, особым способом резались овощи, в общем, я столкнулся с иным мировоззрением. В итоге решил обойтись кухней итальянской, как более доступной для меня. Никогда бы не подумал, что буду находить удовольствие в стряпне. Вот до чего доводит любовь.

В пятидесятом уроке социологии Огюст Конт опровергает “нелепое метафизическое заблуждение”, в силу которого семья представляется подобием общества. “Домашний союз, — пишет он, — основанный на привязанности и благодарности, предназначен для того, чтобы самим своим существованием непосредственно удовлетворять заложенной в человеке потребности в сочувствии, и не связан с идеей активного и долговременного сотрудничества для дости-

жения какой-либо иной цели. Когда же координация деятельности становится единственным обоснованием связи, союз вырождается в простую ассоциацию и в большинстве случаев в скором времени распадается". У себя в министерстве я по-прежнему работал по минимуму; мне все же пришлось организовать две-три значительные выставки, справился я с ними без труда. Кабинетная работа нехитрая, достаточно быть пунктуальным, быстро принимать решения и их придерживаться. Я давно понял: не так важно принять наилучшее решение; главное, как правило, принять хоть какое-нибудь решение, но быстро, по крайней мере на государственной службе. Я отвергал одни проекты, оставлял другие, руководствуясь весьма расплывчатыми критериями, но за десять лет ни разу не попросил дополнительной информации; и, в общем-то, не испытывал угрызений совести. В глубине души я не питал особого уважения к мастерам современного искусства. Большинство известных мне художников действовали совершенно так же, как предприниматели: они отыскивали свободные ниши и старались поскорей их захватить. Подобно предпринимателям, они получали образование в одних и тех же учебных заведениях и формировались по одному образцу. Но были все-таки и различия: в искусстве давали более высокие премии за новации, чем в других областях; кроме того, художники нередко объездили в *стаи* и этим отличались от предпринимателей — одиноких волков, окруженных врагами: акционерами, чуть что норовящими сбежать, вышестоящими чиновниками, готовыми кинуть их в любую минуту. Рассматривая проекты, которые ложились ко мне на стол, я редко чувствовал у их авторов подлинную потребность в самовыражении. В конце июня

состоялась выставка Бертрана Бредана, которого я с самого начала настойчиво проталкивал, к изумлению Мари-Жанны, привыкшей к пассивности и безразличию с моей стороны, тем более что ей самой творчество этого типа внушало глубочайшее омерзение. Художник не относился к числу молодых, ему было сорок три года, и вид он имел весьма потрепанный — напоминал поэта-пьянчугу в фильме “Жандарм из Сен-Тропеза”. Прославился он тем, что набивал женские трусики тухлым мясом и выпускал в выставочном зале мух, которых взращивал на собственных экскрементах. Впрочем, успеха он не добился: во-первых, не располагал нужными связями; во-вторых, зациклился на всякой мерзости, работал в подустаревшем уже ключе “трэш”. Я ощущал в нем какую-то подлинность; не исключаю, правда, что подлинным было его ничтожество. Он выглядел несколько неуравновешенным. Его последняя задумка была еще хуже предыдущих. Или лучше — это как посмотреть. Он снял фильм о том, что происходит с трупами людей, которые завещают свое тело науке, то есть, например, студентам для проведения учебных вскрытий. На демонстрации фильма, смешавшись с публикой, несколько студентов медицинского факультета неожиданно подсовывали вам отрезанную руку или вырванный глаз — словом, шутили так, как и подобает юным медикам. Я имел неосторожность пригласить на вернисаж Валери, да еще после трудного рабочего дня. К моему удивлению, народу в зале собралось много, в том числе весьма влиятельные особы: может, у Бертрана Бредана начинается полоса удач? Валери с трудом выдержала полчаса, после чего попросила меня уйти. Тут, как назло, перед нами возник студент, держащий на ладони отрезанный пенис с те-

стикулами и волосками на них. Ее чуть не стошнило, она отвернулась и повлекла меня к выходу. Мы завернули в кафе “Бобур”.

Полчаса спустя туда ввалился Бертран Бредан в сопровождении двух-трех знакомых мне девиц и еще каких-то людей, среди которых я узнал начальника спонсорского отдела банка. Они расположились за соседним столиком, и мне ничего не оставалось, как пойти поздороваться. Бредан мне искренне обрадовался — я и в самом деле ему серьезно помог. Разговор затянулся, Валери под села к нам. Не помню точно, кто предложил отправиться к “варварам” — в “Bar-Bar” — возможно, сам Бредан. Я согласился, совершив тем самым очередную глупость. Попытки большинства секс-клубов включить в свою программу еженедельные вечера садомазохизма провалились. В отличие от них, “Bar-Bar”, изначально предназначенный для садомазохизма и не предъявлявший, кроме особых случаев, жестких требований к одежде, со дня своего открытия пользовался популярностью. Я знал, что садомазохисты — публика весьма специфическая, утратившая всякий интерес к обычному сексу и, соответственно, обычным секс-клубам.

У самого входа ерзала в клетке, словно не находя себе места, женщина лет пятидесяти с румяным лицом, в наручниках и с кляпом во рту. Приглядевшись, я увидел, что ноги у нее прикреплены железными цепями к прутьям клетки; всей одежды на ней было только корсет из искусственной черной кожи, поверх которого свисала большая дряблая грудь. У этой рабыни имелся хозяин, намеревавшийся, по здешним обычаям, продать ее с молотка на один вечер. Похоже, ей тут не слишком нравилось; как я понял, она

вертелась туда-сюда, пытаюсь спрятать свои целлюлитные ягодички, — но напрасно, клетка-то открыта с четырех сторон. Возможно, она таким способом зарабатывала на жизнь: я слышал, что люди продают себя в рабство по тысяче, а то и по две за вечер. Я вообразил, что это какая-нибудь мелкая служащая, телефонисточка из собеса, сводившая таким образом концы с концами. Свободным оказался только один столик у входа в первый зал пыток. Как только мы сели, к нам приблизилась парочка: чернокожая повелительница с голым задом тащила на поводке совершенно лысого пузатого мужчину в тройке. Поравнявшись с нами, она остановилась и велела ему раздеться. Он повиновался и оголил довольно большие для мужчины жирные сиськи. Она достала из сумочки два металлических зажима и прицепила их к красным продолговатым сосцам. Мужик скривился от боли. Затем она дернула за поводок, он опустился на четвереньки и поковылял за ней; складки живота у него тряслись, в тусклом освещении тело казалось очень бледным. Я заказал виски, Валери — апельсиновый сок. Она упорно глядела в стол, стараясь не замечать всего, что творилось вокруг, в разговоре не участвовала. Маржори и Жеральдина, знакомые девушки из управления изобразительных искусств, наоборот, выглядели возбужденными.

— Сегодня все очень целомудренно, очень, — разочарованно проворчал Бредан. Он рассказал нам, что в иные вечера тут загоняют иголки в яички или в головку члена; а как-то раз одному типу повелительница клещами выдрала ноготь. Валери передернуло от отвращения.

— По-моему, это ужасная мерзость, — сказала она, не в силах больше сдерживаться.

— Почему *мерзость*? — удивилась Жеральдина. — Если участники соглашаются добровольно, то нет проблем. Договор как договор, не хуже любого другого.

— Не верю, что можно *добровольно согласиться* на унижения и страдания. А если и так, то все равно это недопустимо.

Валери заметно нервничала, и я подумывал, не перевести ли мне разговор на палестино-израильский конфликт, а потом вдруг понял, что мне глубоко наплевать на мнение этих девиц; если они перестанут мне звонить — мне же лучше: работы меньше.

— Вообще-то мне все они противны, — сказал я и добавил немного тише: — И вы тоже.

Последней фразы Жеральдина не услышала или сделала вид, что не слышит.

— Если совершеннолетний человек, — сказала она, — желает страдать и изучать мазохистскую составляющую своей сексуальности, я не понимаю, по какому праву кто-то может ему помешать. У нас все-таки демократия.

Она тоже нервничала, и я уже чувствовал, что сейчас она перейдет к *правам человека*. При слове *демократия* Бредан взглянул на нее с презрением; он обернулся к Валери.

— Вы правы, — сказал он мрачно, — это полнейшая мерзость. Когда я вижу человека, который соглашается, чтобы ему выдирали ногти, чтоб на него испражнялись, и потом еще жрет говно своего палача, я нахожу это мерзким. Но именно мерзость в человеке и интересует меня больше всего.

Прошло несколько секунд, после чего Валери спросила с болью в голосе:

— Почему?

— Не знаю, — отвечал Бредан бесхитростно. — Я не верю, что на человеке лежит проклятие, потому что вообще не верю ни в какие проклятия и ни в какие благодати. Но мне кажется, что, всматриваясь пристальней в страдания и жестокость, господство и рабство, мы приближаемся к самой сути — к природе сексуальности. Вы не согласны?

Он обращался ко мне. Да, я был не согласен. Жестокость свойственна человеку издавна, мы встречаем ее у примитивных народов: во времена первых племенных войн победители сохраняли жизнь некоторым пленникам, чтобы потом заставить их умирать в страшных муках. Эта тенденция сохранилась и дошла до наших дней: когда разражается война, хоть с внешним врагом, хоть гражданская, обычные моральные рамки рушатся, и — независимо от расы, национальности, культуры — неизменно появляются люди, находящие радость в изуверстве и истязаниях. Тому есть множество примеров, но только это не имеет ничего общего с истинным сексуальным наслаждением, столь же древним и столь же сильным. Короче, я был не согласен; но, как всегда, понимал, что спорить бесполезно.

— Пройдемся? — предложил Бредан, допив пиво.

Я пошел за ним в первый зал пыток, а все остальные за нами. Мы находились в подвале со сводчатым каменным потолком. Музыкальный фон слагался из очень низких органых аккордов, на которые накладывались вопли истязаемых. Музыка транслировалась через громадные усилители. Повсюду горели красные фонари, смотрели со стен маски, стояли орудия пыток в специальных подставках; на оборудование, должно быть, угрохали целое состояние. В углублении, похожем на альков, висел прикованный муж-

чина, истощенный и лысый, ноги его были зажаты деревянными колодками на высоте полуметра от пола, а кисти наручниками прикреплены к потолку. Его повелительница, облаченная в черный латекс, сапоги и перчатки, расхаживала вокруг него с хлыстом из тонких ремешков, инкрустированных драгоценными камнями. Сначала она долго хлестала его по ягодицам размашистыми ударами с оттяжкой; мужик этот, совершенно голый, повернутый к нам лицом, орал от боли. Вокруг собрались зрители.

— Она, я думаю, на втором уровне, — шепнул мне на ухо Бредан. — Первый — это когда останавливаются при появлении крови.

Член и мошонка у парня болтались в пустоте, длинные и будто свернутые набок. Повелительница обошла его кругом, порылась в сумочке у себя на поясе, извлекла оттуда несколько крючков и всадила их в мошонку; проступили капельки крови. Половые органы она хлестала аккуратней. Тут все было на пределе: зацепившись за крючок, ремешок разорвал бы кожу. Валери отвернулась, прижалась ко мне.

— Пошли, — умоляюще проговорила она, — пошли, я тебе после объясню.

Мы вернулись в бар; все остальные были настолько поглощены зрелищем, что не обратили на нас внимания.

— Эту бабу, которая его хлестала, я знаю, — сказала Валери вполголоса. — Я видела ее всего однажды, но не сомневаюсь, что это она... Это Одри, жена Жан-Ива.

Затем мы сразу ушли. В такси Валери неподвижно смотрела в одну точку. В лифте она продолжала молчать. И только закрыв за собой дверь квартиры, обернулась ко мне:

— Мишель... ты находишь, что я несовременна?

— Да нет же! Я и сам этого не переношу.

— Палачей я еще хоть как-то могу понять, они мне отвратительны, но я знаю, что существуют люди, которым нравится истязать других; с чем я не в состоянии смириться, так это с поведением жертв. Как человек может дойти до того, чтобы предпочитать страдания радости? Не знаю, таких надо перевоспитывать, что ли, любить их, учить наслаждаться.

Я пожал плечами, показывая тем самым, что это выше моего понимания — как в последнее время и все остальное в моей жизни. Человек совершает какие-то поступки, он согласен вынести то-то и то-то... Можно ли тут сделать какой-то общий вывод, уловить некий смысл? Я молча стал раздеваться. Валери села на кровать рядом со мной. Я чувствовал, что она напряжена и никак не придет в себя.

— Самое страшное, — продолжила она, — что при этом нет никакого физического контакта. Все в перчатках, все пользуются инструментами. Кожа не соприкасается с кожей, ни поцелуя, ни ласки. На мой взгляд, это противоречит самой природе секса.

Она была права, но приверженцы садомазохизма видят, должно быть, в своих действиях апофеоз секса, его высшее проявление. Каждый замурован в собственной скорлупе и наслаждается своей уникальностью; это тоже мировоззрение. Во всяком случае, подобные заведения все больше входили в моду. Я с легкостью допускал, что Маржори с Жеральдиной, например, их посещают, а вот представить себе, как они отдаются, ну и вообще занимаются сексом, не мог.

— Все проще, чем кажется, — произнес я наконец. — Сексуальное влечение у людей, которые лю-

бят друг друга, — это одно; сексуальность у тех, кто не любит, — это другое. Когда человек не может слиться с другим, ему остаются страдания и жестокость.

Валери прижалась ко мне и прошептала:

— Мы живем в странном мире...

Защищенная от окружающей реальности непомерной занятостью на работе, так что ей едва хватало времени заскочить в магазин, отдохнуть и начать новый день, она в некотором смысле осталась наивной.

— Мне не нравится мир, в котором мы живем, — добавила она.

Наши опросы показали, что потребители ждут от нас трех вещей: безопасности, новых эмоций и эстетического наслаждения.

Бернар Гильбо

Тридцатого июня из агентств поступили сводки о количестве забронированных мест. Они превзошли все ожидания. “Эльдорадор—Новые открытия” имел успех, он сразу стал распродаваться лучше, нежели традиционная программа, спрос на которую продолжал падать. Валери позволила себе взять недельный отпуск, и мы отправились к ее родителям в Сен-Ке-Портиё. Для жениха, которого везут показывать семье, я чувствовал себя староватым — как-никак я был старше ее на тринадцать лет и к тому же в такой роли выступал впервые. Отец Валери встречал нас на вокзале в Сен-Бриё. Он расцеловал дочь, долго ее обнимал, видно было, что соскучился.

— Ты похудела, — сказал он.

Потом обернулся ко мне, протянул руку, не глядя в глаза. Наверное, он тоже чувствовал себя неловко: я работаю в Министерстве культуры, а он — простой

крестьянин. Мать оказалась намного разговорчивей, она долго расспрашивала меня обо всем: как я живу, работаю, отдыхаю. Словом, ничего особенно трудного, тем более что Валери сидела со мной рядом и время от времени отвечала за меня; мы с ней переглядывались. Я пытался вообразить, как бы я вел себя за семейным столом, если б у меня были дети, но не мог; я вообще не мог представить себе будущего.

Вечером нам подали настоящий праздничный ужин: омар, седло ягненка, несколько сортов сыра, торт с клубникой и кофе. Мне, понятно, хотелось видеть в этом знак того, что меня признали, хотя трапеза, совершенно ясно, готовилась заранее. Разговор поддерживала главным образом Валери, рассказывала о своей новой работе, о которой я знал почти все. Я тем временем разглядывал занавески, побрякушки, семейные фотографии в рамках. Я попал в семью и испытывал от этого волнение, смешанное с тревогой.

Валери пожелала непременно спать в своей детской комнате.

— Лучше вам устроиться в комнате для гостей, — возражала ее мать. — В детской вдвоем будет тесно.

Кровать и в самом деле оказалась узковатой, зато я чуть не прослезился, когда, оттянув трусики Валери и поглаживая ее между ног, думал о том, что она спала здесь в тринадцать—четырнадцать лет. Сколько времени потеряно даром, говорил я себе. Я опустил-ся на колени возле кровати, повернул Валери к себе, снял с нее трусики. Ее влагище сомкнулось вокруг моего пениса. Я играл с ней, углублялся немного, потом подавался на несколько сантиметров назад, сжимая ладонями ее грудь. Она кончила со сдвленным криком и рассмеялась.

— Родители еще не спят, — прошептала она.

Я вошел в нее снова, сильнее, чтобы кончить самому. Она наблюдала за мной с блестящими глазами и зажала мне рот рукой в ту самую минуту, когда я разрешался с глухим урчанием.

Потом я сидел и рассматривал комнату. На полке над “Розовой библиотекой” лежали несколько аккуратно переплетенных тетрадей.

— Это я писала лет в десять—двенадцать. Романы из серии “Пять юных сыщиков и верный пес”¹.

— Как это?

— Неизданные похождения “юных сыщиков”, я сочиняла их сама, а персонажей позаимствовала.

Я взял тетрадки: там были “Пять юных сыщиков в космосе”, “Пять юных сыщиков в Канаде”. Я представил себе замкнутую девочку, фантазерку — такой я ее уже не увижу никогда.

Следующие несколько дней мы бездельничали, ходили на пляж. Валери часами лежала на солнце; понемногу силы ее восстанавливались; она никогда не работала столько, сколько в последние три месяца. Как-то вечером я заговорил с ней об этом. Мы сидели в “Океаническом баре”, заказали два коктейля.

— Теперь, когда новая программа уже запущена, ты станешь посвободнее.

— Сначала — да, — она невесело улыбнулась, — но скоро надо будет придумывать что-то новое.

— Зачем? Почему не остановиться?

— Таковы правила игры. Жан-Ив объяснил бы тебе принцип капитализма: либо ты идешь вперед, либо тебе конец. Разумеется, добившись решающего

1 Серия приключенческих романов для детей английской писательницы Энид Блайтон.

преимущества над конкурентами, можно отдыхать и несколько лет; но нам до этого далеко. Сама схема “Эльдорадор — Новые открытия” недурна, мы сделали тонкий, я бы сказала, хитроумный ход, но в этой схеме нет ничего реально новаторского — просто хорошо сбалансированная смесь двух ранее существовавших концепций. Конкуренты увидят, что дело пошло, и быстро заполнят нишу. Это ведь несложно сделать; у нас трудность заключалась в том, чтобы раскрутить проект в очень короткий срок. Не сомневаюсь, что “Нувель фронтьер”, например, уже следующим летом смогут составить нам конкуренцию. Если мы хотим сохранить преимущество за собой, надо придумывать что-то новенькое.

— И так без конца?

— Думаю, да. Я существую в системе, знаю свое дело, мне прилично платят. Я приняла условия игры.

Должно быть, я выглядел удрученным; она обняла меня за плечи:

— Пойдем ужинать... Родители нас ждут.

Мы вернулись в Париж в воскресенье вечером. В понедельник утром у Валери и Жан-Ива была назначена встреча с Эриком Леганом. От имени компании он высказал удовлетворение результатами их деятельности. Совет директоров единогласно постановил премировать их акциями — небывалый случай для сотрудников, проработавших на фирме меньше года.

Вечером мы ужинали втроем в марокканском ресторане на улице Дез Эколь. Жан-Ив был плохо выбрит, лицо казалось отекившим, он как-то странно покачивал головой.

— По-моему, он начал пить, — сказала мне Валери еще в такси. — Он отвратительно провел отпуск с

семьей на острове Ре. Поехал на две недели, но сбежал в конце первой. Говорит, что не может больше выносить друзей своей жены.

В самом деле, с ним творилось что-то неладное: он не притронулся к мясу, зато без конца подливал себе вина.

— Сработало, — усмехнулся он сардонически. — Скоро будем грести деньги лопатой! — Он тряхнул головой, опорожнил стакан, потом смущенно поправился: — Простите... Я что-то не то болтаю.

Руки его дрожали, он положил их на стол, выждал, дрожь немного унялась. Потом посмотрел Валери прямо в глаза.

— Ты знаешь, что случилось с Марилиз?

— Марилиз Ле-Франсуа? Нет, я ее не видела. Она больна?

— Не больна, хуже. Она провела три дня в больнице, где ее пичкали транквилизаторами, но она не больна. На нее напали и изнасиловали в поезде, когда она возвращалась с работы в прошлую среду.

Через неделю Марилиз вышла на работу. Сразу чувствовалось, что она пережила тяжелейший стресс; в ней появилась какая-то заторможенность, движения сделались механическими. Она спокойно рассказывала о том, что с ней случилось, слишком спокойно и потому неестественно, говорила ровным голосом, лицо оставалось бесстрастным и неподвижным; она словно бы машинально повторяла свои показания следователю. Кончив работу в 22 часа 15 минут, она не стала ждать такси, а села на поезд в 22 часа 21 минуту, решив, что так доберется быстрее. Народу в вагоне ехало мало. К ней подошли четверо парней и стали говорить оскорбительные вещи. Похожи были на выходцев с Антильских островов. Она попробова-

ла им отвечать, отшучиваться; они ударили ее по лицу так, что она едва не потеряла сознание. Потом двое бросились на нее, повалили на пол. Они насиловали ее грубо, безжалостно, всеми возможными способами. Когда она пыталась кричать, снова били по лицу. Это продолжалось долго — поезд проехал несколько станций; люди выходили, пересаживались от греха подальше в другие вагоны. Парни измывались над ней по очереди, смеялись, оскорбляли, называли шлюхой и блядью. Под конец в вагоне не осталось никого, кроме них. Тогда они начали плевать ей в лицо, потом дружно на нее помочились, ногами затолкали ее под скамейку и преспокойно вышли на Лионском вокзале. Две минуты спустя поезд стал заполняться новыми пассажирами, они вызвали полицию, та явилась немедленно. Комиссар большого удивления не выразил, сказал даже, что она легко отделалась. Такие отморозки, изнасиловав девушку, зачастую ее и приканчивают, загоняют, например, палку с гвоздями во влагалище или в задний проход. Эта линия железной дороги считается неблагополучной.

Руководство “Авроры” выпустило очередную инструкцию, напоминающую сотрудникам о необходимости соблюдать меры предосторожности и в случае задержки на работе вызывать такси — расходы компания полностью брала на себя. Охрану помещений и автостоянок усилили.

В тот день Валери оставила свою машину в автосервисе, и вечером Жан-Ив вызвался ее подвезти. Перед тем как уйти, он посмотрел в окно кабинета на беспорядочно разбросанные дома, торговые центры, транспортные развязки, башни. Далеко на горизонте догорал городской закат, окрашенный в неестественные сиреневато-зеленые тона.

— Такое впечатление, — сказал он, — будто мы заперты в этом здании, как сытые лошади в загоне, а вокруг джунгли, где рыщут хищники. Я был однажды в Сан-Паулу, там процесс зашел еще дальше. Это уже не город, а огромная урбанизированная территория: бидонвили, гигантские здания офисов, шикарные особняки, охраняемые вооруженными до зубов жандармами. Значительная часть жителей — а их двадцать с лишним миллионов — рождаются, живут и умирают, не покидая пределов этой территории. По улицам опасно передвигаться даже в автомобиле: могут напасть, когда ты остановишься на красный свет, или за тобой может погнаться вдруг банда на мотоциклах с пулеметами и гранатометами. Люди состоятельные перемещаются почти исключительно на вертолетах; посадочные площадки оборудованы на крышах банков и жилых домов. А все, что ниже, улица — во власти бедноты и гангстеров.

Когда они выехали на Южную автостраду, он тихо прибавил:

— Я вот все думаю, и меня все чаще одолевают сомнения: а тот ли мы строим мир?

Несколько дней спустя они снова возвращались вместе. Остановив машину перед нашим домом на авеню Шуази, Жан-Ив закурил, помолчал немного, потом повернулся к Валери:

— Мне очень неприятно, но эта история с Марилиз... Врачи сказали, что она может работать, — и правда, в определенном смысле она нормальна, припадков у нее нет. Но она совершенно безынициативна, будто парализована. Когда нужно принять решение, идет советоваться со мной; если меня нет на месте, может ждать часами и за это время пальцем не

пошевельнет. Она же наше лицо, на ней связи с общественностью! Нет, так дело не пойдет.

— Но ты же ее не уволишь?

Жан-Ив затушил сигарету и долго смотрел через стекло на бульвар; руки крепко сжимали руль. В последнее время он выглядел все более напряженным и потерянным; Валери заметила пятна у него на костюме.

— Не знаю, — выдавил он наконец. — Я никогда не сталкивался с такой ситуацией. Уволить — нет, это было бы подло; но придется подыскать ей другое место, где не нужно принимать ответственных решений, постоянно общаться с людьми. И потом, после этого случая у нее появились некоторые расовые предрас судки. Конечно, ее можно понять, но в туристическом бизнесе это недопустимо. В рекламе, в каталогах, во всякой информационной продукции коренные жители всегда предстают людьми гостеприимными, приветливыми, открытыми. Иначе невозможно: это наша профессиональная обязанность.

На другой же день Жан-Ив поговорил с Леганом, тот эмоциям поддаваться не привык, и неделю спустя Марилиз перевели в бухгалтерию на место ушедшей на пенсию сотрудницы. Оставалось найти ответственного за рекламную кампанию “Эльдорадора”. Жан-Ив и Валери проводили собеседование вместе. Они рассмотрели человек десять и за обедом стали обсуждать кандидатуры.

— Пожалуй, мне приглянулся Нуреддин, — сказала Валери. — Яркая личность, участвовал уже во многих проектах.

— Да, он лучше всех; но мне кажется, он даже слишком талантлив для такой должности. Турагентст-

во — неподходящее для него место; ему бы что-нибудь попрестижнее и связанное с искусством. У нас ему будет скучно, он долго не просидит. Нам нужен человек с меньшими запросами. Кроме того, он из семьи арабских иммигрантов, тут тоже могут возникнуть проблемы. Публику приходится завлекать всякими штампами: восточное гостеприимство, чай с мятой, джигитовка, кочевники... Я замечал, что у таких, как он, это не очень получается. Французы арабского происхождения вообще часто презирают арабские страны.

— Расовая дискриминация при приеме на работу... — усмехнулась Валери.

Жан-Ив разволновался; после возвращения из отпуска он все время нервничал и потерял всякое чувство юмора.

— Глупости! Все так делают! — воскликнул он запальчиво. За соседним столиком обернулись. — Происхождение человека — составная часть личности, этого нельзя не учитывать. Для переговоров на местах я бы, например, не задумываясь взял иммигранта из Туниса или Марокко, пусть даже живущего во Франции гораздо меньше, чем Нуреддин. Такие люди принадлежат двум мирам одновременно, и в этом их сила. Собеседнику с ними всегда очень трудно. На родине их уважают, думают: раз они преуспели во Франции, значит, хитрее их не бывает. Как посредники они незаменимы. Но на рекламу я бы пригласил Бригит.

— Датчанку?

— Да. Рисовальщица она тоже способная. Настроена антирасистски — говорят, живет с ямайцем. Наивно-глуповата, в восторге от всего мало-мальски экзотического. Детей пока заводить не собирается. Короче, по-моему, то, что надо.

Возможно, еще одну причину он не назвал — Валери поняла это несколько дней спустя, заметив, как Бригит кладет руку Жан-Иву на плечо.

— Ты права, — согласился он, когда они вместе стояли у кофейного автомата, — в моем личном деле теперь может появиться запись: сексуальные домогательства... Не волнуйся, это далеко не зайдет, у нее же есть парень.

Валери окинула его взглядом: ему бы волосы подстричь, он совсем перестал за собой следить.

— Я тебя ни в чем не упрекаю, — сказала она.

Интеллектуально он нисколько не сдал, в обстановке и в людях по-прежнему разбирался безошибочно, интуиция в финансовых делах его не подводила; однако выглядел он глубоко несчастным и подавленным.

Подошло время обрабатывать и анализировать анкеты, заполненные курортниками; многие отдыхающие приехали в городки “Эльдорадора” повторно, но в основном те, кто выиграл путевки в лотерею. Причины, по которым старая схема “Эльдорадора” все меньше пользовалась спросом, на первый взгляд трудно поддавались определению. Отдыхающих вроде бы все устраивало: и условия проживания, и место, и питание, и развлечения, и занятия спортом, однако ехать второй раз они почему-то не хотели.

В еженедельнике “Туризм” Валери случайно попало на глаза исследование новых запросов потребителя. Автор опирался на модель Холбрука и Хиршмана: в основе ее лежат эмоции, которые потребитель испытывает по отношению к товару или услуге; выводы не содержали ничего принципиально нового. Сегодняшние потребители представляли в статье менее

предсказуемыми, более эклектичными, расположенными к филантропии, их поведение — более игровым. Они потребляют не “для вида” — они так живут; они менее суетны. Они умеренны в пище, следят за здоровьем; с недоверием относятся к чужакам, с опаской смотрят в будущее. Они полагают, что вправе менять свои пристрастия из любопытства и склонности к эклектизму; отдают предпочтение надежному, долговременному, подлинному. Им безразличны этические проблемы: солидарность с другими народами и прочее. Все это она читала уже сотни раз, социологи и психологи пережевывали жвачку, одни и те же мысли кочевали из статьи в статью, из журнала в журнал. Все это они с Жан-Ивом, собственно, уже учили. Гостиницы “Эльдорадора” были построены из природных материалов в стиле традиционной местной архитектуры. Рестораны предлагали сбалансированное меню с обилием сырых овощей и фруктов в духе “критской диеты”. Отдыхающие могли заниматься йогой, аутогенной тренировкой, китайской гимнастикой тай-цзи-цзюань. “Аврора” подписала хартию этического туризма и регулярно производит отчисления во Всемирный фонд дикой природы. Но, несмотря ни на что, “Эльдорадор” увядал.

— Думаю, люди попросту врут, — заявил Жан-Ив, еще раз перечитав сводный отчет по анкетированию. — Пишут, что довольны, ставят галочку в графе “хорошо”, а в действительности чертовски скучали во время отпуска, только им стыдно в этом признаться. В конце концов, я возьму и продам все курорты, которые нельзя приспособить к программе “Открытия”, и поставлю на активный отдых: сафари, монгольские туры, мешуи в пустыне, прогулки на бутре, подводное плавание, рафтинг — все что угодно...

— Неоригинально.

— Да... — понуро согласился он.

— Надо бы провести неделю на одном из курортов — инкогнито, ничего особенного не делать, просто почувствовать обстановку.

— Можно... — протянул Жан-Ив; он выпрямился в кресле, взял пачку распечаток. — Давай посмотрим, где самые плохие результаты. — Он быстро листал страницы. — Джерба и Монастир — полная катастрофа. Но с Тунисом, я думаю, мы в любом случае расстанемся. Тут все схвачено, конкуренты готовы снижать цены до баснословно низких. С нашей клиентурой нам здесь не выжить.

— У тебя есть покупатели?

— Как ни странно, да — Неккерман. Они рассчитывают на клиентов из Восточной Европы: Чехословакия, Венгрия, Польша... Публика небогатая, но Коста-Брава уже переполнена. Они интересуются также нашим Агадиром и цену предлагают разумную. Я склонен его отдать, там никакого просвета, хоть это и юг Марокко. Мне кажется, курортники всегда будут предпочитать Марракеш.

— В Марракеше, между прочим, результаты плачевные.

— Знаю. Удивительно, что даже в Шарм-Эль-Шейхе не клеится. А там уж столько привлекательного: потрясающие коралловые рифы, экскурсии на Синай...

— Да, но это Египет.

— И что с того?

— Думаю, все помнят взрыв в Луксоре в тысяча девятьсот девяносто седьмом году. Все-таки пятьдесят восемь человек погибло. Чтоб Шарм-Эль-Шейх продавался, надо убрать слово "Египет".

— И чем заменить?

— Не знаю. Писать, например, “Красное море”.

— ОК, пусть будет “Красное море”. — Жан-Ив записал и снова принялся просматривать сводку. — В Африке все в порядке... По Кубе итоги скверные — вот что непонятно. Кубинская музыка в моде, латиноамериканский дух тоже, в Санто-Доминго, например, все заполнено, — он посмотрел описание гостиницы на Кубе. — Отель в Гуардалаваке новый, соответствует спросу. Программа не слишком спортивная и не слишком семейная. “На Кубе вы проведете волшебные ночи в безудержном ритме сальсы...” А результаты снизились на пятнадцать процентов. Я думаю, стоит съездить либо на Кубу, либо в Египет.

— Поехали куда хочешь... — устало ответила Валери. — Тебе в любом случае полезно отдохнуть без жены.

Наступил август; дни стояли знойные, душные, погода то и дело менялась: чуть ли не ежедневно налетали грозы, приносили прохладу. Потом снова прояснялось, и столбик термометра опять полз вверх вместе с уровнем загрязнения воздуха. По правде говоря, погода меня мало интересовала. После знакомства с Валери я перестал посещать пип-шоу; ничто другое в городской жизни не доставляло мне радости уже много лет. Париж никогда не был для меня “праздником”; с чего бы он стал им теперь? Лет десять—пятнадцать назад, когда я только устроился на работу в Министерство культуры, я шатался вечерами по кабачкам и барам — куда от них денешься; в памяти сохранилось лишь ощущение постоянной неловкости. Я не мог ни с кем завязать разговор, мне совершенно нечего было сказать, танцевать я тоже не умел. Тогда-

то я и начал потихоньку спиваться. Никогда ни при каких обстоятельствах я не жалел о том, что пью; крепкие напитки всегда поддерживали меня. После десятка порций джин-тоника мне даже случалось — откровенно говоря, нечасто, всего четыре или пять раз, — собравшись с духом, уговорить какую-нибудь бабу лечь со мной в постель. Кончалось это, как правило, крахом, эрекции не было, и я почти сразу засыпал. Потом я узнал, что существует виагра; избыток алкоголя нейтрализовал действие препарата, но, увеличив дозу, можно было кое-чего добиться. Впрочем, игра не стоила свеч. Все девицы, которых я встречал до Валери, в подметки не годились тайским проституткам; если я что и ощущал, то только в ранней юности с девчонками шестнадцати—семнадцати лет. Женщины из культурной среды, с которыми я общался, — это вообще беда. Их интересовал не секс, а процесс обольщения, и делали они это вычурно, грубо, неестественно и совсем незротично. В постели они просто ни на что не были способны. Или извольте распалать их фантазию, разыгрывать пошлые спектакли — от одной мысли о них воротит. Поговорить о сексе они любили, это да; собственно, только о нем и говорили, но непосредственное чувство у них напрочь отсутствовало. Мужчины, Впрочем, мало чем от них отличались; у французов принято говорить о сексе по каждому поводу и не заниматься им; все это мне всерьез опротивело.

В жизни может случиться разное, но чаще всего не случается ничего. На этот раз в моей жизни действительно произошло событие: я повстречал женщину, с которой был счастлив. Август выдался на удивление спокойный. Эспиталье, Леган и прочие боссы “Авро-

ры" ушли в отпуск. Валери и Жан-Ив договорились отложить принятие важных решений до возвращения с Кубы, куда собирались отправиться в начале сентября; образовалась передышка, период затишья. Жан-Ив выглядел лучше.

— Наконец-то он стал ходить к девкам, — сообщила мне Валери. — Давно бы так. Пьет меньше, успокоился немного.

— По моим воспоминаниям, здешние проститутки — не бог весть что.

— Эти немного не такие, они знакомятся через Интернет. Молодые, нередко студентки. Клиентов берут мало, выбирают и занимаются этим не только ради денег. Короче, он говорит, что совсем неплохо. Если хочешь, можем как-нибудь попробовать. Возьмем бисексуалочку на двоих; я знаю, мужики от этого балдеют; я, в общем, тоже девочек люблю.

Мы тогда не попробовали; но такое предложение в ее устах звучало умопомрачительно. Мне повезло. Она знала, как сделать, чтобы у мужчины всегда сохранялось желание; понятно, полностью его сохранить невозможно, скажу иначе: она знала, как поддерживать его на уровне, достаточном для того, чтобы время от времени заниматься любовью, пока не придет всему конец. Тут, собственно, и знать-то особенно нечего, это очень просто, проще простого; но она любила это делать и сама получала удовольствие, она радовалась, когда видела желание в моих глазах. Иногда в ресторане, возвратившись из туалета, она выкладывала на стол свои трусики, а после засовывала руку мне между ног и наслаждалась моим возбуждением. Или расстегивала мне ширинку и ублажала меня под прикрытием скатерти. Или утром будила меня фелляцией, протягивала мне чашку кофе и тот-

час снова ловила губами мой член, а я ощущал головокружительный прилив благодарности и нежности. Она умела остановиться, не доведя меня до извержения, могла часами удерживать меня на грани. Вся моя жизнь превратилась в игру, игру возбуждающую и приятную, единственную, какая доступна взрослым; я погрузился в мир сладких желаний и бесконечного наслаждения.

В конце августа мне позвонил агент по недвижимости из Шербура и сообщил, что нашел покупателя на отцовский дом. Тот просил немного сбавить цену, но зато платил наличными. Я согласился не раздумывая. Итак, мне предстояло получить миллион с чем-то франков. Я работал тогда над проектом передвижной выставки; авторский замысел состоял в следующем: на огороженной площадке, устланной мозаичными плитами, раскладываются игральные карты, а потом туда выпускаются лягушки; на плитах, между прочим, выгравированы имена великих людей: Дюрер, Эйнштейн, Микеланджело. Затраты сводились в основном к покупке карточных колод — их надо было обновлять довольно часто; время от времени следовало заменять и лягушек. Для вернисажа в Париже художник желал приобрести карты таро; для выставок в провинции соглашался на обычные. Я решил в начале сентября на недельку съездить на Кубу вместе с Жан-Ивом и Валери; хотел за свои деньги, но Валери сказала, что устроит все за счет компании.

— Я вам не буду мешать работать, — обещал я.

— Мы ничего особенно и не собираемся делать, будем жить как простые туристы. Работа совсем не

сложная, но очень важная: попробуем разобраться, что там за атмосфера, что не ладится, чего не хватает отдыхающим для полного счастья. Ты не помешаешь, наоборот, будешь нам только полезен.

В пятницу 5 сентября после обеда мы вылетели в Сантьяго-де-Куба. Жан-Ив, разумеется, взял с собой портативный компьютер, но все равно выглядел посвежевшим и в своем светло-голубом поло вполне походил на человека, отправляющегося на курорт. Когда самолет взлетел, Валери положила руку мне на колено, закрыла глаза и расслабилась.

— Не сомневаюсь, мы что-нибудь придумаем, — сказала она еще перед отъездом.

Дорога от аэропорта до места заняла два с половиной часа.

— Вот уже недостаток, — отметила Валери. — Надо узнать, нет ли рейса до Ольгина.

В автобусе перед нами сидели две дамочки лет шестидесяти с серо-голубым перманентом, они щебетали без умолку и то и дело указывали друг другу на разные диковинки за окном: там крестьяне резали сахарный тростник, тут гриф парил над лугом, во-лы брели в стойло... Дамочки, похоже, нацелились интересоваться всем без исключения; с виду такие сухонькие, крепенькие; мне подумалось, что клиентками они будут привередливыми. И действительно, когда стали распределять номера, щебетушка А потребовала, чтоб ей вынь да положь предоставили смежную комнату с щебетушкой В. Такого рода услуги не предусматривались программой, юная администраторша не понимала, чего от нее хотят, пришлось вызывать директора курортного городка. Им оказался мужчина лет тридцати, с упрямым бараньим ли-

цом и глубокими морщинами на узком лбу; он поразительно напоминал Наги¹.

— Сделаем, голубушка, сделаем, — отвечал он, разобравшись, в чем конфликт. — Сегодня уже невозможно, а завтра освободятся номера, и мы вас переселим.

Носильщик проводил нас к нашему бунгало с видом на пляж, включил кондиционер и, получив доллар на чай, удалился.

— Ну вот, — сказала Валери, усаживаясь на постель. — Ресторан, шведский стол, “все включено”, в том числе снэк-бар и коктейли. С двадцати трех часов открыта дискотека. За дополнительную плату можно получить массаж и освещение кортов ночью.

Задача всех туристических организаций заключается в том, чтобы за обозначенную цену на обозначенный срок сделать людей счастливыми. Задача эта может оказаться простой, а может и вовсе невыполнимой — в зависимости от характера людей, предлагаемых услуг и прочих факторов. Валери сняла брюки и блузку. Я лег на соседнюю кровать. В нашем распоряжении есть постоянный, легко доступный источник наслаждения — половые органы. Бог, как на грех сотворивший нас недолговечными, никчемными, злыми, предусмотрел хоть такую слабую компенсацию. Если бы мы не имели иногда немного радости от секса, что бы представляла собой наша жизнь? Бесплезную борьбу с окостенением суставов и кариесом. Вот уж скука смертная: ткани отвердевают от коллагена, в деснах образуются полости с микробами... Валери раздвинула ляжки над моим лицом. На ней были тонюсенькие сиреневые кружевные трусики.

1 Наги — известный французский телеведущий.

Я оттянул их, посплюнявил пальцы и стал поглаживать ей промежность. Она тем временем расстегнула мне брюки и обхватила мой пенис рукой. Потом принялась нежно и неторопливо массировать яйца. Я подложил под голову подушку, чтобы доставать языком до вульвы. В эту самую минуту я увидел горничную, сметавшую песок с террасы. Окно у нас было широко распахнуто, шторы открыты. Горничная поймала мой взгляд и хихикнула. Валери приподнялась и поманила ее рукой. Та замерла в нерешительности, опершись на метлу. Валери встала, шагнула к ней, протянула ей руки. Войдя в комнату, девушка сразу принялась расстегивать халат: под ним не оказалось ничего, кроме белых трусиков; я бы дал ей лет двадцать: кожа очень темная, почти черная, маленькая крепкая грудь, круглые ягодицы. Валери задернула занавески; я встал. Девушку звали Маргарита. Валери взяла ее руку и положила на мой член. Та снова засмеялась и начала массировать его. Валери мигом скинула бюстгальтер и трусы и легла на постель, лаская себя рукой. Маргарита помялась, затем тоже сняла трусы, опустилась на колени между ног Валери, осмотрела ее розочку, потрогала пальцем, приблизила губы и стала лизать. Валери держала одну руку у нее на голове, направляя ее движения, а другой массирила мой конец. Почувствовав, что приближаюсь к финишу, я отстранился и стал поспешно искать презерватив в туалетной сумочке. От возбуждения я никак не мог его найти, а потом надеть; у меня в глазах все помутилось. Голова негритяночки скользила туда-сюда по лобку Валери, а зад равномерно покачивался. Я вошел в нее разом, она раскрылась мне, как спелый плод, тихонько застонала и приподняла таз. И понеслось; голова моя кружилась, все тело сотря-

салось от наслаждения. Вечерело, и комната постепенно погружалась в сумерки. Хрипы Валери становились все сильнее, они доносились до меня словно издалека, из другого мира. Крепко сжимая Маргаритины бедра, я проникал в нее все глубже, глубже, уже не сдерживаясь вовсе, и кончил в ответ на крик Валери. На секунду или две мне показалось, что я сделался невесомым и парю в воздухе. Потом ощущение тяжести вернулось, и вместе с ним безмерная усталость. Я в изнеможении повалился на постель к ним в объятия.

Чуть позже я различил в темноте, как Маргарита одевалась, а Валери рылась в сумочке — искала, чем заплатить. В дверях они поцеловались; на улице уже стояла ночь.

— Я дала ей сорок долларов... — сказала Валери, вытягиваясь со мною рядом. — Столько обычно платят белые. Для нее это месячная зарплата.

Она зажгла ночник. Китайскими тенями отображались на занавесках проходившие мимо окон люди; слышались обрывки разговоров. Я положил руку ей на плечо.

— Потрясающе, — проговорил я с восхищением и изумлением. — Даже не верится, что такое бывает.

— Да, чувственная девушка. Мне тоже было хорошо.

— Интересная вещь — цена сексуальных услуг, — произнес я в раздумье, — такое впечатление, что она мало зависит от уровня жизни. Понятно, что в каждой стране все по-своему, но исходная цена везде примерно одинакова: та, которую европейцы и американцы готовы заплатить.

— Может, это и есть рынок?

— Не знаю... — я замотал головой. — Я никогда ничего не понимал в экономике, для меня это темный лес.

Я чудовищно проголодался, а ресторан открывался только в восемь; пока массовики тешили отдыхающих “игрой на аперитив”, я осушил три “пинаколады”. Ощущение наслаждения рассеивалось очень медленно, я все еще витал где-то далеко, откуда организаторы досуга виделись мне похожими на Наги. Нет, по правде говоря, некоторые были и помоложе, но все какие-то чудные: лысый череп, бородки, косички. Они вопили чудовищно и время от времени отлавливали кого-нибудь из публики и вытаскивали на сцену. Хорошо, я находился на таком расстоянии, где мне это не грозило.

Бармен оказался хамом, проку от него не было никакого: всякий раз, когда я к нему обращался, он презрительно от меня отмахивался и отсылал к официантам; шрамы и тугой круглый животик делали его похожим на престарелого тореро. Под облегающими желтыми плавками топорщились гениталии; у него были хорошие физические данные, и он всячески это демонстрировал. С невероятным трудом раздобыв четвертый коктейль, я возвращался на свое место и тут увидел, что бармен приблизился к соседнему столику, где разместилась сплоченная группа пятидесятилетних туристов из Квебека. Я обратил на них внимание, еще когда вошел: крепенькие такие квебечки, в теле и при зубах; разговаривали в полный голос; немудрено, что они переживали своих мужей. Чувствовалось, что не стоит и пытаться пролезть перед ними без очереди в буфет или во время завтрака увести у них из-под носа мисочку хлопьев. Когда старый фат подошел к ним,

они устремили на него влюбленные взоры и на короткое время снова превратились в женщин. А уж он-то красовался-хорохорился, причем руки его, подчеркивая непристойность одеяния, постоянно оказывались на уровне чресел, словно бы он старался сам убедиться, что под плавками у него все на месте. Его красноречивая фигура будоражила воображение, дамочек это приводило в восторг: их потрепанные тела еще тянулись к жизни. Он замечательно исполнял свою роль, что-то нашептывал старушкам, называя их на кубинский лад "mi cogazon" или "mi amor"¹. Естественно, этим все и ограничится; тореро удовлетворится тем, что в последний раз сумел пробудить у старушек желание; и в итоге у них, возможно, останется впечатление о прекрасно проведенном отпуске, они порекомендуют городок своим подружкам, и бармену будет занятие еще лет на двадцать. У меня в голове сложился сценарий порнофильма под названием "Распоясавшиеся старцы". Две банды орудуют на морских курортах: одна состоит из седовласых итальянцев, другая — из престарелых квебечек. Вооруженные цепями и ледорубами, они истязают загорелых обнаженных юношей. В конце концов обе банды, понятно, встречаются на паруснике, принадлежащем "Club Med"; жаждущие крови бабульки с легкостью расправляются с членами экипажа, поочередно изнасиловав их и выкинув за борт. Завершается фильм грандиозной старческой вакханалией на судне, несущемся без руля и без ветрил прямо к Южному полюсу.

Потом наконец пришла Валери: она накрасилась, надела короткое белое просвечивающее платье, и

1 Мое сердце, моя любовь (исп.).

мне снова ее захотелось. В буфете мы встретили Жан-Ива, непринужденного, расслабленного, даже томного; он поделился с нами первыми впечатлениями. Номер неплох, организация досуга несколько назойлива; он сидел вблизи усилителей и выдержал с трудом.

— Еда так себе, — добавил он, с тоской глядя на кусок вареной курицы на тарелке. Отдыхающие, однако, возвращались за добавкой, и по несколько раз; особенной прожорливостью отличалась публика пожилого возраста, можно подумать, все послеобеденное время они занимались водным спортом или играли в мяч на пляже.

— Они, конечно, едят ... — уныло прокомментировал Жан-Ив. — А что им остается делать?

После ужина снова разыгрывалось представление с участием публики. В караоке выступила дамочка лет пятидесяти, исполнила "Bang-Bang" Шейлы. Смело с ее стороны, она заслужила аплодисменты. Но в основном участвовали в шоу сами организаторы. Жан-Ив чуть не засыпал; Валери спокойно потягивала коктейль. Я огляделся: за соседними столиками люди, похоже, сучали, но из вежливости аплодировали после каждого номера. Понять причины охлаждения отдыхающих к клубам отдыха, на мой взгляд, было нетрудно. Публика состояла по большей части из людей в возрасте, и счастье, по крайней мере в той форме, в какой его силлились навязать аниматоры, было им уже недоступно. Взять Валери, Жан-Ива, даже меня, в конце концов, — на всех нас лежал груз профессиональных обязанностей в "настоящей жизни"; мы занимались серьезными вещами на довольно ответственных должностях, нас обременяли заботы, не го-

воря уже о налогах, проблемах со здоровьем и прочем. Все это относилось и к большинству сидящих за столиками: тут собрались чиновники, педагоги, врачи, инженеры, бухгалтеры, а также пенсионеры, принадлежавшие в прошлом к одной из перечисленных категорий. Неужели массовики-затейники и в самом деле рассчитывали, что мы с энтузиазмом бросимся на *вечер знакомств* или на *конкурс песни*? Странно предполагать, что в наши годы при нашем образе жизни мы сохраним *чувство праздника*. Все эти развлечения годились разве только детям *до четырнадцати*.

Я хотел поделиться своими соображениями с Валери, но тут аниматор снова взял слово, микрофон он держал слишком близко ко рту и оттого производил чудовищный шум. Он исполнял импровизацию на манер Лагафа, а может, Лорана Баффи, короче, ходил в ластах, а за ним шлепала девица, одетая пингином и смеявшаяся каждому его слову. Представление завершилось танцами; в первых рядах поднялись несколько человек и вяло подергались. Сидевший рядом со мной Жан-Ив подавил зевок.

— Заглянем на дискотеку? — предложил он.

В зале было человек пятьдесят, но танцевали, кажется, только сами организаторы. Диджей чередовал техно и сальсу, на последнюю в конце концов соблазнились несколько пар среднего возраста. Массовик в ластах толкался среди танцующих, хлопал в ладоши и вопил:

— Caliente! Caliente!"¹ — на мой взгляд, он больше мешал, чем воодушевлял.

1 Здесь: Живее! Живее! (*исп.*)

Я присел у стойки бара и заказал пинаколаду. Еще через два коктейля Валери, толкнув меня локтем, указала на Жан-Ива.

— По-моему, мы можем его оставить... — шепнула она мне на ухо. Жан-Ив разговаривал с красоткой лет тридцати, скорее всего итальянкой. Они сидели рядом, плечом к плечу, и лица их почти соприкасались.

Стояла душная влажная ночь. Валери взяла меня под руку. Гам дискотеки растворился у нас за спиной; слышалось только жужжание раций: это охрана патрулировала территорию. Миновав бассейн, мы свернули в сторону океана и вышли на пустынный пляж. В нескольких метрах от нас волны тихо лизали песок; ниоткуда не доносилось ни звука. Вернувшись в бунгало, я разделся и лег ждать Валери. Она почистила зубы, разделась и легла рядом. Я прижался к ее обнаженному телу. Одну руку положил ей на грудь, другую — на низ живота. Это было так приятно.

Проснувшись, я увидел, что лежу в кровати один, голова слегка побаливала. Я поднялся, пошатываясь, закурил; после нескольких затяжек почувствовал себя лучше. Натянув брюки, я вышел на террасу, под ногами хрустел песок — видно, его нанесло за ночь ветром. День еще только занимался; дымка завлакивала небо. Я прошел несколько метров в сторону моря и увидел Валери. Она ныряла в волну, делала несколько гребков, вставала на ноги, ныряла снова.

Я остановился, затаился еще раз; дул прохладный ветерок, и я не решался войти в воду. Валери обернулась, заметила меня и, замахав рукой, крикнула:

— Иди сюда, не бойся!

В эту минуту из-за облаков проглянуло солнце и осветило ее всю. Грудь и бедра ослепительно засверкали, в волосах на голове и на лобке заискрилась пена. Я застыл на месте, отчетливо понимая, что эту картину не забуду никогда; вместе с некоторыми другими она проплывет перед глазами в последние, предсмертные мгновения, если такое и в самом деле бывает.

Окурочек обжег мне пальцы; я бросил его на песок, разделся и пошел к морю. Вода оказалась прохладной и очень соленой, что весьма полезно для здоровья. На поверхности воды блестела полоска солнца,

уходившая прямо к горизонту; я вдохнул поглубже и нырнул в нее.

Потом мы сидели, закутавшись в полотенца, и смотрели, как над океаном разгорается день. Облака постепенно рассеивались, и солнце шире разливалось по земле. По утрам иногда все кажется таким простым. Валери откинула полотенце, подставила тело солнцу.

— Не хочется одеваться, — сказала она.

— А ты оденься чуть-чуть, — посоветовал я. Над морем парила птица, внимательно вглядываясь в воду.

— Я люблю плавать, люблю заниматься любовью, — сказала Валери. — Но не люблю танцевать, не умею развлекаться; я всегда терпеть не могла вечеринки. Разве это нормально?

Я задумался, потом ответил:

— Не знаю... Но сам я устроен точно так же.

Народу к завтраку вышло немного, но Жан-Ив уже сидел за чашкой кофе с сигаретой в руке: лицо небритое, глаза невыспавшиеся; он помахал нам рукой. Мы сели напротив него.

— Ну как итальянка? — спросила Валери, принимаясь за яичницу.

— Да никак. Стала мне рассказывать, что занимается маркетингом, что поссорилась со своим парнем и поэтому поехала отдыхать одна. Мне надоело, и я ушел спать.

— Ты бы с горничными попробовал...

Он хмыкнул и затушил окурок.

— Что у нас сегодня? — спросил я. — Я в том смысле, что планировались “новые открытия”.

— Да, да... — Жан-Ив скорчил скучающую физиономию. — Откровенно говоря, с открытиями слабо-

вато. Мы мало что успели наладить. Я впервые имею дело с социалистической страной, а у них, похоже, трудно что-либо сделать экспромтом. Короче, сегодня после обеда какая-то завлекаловка с дельфинами... — Он взял себя в руки и пояснил: — Насколько я понял, будет представление с дельфинами, а потом можно будет с ними поплавать; наверное, сесть на них верхом или что-нибудь в этом роде.

— Знаю я этот номер, — вмешалась Валери. — Ничего хорошего. Все думают, дельфины такие ласковые, приветливые. Ерунда: они организованы в группы, внутри групп — строгая иерархия, во главе — самец; они довольно агрессивны: между ними случаются смертельные схватки. Я один раз пробовала плавать с дельфинами — так меня самка укусила.

— Ну хорошо, хорошо... — Жан-Ив примирительно развел руками. — Словом, сегодня после обеда для желающих — дельфины. Завтра и послезавтра — двухдневная экскурсия в Баракоа; должно быть неплохо, я надеюсь. А потом... — он задумался, — потом всё. Нет, еще в последний день, перед отлетом, обед с лангустами и посещение кладбища в Сантьяго.

В ответ мы промолчали.

— Н-да... — пробормотал Жан-Ив расстроено. — Похоже, с Кубой мы немного напортачили. И вообще, — продолжал он после паузы, — у меня впечатление, что в этом городке что-то не клеится. Скажем, вчера на дискотеке я не видел, чтобы люди активно знакомились, даже молодые. Ессо¹, — заключил он и махнул рукой.

— Социолог был прав... — задумчиво произнесла Валери.

1 Вот (ит.).

— Какой социолог?

— Лагарриг, “поведенец”. Он правильно сказал, что времена “Загорелых” остались далеко позади.

Жан-Ив допил кофе, сокрушенно покачал головой, даже скривился:

— Вот уж не думал, что буду тосковать по временам “Загорелых”.

По дороге на пляж нас обступили продавцы всяких паршивеньких ручных поделок; впрочем, ничего страшного, не так уж их было много, и вели они себя не слишком навязчиво; чтоб отделаться от них, достаточно улыбнуться и с сожалением развести руками. Днем кубинцам разрешалось приходить на пляж для курортников.

— Им и продать-то особенно нечего, но они стараются изо всех сил, — объяснила мне Валери.

В этой стране, похоже, никто не мог жить на зарплату. Станки и машины не работали: не хватало бензина, запчастей. У туриста складывалось впечатление эдакой патриархальной утопии: крестьяне пахали на волах, ездили на телегах... Только это была не утопия и не экологический заповедник, а реальный быт страны, отставшей от индустриального века. Куба пока еще экспортировала кое-какие сельскохозяйственные продукты: кофе, какао, сахарный тростник; но промышленное производство практически сошло на нет. Невозможно было купить самые элементарные вещи: мыло, бумагу, шариковые ручки. Хорошо снабжались только магазины импортных товаров, где все продавалось на доллары. Кубинцы выживали только за счет приработков, то есть за счет туризма. В привилегированном положении находились те, кто работал непосредственно в

туриндустрии; все прочие тем или иным способом старались раздобыть валюту: приторговывали, оказывали разные услуги.

Я лежал на песке и размышлял. Смуглые мужчины и женщины, шнырявшие между стайками туристов, видели в нас исключительно ходячие кошельки, и ничего больше; правда, то же самое происходило во всех странах третьего мира. Особенность Кубы заключалась именно в катастрофической неспособности наладить производство. В производстве я не смыслил ровным счетом ничего. Я был целиком и полностью приспособлен к веку информации, то есть не приспособлен ни к чему. Валери и Жан-Ив, как и я, умели оперировать информацией и капиталами; они делали это с умом и были востребованы, тогда как я работал рутинным бюрократическим способом. Но никто из нас троих и никто из знакомых мне людей не смог бы, скажем, в случае блокады со стороны других государств наладить изготовление чего бы то ни было. Мы не имели ни малейшего понятия о том, как плавить и обрабатывать металлы или штамповать пластмассовые изделия. Не говоря уже о более современных вещах: оптических волокнах или микропроцессорах. Нас окружали предметы, о которых мы не знали ничего: как они делаются, какие для этого необходимы условия. Размышления мои повергли меня в панику, я испуганно огляделся: передо мной лежали полотенце, солнцезащитные очки, крем для загара, книга Милана Кундеры карманного формата. Бумага, хлопок, стекло: какие сложные машины, какая мудреная технология требуется для их изготовления! Или возьмем купальник Валери: он состоит на 80 процентов из латекса, на 20 процентов — из полиуретана, производство которых для меня — китай-

ская грамота. Я просунул пальцы под бюстгальтер Валери, под сплетением синтетических волокон нащупал живую плоть. Поглаживая упругую грудь, я почувствовал, как затвердевает сосок. Вот этот процесс мне доступен, это я умею. Солнце начинало припекать. Погрузившись в воду, Валери сняла трусики, обвила ноги вокруг моей талии и легла на спину. Ее вульва раскрылась. Я вошел в нее мягко и заскользил туда-сюда в ритме волн. Это получалось само собой. Я остановился, чуть-чуть не доведя дело до кульминации. Мы вышли обсохнуть на солнце.

Мимо нас прошла пара: высокий негр и девушка с белой-пребелой кожей, нервным лицом, очень коротко стриженная; она разговаривала, обернувшись к негру, и громко смеялась. Судя по всему, она была американка, скажем, журналистка из "Нью-Йорк таймс" или что-нибудь в этом роде. Вообще, если присмотреться, на пляже загорало немало смешанных пар. Чуть в стороне от нас двое одутловатых блондинов с гнусавыми голосами смеялись и шутили с двумя великолепными меднокожими девицами.

— Приводить их в гостиницу запрещено, — сказала Валери, проследив за моим взглядом. — Но можно снять комнату в ближайшей деревне.

— Я думал, американцам не разрешается приезжать на Кубу.

— В принципе не разрешается; но они едут через Канаду или Мексику. Вообще-то они злятся, что потеряли Кубу. Их можно понять, — протянула она задумчиво. — Если кому и нужен сексуальный туризм, так это им. Сейчас американские фирмы заблокированы, они не могут ничего сюда инвестировать. В конце концов тут восстановится капитализм, это вопрос нескольких лет. Но пока что европейцы

получили свободу действий. Вот почему “Аврора” и не хочет расставаться со здешними гостиницами, даже если они убыточны: именно сейчас можно обойти конкурентов. Куба для нас — уникальная возможность в районе Антильских островов и Карибского моря.

Она помолчала, потом добавила весело:

— Да... вот так мы изъясняемся в профессиональной среде... в мире глобализации.

Микроавтобус отправлялся в Баракоа в восемь часов утра; экскурсантов — человек пятнадцать. Они уже успели перезнакомиться и без усталости восхищались дельфинами. Восторг пенсионеров (они составляли большинство), двух логопедов, отдыхающих вместе, и парочки студентов воплощался, понятно, различными лексическими средствами, но мысль сводилась к одному и тому же: бесподобно.

Потом стали обсуждать и сам клуб. Я взглянул на Жан-Ива: он сидел один в середине салона, положив рядом с собой на сиденье блокнот и ручку. Наклонив голову и чуть прикрыв глаза, он сосредоточенно прислушивался. Именно здесь он рассчитывал собрать большой урожай впечатлений и полезных замечаний.

Отдых все, пожалуй, тоже оценивали единодушно. Организаторов сочли симпатичными, а сами развлечения неинтересными. Комнаты нравились, кроме тех, что помещались близко к звукоусилителям — из-за шума. Еду находили сносной.

Никто из присутствующих не занимался утренней гимнастикой, аэробикой, обучением сальсе или испанскому. В конечном счете больше всего нравился все-таки пляж; к тому же там было тихо. "Развлече-

ния и музыка вызывают отрицательные эмоции”, — записал Жан-Ив в своем блокноте.

Бунгало одобряли все в один голос, тем более что они располагались вдали от дискотеки.

— В следующий раз потребуем бунгало! — заявил крепенький пенсионер, мужчина в расцвете лет с начальственными замашками; как выяснилось, в прошлом он занимался реализацией вин бордо.

Студенты с ним согласились. “Дискотека не нужна”, — пометил Жан-Ив, с сожалением думая о том, сколько денег выброшено зря.

После поворота на Кайо-Саэтиа дорога стала заметно портиться. Пошли выбоины да трещины, иногда чуть ли не во всю ширину шоссе. Шофер беспрестанно вилял, нас трясло и болтало вправо и влево. Отдыхающие вскрикивали и смеялись.

— Хорошая компания подобралась, — шепнула мне Валери. — “Открытия” тем и удобны, что, в какие отвратительные условия туристов ни помести, они воспринимают это как приключение. В данном случае допущена ошибка: для такой дороги нужны джипы.

Не доезжая Моа, шофер резко крутанул руль вправо, чтобы объехать огромную яму. Автобус занесло, он сел в рытвину. Шофер напрасно жал на газ: колеса пробуксовывали в бурой грязи, и мы не двигались с места. Он пробовал стронуться несколько раз, но безрезультатно.

— Так-так, — хмыкнул виноторговец, скрестив руки на груди, — придется вылезать и толкать.

Мы вышли из автобуса. Перед нами расстилалась огромная равнина, покрытая растрескавшейся бурой грязью, — неприятное зрелище. В больших лужах

гнила черная вода и торчали по краям сухие белесые стебли. Вдали высился гигантский завод из темного кирпича; две трубы изрыгали густой дым. От завода через пустырь непонятно куда тянулся, петляя, громадный ржавый трубопровод. Стоявший на обочине металлический щит, с которого Че Гевара призывал трудящихся к революционному развитию производительных сил, тоже начинал ржаветь. Воздух был пропитан каким-то тошнотворным запахом, шедшим не то от луж, не то от самой глины.

Рытвина оказалась неглубокой, совместными усилиями мы легко сдвинули микроавтобус с места. Рассаживаясь, все поздравляли друг друга с победой. Обедали в ресторане, где подавали дары моря. Жан-Ив озабоченно просматривал свою записную книжку; к еде так и не притронулся.

— Что касается "Открытий", — заключил он после долгого размышления, — по-моему, неплохо для начала, а вот с клубным отдыхом ума не приложу, что делать.

Валери наблюдала за ним, безмятежно потягивая кофе глясе, словно бы ее это совершенно не касалось.

— Можно, разумеется, выгнать всю команду культработников, — продолжил он, — сэкономим на зарплате.

— Уже хорошо.

— Не слишком ли радикальная мера? — заволновался он.

— Не волнуйся. Все равно массовик в курортном комплексе не профессия для молодых. Они тут тупеют и привыкают к безделью, перспектив к тому же никаких. Самое большее, чего можно добиться, — это стать директором городка или ведущим на телевидении.

— Так... Сокращаю зарплату культработников. Заметь, им платят немного. Боюсь, такой меры недостаточно, чтобы конкурировать с немецкими курортами. Смоделирую сегодня на компьютере, но как-то не верится.

В ответ она кивнула с полным безразличием, дескать, “моделируй, хуже не станет”. Ее равнодушие удивило даже меня. Правда, мы много занимались любовью, а это, как известно, успокаивает: все прочее кажется менее значимым. Зато Жан-Иву не терпелось дорваться до своей программы, я даже подумал, что он попросит шофера достать компьютер из багажника.

— Не волнуйся, что-нибудь придумаем, — сказала Валери, похлопывая его по плечу. Это его немного охладило, и он занял свое место в автобусе.

Всю последнюю часть пути пассажиры говорили в основном о Баракоа — конечной цели поездки; похоже, они уже знали о городе все. 28 октября 1492 года здесь бросил якорь Христофор Колумб, его поразило, что бухта имеет форму правильного круга. “Один из самых прекрасных видов, какие только можно себе представить”, — записал он в судовом журнале. В этой местности жили тогда индейцы племени таино. В 1511 году Диего Веласкес основал город Баракоа — первый испанский город в Америке. В течение четырех веков город оставался в полной изоляции: подобраться к нему можно было только с моря. В 1963 году сооружение виадука Фарола позволило проложить дорогу на Гуантанамо.

Мы приехали в четвертом часу; город растянулся вдоль бухты, которая и в самом деле имела идеально круглую форму. Наша группа выразила удовлетворение дружными возгласами восторга. В сущности, лю-

бители экскурсий жаждут прежде всего увидеть воочию *подтверждение* того, что вычитали в путеводителях. О таких клиентах можно только мечтать, и Бараккоа, отмеченный в “Мишлене” всего одной скромной звездочкой, их не разочаровал. Гостиница “Эль Кастильо” помещалась в старинной испанской крепости высоко над городом. Сверху открывался потрясающий вид; впрочем, не лучше, чем в любом другом городе. Да и вообще, если приглядеться — поганый городишко; убогие серовато-черные дома выглядели до того мрачно, что казались необитаемыми. Я решил остаться возле бассейна, Валери тоже. В гостинице было номеров тридцать, все заняты туристами из Северной Европы, всех их, надо думать, привело сюда одно и то же. Сначала я заметил двух англичанок лет сорока, не худеньких, одна из них носила очки. Их сопровождали два беззаботных метиса не старше двадцати. Юноши чувствовали себя вполне уверенно, болтали и шутили с толстушками, держали их за руки, обнимали за талию. Вот уж точно работенка, на которую я не способен; интересно, что они изобретали, о чем или о ком думали, чтобы вызвать у себя эрекцию. Через какое-то время англичанки поднялись к себе в комнаты, а их кавалеры остались у бассейна; если бы я действительно питал интерес к человеческому роду, я бы мог с ними заговорить, разузнать, что и как. Наверное, достаточно просто правильной мастурбации, наверное, желание можно вызывать чисто механическим путем; надо бы почитать биографии подобных субъектов, но у меня с собой были только “Рассуждения о позитивном разуме”. Я листал подглавку под названием “Направленная на удовлетворение социальных нужд народа политика должна стать в первую очередь нравственной” и в это время увидел

немку, которая выходила из своего номера в сопровождении здорового негра. Она была типичной немкой, какими всегда их воображаешь: длинные светлые волосы, голубые глаза, крепкое тело, большая грудь. Это очень привлекательный тип внешности, беда в том, что он недолговечен, уже лет с тридцати надо готовиться к восстановительным работам: отсасывание жира, силикон и прочее; но пока все было в порядке, она выглядела возбуждающе, парню повезло. Любопытно, платила ли она столько же, сколько англичанки, и вообще, существует ли единый тариф для мужчин, как для женщин; тоже следовало бы поинтересоваться, людей расспросить. Размышления над столькими сложными проблемами меня утомили; я поднялся к себе в номер, заказал коктейль и потягивал его, сидя на балконе. Валери загорала и время от времени окуналась в воду; я решил прилечь в комнате и, уходя с балкона, заметил, что она завела разговор с немкой.

Часов в шесть она зашла меня проведать; я заснул за чтением. Она сняла купальник, приняла душ и вернулась ко мне, обвязав полотенце вокруг талии; волосы ее были чуть влажными.

— Ты скажешь, у меня навязчивая идея, но я спросила у немки, чем негры лучше белых. Поразительно, но факт: белые женщины предпочитают спать с африканцами, а белые мужчины — с азиатками. Мне надо знать почему; это важно для нашей работы.

— Некоторым белым мужчинам нравятся негрятки, — заметил я.

— Это реже. Сексуальный туризм распространен в Африке несравнимо меньше, чем в Азии. Правда, в Африке вообще меньше туристов.

— И что она тебе ответила?

— Всякие общеизвестные вещи: негры раскрепощены, мужественны, умеют радоваться жизни, веселиться от души, с ними легко.

При всей банальности ответ немки содержал зачатки стройной теории: белые — это вроде как закомплексованные негры, стремящиеся обрести утраченную сексуальную непосредственность. К сожалению, такая логика не объясняла ни мистической притягательности азиатских женщин, ни того, что сексуальные данные белых мужчин, по многочисленным свидетельствам, высоко ценятся в Черной Африке. Тогда я стал разрабатывать теорию более сложную и одновременно более сомнительную; в двух словах она сводилась к следующему. Белые хотят посмуглеть и танцевать негритянские танцы, черные хотят иметь светлую кожу и прямые волосы. Человечество в целом тяготеет к смешению кровей и, шире, к единообразию и реализует это в первую очередь посредством такой элементарной вещи, как секс. Только один человек осуществил это на практике — Майкл Джексон: он не белый и не черный, не молодой, не старый и даже в некотором смысле не мужчина и не женщина. Никто толком не представляет себе его личную жизнь; он вышел за рамки обычных человеческих категорий. Вот почему его можно назвать звездой, самым выдающимся актером, единственным в своем роде. Все прочие — Рудольф Валентино, Грета Гарбо, Марлен Дитрих, Мэрилин Монро, Джеймс Дин, Хамфри Богарт — талантливы, но не более того: они лишь копировали человека, переносили его на экран; Майкл Джексон первый попытался пойти дальше.

Занятная теория, Валери выслушала ее с вниманием; самому же мне она не показалась достаточно

убедительной. Если ей следовать, можно ли предположить, что первый *киборг*, то есть первый человек, который согласится имплантировать в свой мозг элементы искусственного интеллекта, станет звездой? Может, и да; только это не имело прямого отношения к нашей теме. Майкл Джексон хоть и звезда, но на секс-символ никак не тянет; стимулировать массовый приток туристов, который бы сделал рентабельными крупные капиталовложения, надо более примитивным способом.

Вскоре Жан-Ив и вся компания вернулись с экскурсии по городу. В местном краеведческом музее основное внимание уделялось таино — первым здешним жителям. Они вели, насколько известно, мирную жизнь, занимались земледелием и рыболовством; с соседними племенами не конфликтовали; испанцам не составило труда истребить народ, так мало подготовленный к войне. Сегодня от него не осталось ничего, кроме, может быть, неуловимых черточек в наружности отдельных людей; культура их тоже исчезла бесследно, если только вообще существовала. Христианские проповедники, пытавшиеся — большей частью понапрасну — донести до них евангельскую весть, запечатлели их на рисунках: они пашут землю, стряпают на огне, полубнаженные женщины кормят младенцев грудью. Создается впечатление если не эдема, то, по крайней мере, *замедленного течения истории*; испанцы своим появлением закрутили ее колесо побыстрей. В результате обычного по тем временам конфликта между господствующими колониальными державами Куба в 1898 году обрела независимость и тут же перешла под власть американцев. В начале 1959 года, после многолетней гражданской

войны, повстанцы под руководством Фиделя Кастро одержали победу над регулярной армией и вынудили Батисту бежать. Учítывая, что весь мир был разделен тогда на два лагеря, Куба присоединилась к советскому блоку и установила у себя режим марксистского типа. Лишившись материально-технической поддержки после крушения Советского Союза, этот режим угасал. Валери надела коротенькую юбку с разрезом на боку и маленькую черную кружевную кофточку; мы еще успевали выпить перед ужином коктейль.

Все собрались у бассейна и любовались закатом над бухтой. Неподалеку от берега ржавел остов грузового судна. Там-сям застыли на воде суденышки поменьше; все это оставляло впечатление крайнего запустения. С городских улиц не доносилось ни звука; робко зажглись несколько фонарей. За столом с Жан-Ивом сидели понурый мужчина лет шестидесяти с худым, изможденным лицом и другой, значительно моложе первого, лет тридцати, не более; в последнем я узнал управляющего гостиницей. Я видел его несколько раз в течение дня, он суетился между столиков, бегал туда-сюда, проверял, всех ли обслужили; его лицо казалось источенным постоянной беспредметной тревогой. Завидев нас, он вскочил, подвинул два стула, позвал официанта, убедился, что тот пришел, и поспешил на кухню. Старик же печально глядел на бассейн, на парочки за столами и, похоже, на мир вообще.

— Бедный кубинский народ, — произнес он после долгого молчания. — Им больше нечем торговать, кроме своих тел.

Жан-Ив объяснил нам, что старик — отец управляющего и живет по соседству. Сорок лет назад он

участвовал в революции, батальон, в котором он служил, одним из первых примкнул к восстанию Кастро. После войны работал на никелевом заводе в Моа сначала простым рабочим, потом мастером, потом, закончив учебу в университете, — инженером. Как герой революции, он сумел выхлопотать сыну солидную должность в туристической индустрии.

— Мы потерпели поражение... — сказал он глухим голосом, — и мы сами виноваты. Нами руководили очень достойные люди, исключительные люди, идеалисты, ставившие интересы родины выше своих собственных. Я помню, как Че Гевара приехал в наш город на открытие завода по переработке какао; помню его мужественное честное лицо. Никто никогда не мог сказать, что *комманданте* нажился на революции, получил какие-то блага для себя или своей семьи. Также и Камило Сьенфуэгос, и другие наши вожди, и даже Фидель. — Фидель, конечно же, любит власть, хочет сам всем распоряжаться; но он бескорыстен, у него нет роскошных вилл и счетов в швейцарских банках. Так вот, Че приехал к нам на завод и произнес речь, призывая кубинцев после вооруженной борьбы за независимость выиграть мирную битву за производство; это было незадолго до его отъезда в Конго. И мы могли выиграть эту битву. Здесь богатейший край, земля плодородна, воды много, все растёт в изобилии: кофе, какао, сахарный тростник, экзотические фрукты. В недрах — залежи никелевой руды. С помощью русских у нас построили ультрасовременный завод. Через полгода производительность упала вдвое: рабочие таскали шоколад и лом, и в плитках, уносили домой, продавали иностранцам. То же самое происходило на всех заводах по всей стране. Если воровать было нечего,

они работали из рук вон плохо, ленились, притворялись больными, прогуливали. Я многие годы пытался их образумить, уговаривал трудиться в интересах родины, но все напрасно.

Он смолк; день догорал над Юнке — возвышавшейся над холмами усеченной горой с плоской, как стол, вершиной, удивившей в свое время Колумба. Из ресторана доносилось звяканье посуды. Что может побудить людей выполнять скучную и тяжелую работу? Вот, на мой взгляд, единственный осмысленный вопрос в политике. Из рассказа старика напрашивался удручающий и беспощадный вывод: только деньги; во всяком случае, совершенно очевидно, что революция не создала *нового человека*, способного руководствоваться более альтруистическими мотивами. Кубинское общество, подобно всем другим, оказалось лишь хитроумной системой надувательства, придуманной для того, чтобы позволить некоторым гражданам этих скучных и тяжелых работ избежать. Но здесь система дала сбой, обман раскрылся, и люди уже не надеялись воспользоваться в будущем плодами совместного труда. В результате ничто не функционировало, никто не работал и ничего не производил, а кубинское общество не могло прокормить своих граждан.

Все участники нашей экскурсии поднялись и направились в ресторан. Мне хотелось как-то приободрить старика, сказать ему что-нибудь обнадеживающее; но нет, что тут скажешь. Он и сам предчувствовал с горечью, что скоро на Кубе восстановится капитализм и от его революционных мечтаний не останется ничего, кроме ощущения поражения, бесполезно прожитой жизни и стыда. Его пример не станет образцом для других, у него не найдется последователей, хуже того, грядущие поколения будут вспоми-

нать о нем с отвращением. Он сражался и трудился напрасно.

За ужином я много выпил и под конец надрался; Валери наблюдала за мной с беспокойством. Танцовщицы, одетые в плиссированные юбки и облегающие пестрые лифы, готовились исполнять сальсу. Мы расположились на террасе. Я приблизительно знал, что хочу сказать Жан-Иву; подходящее ли для этого время? Он выглядел несколько потеряннным и расслабленным. Я заказал последний коктейль, закурил и обернулся к нему.

— Ты действительно ищешь новую концепцию, которая бы спасла от разорения твои курорты?

— Разумеется, я для этого сюда приехал.

— Создай такие клубы отдыха, где бы люди занимались любовью. Именно этого им и не хватает. Если во время отпуска у них не случилось любовного приключения, они уезжают неудовлетворенные. Они не осмеливаются в этом признаться, может, даже и не осознают, но в следующий раз выбирают другую фирму.

— Так кто им мешает заниматься любовью? Тут все как будто к этому располагает, это принцип клубов отдыха; я не знаю, почему они этого не делают.

Я отмахнулся от его возражения.

— Я тоже не знаю, не в этом суть; доискиваться до причин явления — занятие бесполезное, даже если предположить, что у всякого явления существуют причины. Факт остается фактом: что-то стряслось такое, что мешает людям западной цивилизации совокупляться; может, это связано с нарциссизмом, с развитым сознанием своей индивидуальности, с культом успеха — не важно. Так или иначе, после двадцати пяти — тридцати лет человек крайне редко вступает

в новые сексуальные связи; однако он продолжает испытывать в этом потребность, и потребность эта угасает очень медленно. В результате следующие тридцать лет, почти всю свою взрослую жизнь, он пребывает в постоянной неудовлетворенности.

На стадии алкогольного опьянения, предшествующей полной отключке, случаются иной раз прозрения. Упадок сексуальности в западном мире — явление безусловно социальное, массовое, и напрасно было бы пытаться объяснить его теми или иными индивидуальными психологическими факторами; между тем, взглянув на Жан-Ива, я понял, что он как нельзя лучше иллюстрирует мой тезис, мне даже неловко сделалось. Он не только не занимался любовью, у него даже не было времени попробовать, более того, у него пропало желание, и, что самое скверное, он уже чувствовал, как жизнь угасает в его теле, он словно бы ощущал запах смерти.

— Ну почему... я слышал, — начал он после долгих колебаний, — что клубы свингеров процветают.

— Не очень, то-то и оно. Их открывается много, но вскоре они закрываются за отсутствием клиентов. Реально в Париже пользуются успехом только два клуба: “Крис и Ману” и “2+2”, да и те заполнены только в субботу вечером; для десятиmillionного города это мало, в начале девяностых все выглядело совсем иначе. Идея обмена партнерами привлекательна, но она постепенно выходит из моды, потому что люди уже не хотят обмениваться ничем, это не соответствует современному менталитету. На мой взгляд, клубы для пар имеют сегодня столько же шансов выжить, сколько автостоп семидесятых. Единственное, что отвечает духу времени, — это садомазохизм...

Валери вытаращила на меня глаза, полные ужаса, и пихнула ногой. Я взглянул на нее с изумлением и не сразу понял, в чем дело: ну разумеется, я не собирался говорить об Одри; я понимающе кивнул ей. Жан-Ив не заметил паузы.

— Итак, — продолжал я, — с одной стороны — сотни миллионов жителей развитых стран; у них есть все, чего ни пожелают, за исключением одного: сексуального удовлетворения; они его ищут, ищут, не находят и оттого несчастны донельзя. С другой стороны — миллиарды людей, у которых нет ничего; они голодают, умирают молодыми, живут в антисанитарных условиях, им нечего продать, кроме своего тела и своей неиспорченной сексуальности. Чего же тут непонятного, это ясно как день: идеальные условия для обмена. Деньги на этом можно делать немислимые: что там информатика, биотехнологии, средства массовой информации — тут ни один сектор экономики не идет в сравнение.

Жан-Ив не отвечал; в эту минуту грянула музыка. Красивые танцовщицы улыбались, плиссированные юбки колыхались, обнажая смуглые ляжки; великолепная иллюстрация к моей речи. Я думал, он так ничего и не скажет, будет сидеть переваривать мою мысль. Однако минут через пять он ответил:

— Твоя теория плохо применима к мусульманским странам...

— Ну и ладно, у них оставишь "Эльдорадор — Новые открытия". Можешь даже добавить что-нибудь покруче, вроде горного туризма, экологических экспериментов, выживания в экстремальных условиях, назовешь это "Эльдорадор — Приключение" — будет отлично продаваться во Франции и Англии. А клубы сексуального направления лучше пойдут в странах Средиземноморья и в Германии.

На этот раз он засмеялся.

— Тебе надо было делать карьеру в бизнесе, — сказал он полушутя, — у тебя масса идей.

— Ну, идеи...

У меня кружилась голова, расплывались перед глазами танцовщицы; я залпом допил коктейль.

— Идеи у меня, может, и есть, но я не в состоянии погрузиться в практические расчеты, составить предварительный бюджет. Так что остаются только идеи...

Дальнейшее помню смутно, должно быть, я заснул. Проснулся в своей постели; Валери лежала рядом со мной голая и ровно дышала. Я потянулся за пачкой сигарет и разбудил ее.

— Ты крепко надрался за ужином...

— Да, но то, что я говорил Жан-Иву, это серьезно.

— Мне кажется, он серьезно и воспринял... — она провела пальцами по моему животу. — Кроме того, я думаю, ты прав. На Западе сексуальной свободы больше нет.

— Ты знаешь почему?

— Нет... — Она задумалась. — Нет, пожалуй, не знаю.

Я закурил, устроился поудобнее на подушках и сказал:

— Возьми в рот.

Она удивленно на меня покосилась, но, сжав мои яйца рукой, потянулась к члену губами.

— Вот! — вскричал я торжествующе.

Она подняла голову и уставилась на меня с изумлением.

— Видишь, я тебе говорю: “Возьми в рот”, и ты берешь, хотя, может, совсем и не хотела.

— Ну да, я об этом не думала, но мне приятно.

— Это меня в тебе и удивляет: ты любишь доставлять удовольствие. Отдавать свое тело, бескорыстно доставлять радость — вот что у нас разучились делать. Люди разучились дарить. И потому, сколько бы они ни старались, они уже не могут воспринимать секс как нечто *естественное*. Они стыдятся своего тела, поскольку оно не соответствует порностандартам, и по этой же причине не испытывают влечения к телу другого. Невозможно заниматься любовью, не умаляя своего “я”, не признавая себя, хотя бы на время, зависимым и слабым. Любовная экзальтация и сексуальное влечение имеют одинаковые корни, и то и другое происходит из самоотречения; и там и там, не потеряв себя, ничего не обретишь. Мы стали холодными, рациональными, мы ставим превыше всего свою индивидуальность и свои права; мы стремимся в первую очередь быть ничем не связанными и независимыми; кроме того, мы озабочены здоровьем и гигиеной — тоже не лучшая посылка для секса. В такой ситуации профессионализация секса на Западе неизбежна. Есть еще садомазо. Это царство рассудка; здесь все подчинено четким правилам, все их заранее принимают. Мазохистов интересуют только собственные ощущения, им любопытно знать, какую боль они способны вынести, — это напоминает экстремальный спорт. Садисты — иное дело, у них страсть к разрушению, и они готовы идти до конца: если бы они могли калечить и убивать, они бы это делали.

— Даже вспоминать не хочется. — Ее передернуло. — Тошнит.

— Потому что ты осталась сексуальной по-животному. То есть нормальной, и этим не похожа на

других. Организованный садомазохизм со всеми его правилами может привлекать только людей из культурной среды, интеллектуалов, утративших всякий интерес к сексу. Прочим остается одно: порнопродукция с профессиональными исполнителями; а если кому хочется реального секса — то страны третьего мира.

— Понятно... — сказала она и улыбнулась. — Могу я наконец продолжить?

Я откинулся на подушки. Я смутно сознавал, что стою у истоков великого открытия; экономические перспективы не вызывали сомнений: потенциальную клиентуру я оценивал в 80 процентов взрослого населения западных стран; смущало другое: я знал, люди с большим трудом воспринимают простые идеи.

Мы завтракали на террасе около бассейна. Когда я допивал кофе, Жан-Ив вышел из своего номера с девицей, и я узнал в ней одну из вчерашних танцовщиц. Это была высокая негритянка с длинными тонкими ногами, не старше двадцати. Он сначала смутился, потом подошел к нашему столику и, улыбнувшись уголками губ, представил нам Анхелину.

— Я обдумал твою идею, — заявил он сразу. — Меня немного пугает реакция феминисток.

— Среди наших клиентов будут и женщины, — возразила Валери.

— Ты думаешь?

— О да, уверена... — с горечью сказала она. — Ты погляди вокруг.

Он обвел взглядом столики у бассейна: в самом деле, тут сидело немало одиноких туристок с кубинцами; почти столько же, сколько мужчин-туристов с кубинками. Он что-то спросил у Анхелины по-испански и перевел нам ее ответ:

— Она "хинетера"¹, работает здесь уже три года, клиенты у нее все больше итальянцы и испанцы. Она

1 Jinetera — наездница (*исп.*); в перен. значении — проститутка.

думает, это потому, что она черная: немцев, англичан и американцев вполне удовлетворяет латиноамериканский тип, для них это уже экзотика. У многих ее друзей-“хинетерос” клиентки в основном англичанки и американки, иногда немки.

Он отпил глоток кофе, задумался, потом спросил:

— Как мы назовем новые клубы? Нужно, чтоб по названию человек их сразу отличил от “Открытий” и “Приключений”, чтоб оно отражало суть, но не слишком явно.

— Я думала, может, “Эльдорадор — Афродита”? — сказала Валери.

— “Афродита”... — повторил он задумчиво, — неплохо. Не так пошло, как “Венера”, эротично, культурно, экзотично — мне нравится.

Мы уезжали через час. В нескольких метрах от нашего автобуса Жан-Ив попрощался с Анхелиной; он выглядел чуточку грустным. Когда он сел в автобус, я обратил внимание, что студенты неодобрительно на него покосились; виноторговец же не отреагировал никак.

Оставшееся время в Гуардалаваке прошло довольно тускло. Были, понятно, купание, караоке, стрельба из лука; мускулы напрягаются, потом расслабляются, засыпаешь быстро. Я не сохранил никаких воспоминаний ни о последних днях нашего пребывания на Кубе, ни о завершающей экскурсии, кроме того, что хваленый лангуст оказался жестким, как резина, а кладбище повергло всех в уныние. Между тем там находилась могила Хосе Марти — национального героя, поэта, политического деятеля, публициста, мыслителя. Мы видели на барельефе его усатое лицо. Гроб, украшенный цветами, покоился в центре

круглого углубления, по стенам которого были высечены самые знаменитые изречения великого мужа о национальной независимости, борьбе с тиранией, справедливости. Но ощущения, что дух его витает над этим местом, не создавалось; похоже было, что бедняга помер окончательно. Покойник, заметим, антипатии не вызывал; я был бы не прочь с ним потолковать, поиронизировать немного над его ограниченной гуманистической серьезностью; но увы, никаких перспектив: он безвозвратно остался в прошлом. Разве мыслимо, чтоб он поднялся, зажег сердца и повел народ к новым свершениям человеческого духа? Нет, такого представить себе невозможно. Короче, та же печальная картина поражения, что и на могилах всех борцов за народное дело. Мне весьма неприятно констатировать, что, кроме католиков, никто не сумел приемлемым образом обставить завершение жизни. Правда, чтобы сделать смерть прекрасной и трогательной, им пришлось попросту сказать, что ее нет. Вот вам и все аргументы. Ну а тут, за отсутствием воскресшего Христа, надо было явить нам каких-нибудь нимф или пастушек, в общем, немного женского тела. Иначе трудно вообразить, как бедолага Хосе резвится на загробных лугах; скорее думалось, что он покрылся пеплом вечной скуки.

По возвращении в Париж мы на другой же день, еще не отоспавшись после перелета, встретились в кабинете Жан-Ива. От этого дня у меня осталось ощущение праздничной феерии, хотя оно и плохо сочеталось с видом огромного пустого здания. В будни здесь работали три тысячи человек, но в ту субботу нас было только трое, не считая охранников. В это время совсем рядом, у торгового центра в Эври, учинили по-

боище две бандитские группировки, в ход шли ножи, бейсбольные биты, баллончики с серной кислотой; к вечеру стало известно, что в драке погибли семь человек, из них двое случайных прохожих и один жандарм. Это событие будет широко обсуждаться по радио и телевидению, но тогда мы еще ничего не знали. В лихорадочном возбуждении мы вырабатывали платформу будущей программы по разделу мира. Мои идеи могли повлечь за собой миллионные капиталовложения, создание сотен рабочих мест; для меня все это было внове, голова шла кругом. Я бредил вслух, а Жан-Ив слушал меня внимательно и говорил потом Валери, что, раскрепостившись, я способен на прозрения. Короче, я вносил творческое начало, а он принимал решения; так ему представлялось.

Быстрее всего разобрались с арабскими странами. Учитывая особенности их религии, любые проекты, связанные с сексом, там исключались. Туристам, выбирающим эти страны, придется довольствоваться сомнительными радостями "приключения". Безнадежно убыточные Агадир, Монастир и Джербу Жан-Ив в любом случае решил продать. Два оставшиеся направления логично укладывались в рубрику "Приключение". Так, отдыхающих в Марракеше ожидала езда на верблюдах. А в Шарм-Эль-Шейхе курортники могли посмотреть на разноцветных рыб и совершить экскурсию на Синай к месту Неопалимой Купины, где Моисей "наломал дров", по образному выражению одного египтянина, которого я повстречал года три назад во время путешествия на фелуках к Долине Царей.

— О да! — говорил он с пафосом. — Это нагромождение камней впечатляет. Но выводите из него существование *единого Бога!*..

Этот здравомыслящий и остроумный человек проникся ко мне симпатией, как видно потому, что я был единственным французом в группе, а он, по неизвестным мне причинам культурного или, может, эмоционального свойства, питал страсть — скорее, правда, платоническую — ко всему французскому. Выбрав меня в собеседники, он скрасил мой отпуск. Ему было лет пятьдесят, очень смуглый, с усиками, одет всегда безупречно. Биохимик по образованию, он сразу по окончании учебы эмигрировал в Англию и там сделал блестящую карьеру в области генной инженерии. Теперь он приехал повидать родные края, любовь к которым не угасла в его сердце, а вот ислам он клеймил безжалостно. Во-первых, твердил он мне, не следует путать древних египтян с арабами.

— Подумать только, в этой стране изобрели всё! — восклицал он, широким жестом руки охватывая долину Нила. — Архитектуру, астрономию, математику, земледелие, медицину... — Он немного преувеличивал, но, как восточный человек, жаждал убедить меня немедленно. — С приходом ислама все кончилось. Полная интеллектуальная пустота. Мы стали нищими. Нищая вшивая страна. А ну пошли отсюда!.. — Он погрозил мальчишкам, набежавшим кланчить деньги. — Помните, *месье*, — он свободно изъяснялся на пяти иностранных языках: французском, немецком, английском, испанском и русском, — что ислам пришел из пустыни, где живут лишь скорпионы, верблюды да хищники. Знаете, как я называю мусульман? Гнусы сахарские. Лучшего они не заслуживают. Разве мог бы ислам возникнуть в этом прекрасном краю? — И он снова с восхищением указал на долину Нила. — Нет, *месье*. Ислам мог зародиться лишь в

бессмысленной пустыне у чумазых бедуинов, которые только и умели, что, извините меня, верблюдов трахать. Обратите внимание, *месье*: чем ближе религия к монотеизму, тем она бесчеловечней, а из всех религий именно ислам навязывает самый радикальный монотеизм. Не успев появиться на свет, он заявляет о себе чередой захватнических войн и кровавых побоищ; и пока он существует, в мире не будет согласия. На мусульманской земле никогда не будет места уму и таланту; да, среди арабов были некогда математики, поэты, ученые, но это те, кто утратил веру. Уже первые строчки Корана поражают убогой тавтологией: “Нет Бога, кроме Бога единого”, и так далее. Согласитесь, на этом далеко не уедешь. Переход к монотеизму есть не взлет на новую ступень абстракции, как утверждают некоторые, а падение, возвращение к скотскому состоянию. Заметьте, что католицизм — религия утонченная, уважаемая мною, — очень быстро отошел от изначального монотеизма, ибо знал, что человеческой природе потребно иное. Через Троицу, культ Девы и святых, через признание роли адских сил и сил небесных (ангелы — это же восхитительная находка!) он постепенно восстановил подлинный политеизм и только поэтому смог украсить землю бесчисленными шедеврами. Единобожие! Какой абсурд! Бесчеловечный, убийственный!.. Этот бог бесчувствен, кровав, ревнив, ему не следовало высовываться за пределы Синая. Насколько наша египетская религия была, если вдуматься, глубже, человечнее, мудрее... А наши женщины? Как они были прекрасны! Вспомните Клеопатру, пленившую великого Цезаря. Посмотрите, что с ними стало... — он показал на двух проходивших мимо особ женского пола с закрытыми лицами, они едва волочили ноги,

сгибаясь под тяжестью тюков с товарами. — Мешки какие-то. Бесформенные кули жира, замотанные в тряпье. Как только они выходят замуж, ни о чем, кроме еды, уже не думают. Жрут, жрут и жрут! — И он раздул щеки в комедийной манере де Фюнеса. — Уж поверьте мне, *месье*, в пустыне рождаются только психи и кретины. Назовите мне, кого в вашей благородной западной культуре, которой я восхищаюсь, которую я уважаю, — кого влекло в пустыню? Педерастов, авантюристов и негодяев. Полковник Лоуренс?¹ Но это же смешно: декадент, гомосексуалист, позер. Или этот ваш омерзительный Анри де Монфред², жулик бессовестный, аферист. Но не людей благородных, великодушных, здоровых, не тех, кто радел о прогрессе и возвышении человечества.

— Понятно, в Египте делаем “Приключение”, — сухо подытожил Жан-Ив. Он принес извинения за то, что прервал мой рассказ, но пора было переходить к Кении. С ней случай непростой. — Пожалуй, я бы написал “Приключение”, — предложил он, полистав свои записи.

— Жалко, — вздохнула Валери, — кенийские женщины хороши.

— Откуда ты знаешь?

— Ну не только кенийские, все африканки хороши.

— Женщин везде полно. А в Кении есть, кроме того, носороги, зебры, гну, слоны и буйволы. Я предлагаю в Сенегале и в Кот-д’Ивуаре сделать “Афроди-

1 Томас Эдвард Лоуренс, прозванный Лоуренсом Аравийским (1888—1935) — английский офицер и писатель.

2 Анри де Монфред (1879—1974) — французский авантюрист и писатель, автор приключенческих романов.

ту”, а в Кении оставить “Приключение”. Потом, знаете, бывшая английская колония — это плохо вяжется с эротикой, а для “Приключения” подойдет.

— Женщины в Кот-д’Ивуар хорошо пахнут, — мечтательно заметил я.

— Как это?

— Они пахнут сексом.

— А... — и он прикусил свой фломастер. — Тоже тема для рекламы. “Берег Слоновой Кости — берег дивных ароматов” или что-нибудь в этом роде. А изображена потная взлохмаченная девица в набедренной повязке. Запишем.

— “И сонм невольников нагих, омытых в мирре”.

Бодлер — наше все.

— Это не пройдет.

— Знаю.

С другими африканскими странами сложностей не возникло.

— С африканками всегда все просто, — заметил Жан-Ив. — Они готовы трахаться бесплатно, даже беременные. Надо только запастись презервативами, а то они о таких мелочах не думают, — и он подчеркнул два раза в своем блокноте: “презервативы”.

Мы быстренько разобрались с Тенерифе. Результаты тут были не ахти, однако, по словам Жан-Ива, остров имел стратегическое значение для англоязычных стран. Тут ничего не стоило наладить сносное “приключение” с восхождением на вулкан Тейде и экскурсию на глассере на остров Лансароте. Инфраструктура гостиниц опасений не вызывала.

Затем, наконец, мы добрались до двух клубов, которые виделись нам гвоздями всей программы: Бока Чика в Санто-Доминго и Гуардалавака на Кубе.

— Хорошо бы поставить кровати “кинг сайз”, — предложила Валери.

— Решено, — не задумываясь ответил Жан-Ив.

— И джакузи в номерах, — размышлял я.

— Нет, — отрезал Жан-Ив. — Будем придерживаться средней категории.

Все улаживалось само собой, без колебаний и сомнений; мы наметили также договориться с руководителями курортных городков об упорядочении тарифов на проституцию.

Потом сделали короткий перерыв на обед. В это самое время менее чем в километре от офиса два подростка из рабочего предместья Куртильер бейсбольными битами размозжили голову шестидесятилетней женщине. На закуску я съел скумбрию в белом вине.

— А в Таиланде вы что-нибудь планируете? — поинтересовался я.

— Разумеется, у нас строится гостиница в Краби. Это сейчас самое модное место после Пхукета. Надо ускорить строительство, чтобы закончить все к первому января и устроить торжественное открытие.

Всю вторую половину дня мы обсуждали, какие изменения требуется внести в работу городков. Разумеется, первое и основное — разрешить приводить проституток в номера. Понятно, никаких детских программ; лучше всего было бы запретить проживание в гостиницах детям до шестнадцати. Валери придумала хитроумный ход: за основу взять стоимость одиночного номера, а для пар ввести десятипроцентную скидку, то есть в принципе установить порядок, обратный общепринятому. Не помню кому, кажется мне, пришло в голову провозгласить лозунги “геи с нами”

и пустить слух, что в наших клубах до двадцати процентов гомосексуалистов; такого рода информация обычно привлекает геев, а они, как никто, умеют создать эротическую ауру. Долше всего мы размышляли над слоганом рекламной кампании. Жан-Ив предложил емкий и доходчивый лозунг: “Эльдорадор — Афродита”: не отказывай себе ни в чем!”; но в конце концов большинство голосов получил мой: “Эльдорадор — Афродита”: человек имеет право на удовольствие”. Со времени натовской интервенции в Косово понятие права снова стало основополагающим, пояснил Жан-Ив с легкой иронией в голосе; в действительности он говорил серьезно и только что прочитал по этому поводу статью в журнале “Стратежи”. Все кампании последнего времени, которые строились на теме права, имели успех, будь то право на нововведение или право на совершенство... Право на удовольствие — это ново, заключил он грустно. Порядком подустав, мы закончили работу, и Жан-Ив забросил нас с Валери в клуб “2 + 2”. В субботу вечером народу там собралось много. Мы познакомились с симпатичной негритянской парой: она была медсестра, он — ударник в джазе, дела у него шли неплохо, он регулярно записывал диски. Надо сказать, он много работал над техникой, собственно говоря — постоянно.

— Так что никакого секрета... — глупо заметил я, но он, как ни странно, согласился; сам того не желая, я затронул глубокие струны в его душе. — В том-то и секрет, что никакого секрета, — повторил он с жаром.

Мы выпили по стаканчику и направились в комнату. Жером предложил, чтобы мы трахнули Валери вдвоем. Она не возражала, при условии, что сзади буду я: ей казалось, что я смогу войти в нее не так гру-

бо, как Жером. Он кивнул и лег на спину. Николь, одной рукой поддерживая его боеспособность, другой натянула ему презерватив. Задрав Валери юбку до самой талии, я обнаружил, что белья на ней нет. Она проворно оседлала Жерома и прильнула к его груди. Я раздвинул ей ягодицы, смазал чуть-чуть и начал осторожно, отрывистыми толчками внедряться. Когда вошла головка, я почувствовал, как сжались мышцы Валери. Я напрягся и вдохнул поглубже, чтобы не кончить преждевременно. Затем стал понемногу углубляться. И тут она заскользила вперед-назад, прижимаясь лобком к Жерому. Дальше все пошло как по маслу: она застонала протяжно, полностью расслабилась, и я сразу легко проник в нее, уже не встречая сопротивления; пароксизм наступил у нее удивительно быстро. Она замерла, изнемогающая и счастливая. Ощущение не то чтобы острее, объясняла она мне потом, но если все идет удачно, наступает бесподобное мгновение, когда накатывающие с двух сторон горячие волны сливаются и все тело пылает.

Наблюдая за нами, Николь ласкала сама себя и уже сильно возбужденная заняла место Валери. Я едва успел сменить презерватив.

— Со мной можешь не осторожничать, — шепнула она мне на ухо, — я люблю покрепче.

Я так и сделал, закрыв при этом глаза, чтобы целиком сосредоточиться только на самом ощущении. Получалось превосходно, я не мог нарадоваться собственной выдержке. Она тоже кончила довольно быстро с протяжным хриплым криком.

Потом мы с Жеромом болтали, а Николь и Валери, стоя перед нами на коленях, делали нам минет. Жером рассказывал, что еще ездит на гастроли, но с возрастом ему это разонравилось. Его теперь все боль-

ше тянет домой, где он может заниматься семьей — у них двое детей — и в одиночку отрабатывать свою технику. Он объяснял мне про новые системы ритма: четыре третьих и семь девярых; откровенно говоря, я мало что понимал. Вдруг посреди фразы он удивленно вскрикнул, закатил глаза и обильно выплеснулся в рот Валери.

— Как она меня поимела!.. — приговаривал он, чуть посмеиваясь.

Я тоже чувствовал, что меня надолго не хватит: у Николь был совершенно особенный язык, широкий, мягкий, будто маслом намазанный; она работала им неторопливо, волна наслаждения подкатывала незаметно, но неотвратно. Я поманил к себе Валери и предложил: пусть Николь возьмет губами головку и не двигается, а все остальное сделает Валери. Николь кивнула, закрыла глаза и приготовилась. Валери тут же занялась моим членом, быстро и ловко орудуя пальцами и языком; она уже полностью восстановила силы. Я насколько мог широко раскинул ноги и руки и закрыл глаза. Ощущение радости нарастало порывами, будто пронзало молниями, и, наконец, накрыло меня целиком; я выпустил семя в рот Николь. Несколько секунд я пребывал в шоке, цветные пятна вспыхивали у меня под ресницами, позднее я понял, что чуть не потерял сознание. Когда я с трудом открыл глаза, Николь все еще держала головку моего пениса во рту. Валери, обняв меня за шею, глядела таинственно и растроганно; она сообщила мне, что я истошно кричал.

Затем они отвезли нас домой. В машине Николь возбудилась снова. Она обнажила грудь, подняла юбку и улеглась на заднем сиденье головой мне на колени. Массируя клитор Николь, я действовал уве-

ренно, решительно, хорошо контролируя ее ощущения; соски ее твердели, а моя рука увлажнялась. Запах ее возбуждившейся плоти заполнил машину. Жером вел осторожно, останавливаясь на красный свет; в окно я видел огни на площади Согласия,obelisk, мост Александра III, купол Инвалидов. Я чувствовал себя хорошо, умиротворенно, но при этом еще полным энергии. Кончила она в районе площади Италии. Перед тем как проститься, мы обменялись телефонами.

Расставшись с нами, Жан-Ив немного взгрустнул; подъехав к своему дому на авеню де ла Републик, он не спешил выходить из машины. Нервное возбуждение, владевшее им весь день, спало; он знал, что Одри нет дома, и скорее был этому рад. Он увидит ее на минутку только утром, перед тем как она уйдет кататься на роликах; после возвращения из отпуска они спали отдельно.

Куда спешить? Он откинулся на сиденье, хотел включить радио, передумал. По улице стайками гуляла молодежь, юноши, девушки; наверное, им было весело, они громко орали. Некоторые пили на ходу пиво из банок. Он мог бы выйти из машины, присоединиться к ним или затеять драку; да мало ли что он мог бы сделать. Но он, разумеется, просто пойдет домой. Он, безусловно, любил свою дочь — так ему казалось; он ощущал с ней некую органическую кровную связь, что и соответствует определению любви. По отношению к сыну он ничего подобного не чувствовал. Возможно даже, тот вовсе и не был его сыном, Жан-Ив до сих пор не знал этого точно. К жене он не испытывал ничего, кроме презрения и отвращения, отвращения слишком сильного — он бы предпочел

безразличие. Наверное, поэтому он и медлил с разводом: ждал, когда жажда мести сменится равнодушием; пока же ему хотелось заставить ее платить. А на самом деле платить все равно мне, подумал он вдруг с горечью. Дети останутся на ее попечении, а ему назначат порядочные алименты. Что, если затеять тяжбу, попробовать отсудить детей? Пожалуй, нет, решил он, не стоит. Придется расстаться с Анжеликой. Одному ему будет лучше, можно постараться *устроить свою жизнь* заново, то есть, попросту говоря, найти другую женщину. Ей, гадине, устроиться будет сложнее с двумя детьми на руках. Тем он и утешился: более скверной бабы ему не встретить, в итоге Одри страдает от развода сильнее, чем он. Она уже не так хороша, как в первые годы их знакомства; она умела держаться, одевалась по моде, но он-то знал, что телом она уже начинала стареть. Ее успехи на адвокатском поприще далеко не столь блестящи, как она сама рассказывала; когда на нее ляжет забота о детях, на работе наверняка возникнут проблемы. Потомство — это обуза, тяжелое бремя, не дающее человеку вздохнуть свободно, а в конечном итоге и убивающее его. Он отыграется, но позже, когда сможет взглянуть на все хладнокровно. Сидя в машине на опустевшей теперь улице, он попытался обрести хладнокровие прямо сейчас.

Стоило ему переступить порог своей квартиры, заботы навалились на него снова. Жоанна, приходящая няня, полулежа на диване, смотрела программу MTV. Он не выносил эту вялую пустую девчонку; при виде ее ему всякий раз хотелось надавать ей пощечин, чтобы согнать самодовольное выражение с ее противной надутой физиономии. Она была дочерью подруги Одри.

— Все в порядке? — прокричал он. В ответ она небрежно кивнула. — Ты можешь сделать звук по-тише?

Она поискала глазами пульт управления. Вне себя от злости, он выключил телевизор; она посмотрела на него с обидой.

— Как дети? — он продолжал кричать, хотя в квартире наступила полная тишина.

— Спят, наверное, — она испуганно поджалась.

Он поднялся на второй этаж, заглянул в комнату сына. Никола покосился на него отсутствующим взглядом и продолжал играть в "Tomb raider"¹. Анжелика спала, сжав кулачки. Успокоенный, он спустился вниз.

— Вы ее купали?

— Не-а, забыла.

Он прошел на кухню, налил себе воды. Руки у него дрожали. На рабочем столе он увидел молоток. Пожалуй, пощечинами Жоанну не проймешь, лучше бы размозжить ей череп. Эта мысль занимала его еще некоторое время, потом сменилась другими, беспорядочно роившимися в голове. Уже в прихожей он с ужасом заметил, что все еще держит в руке молоток. Он положил его на маленький столик, достал бумажник, дал девчонке денег на такси. Она взяла их, пробурчав что-то похожее на благодарность. Сам того не ожидая, он захлопнул за ней дверь с такой яростью, что грохот раскатился по всей квартире. Да, жизнь его решительно не клеилась. Бар в гостиной оказался пуст; Одри и за этим не в состоянии была присмотреть. При воспоминании о жене его передернуло; он

1 "Tomb raider" — компьютерная игра, название которой переводится как "Расхитители могил" (англ.).

сам удивился силе своей ненависти. На кухне он нашел початую бутылку рома: хоть что-то. Закрывшись у себя в комнате, он набрал поочередно номера трех девиц, с которыми познакомился по Интернету, и все три раза наткнулся на автоответчик. Ушли небось все три трахаться для собственного удовольствия. Девушки, конечно же, были соблазнительные, симпатичные, современные, но стоили две тысячи франков за вечер; в конце концов, это становилось унижительным. Как он дошел до такой жизни? Надо бы завести друзей, бывать в обществе, работать поменьше. Он вспомнил про клубы "Афродита", и впервые ему пришло в голову, что начальство может и не одобрить идею; общественное мнение во Франции порицало сексуальный туризм. Можно было, конечно, представить Легану проект в смягченном виде; но Эспиталье не проведешь, он обладал пугающей проницательностью. А какой другой выход? Ориентируясь на среднего клиента, они не выдерживали конкуренции с "Club Med", и Жан-Ив готов был это доказать. Порывшись в ящиках письменного стола, он нашел свод корпоративных принципов "Авроры", составленный десять лет назад ее основателями и вывешенный во всех гостиницах. *"Дух "Авроры" — это искусство сочетать традицию и современность, достижения гуманизма и полет фантазии в неустанном поиске совершенства. Работники "Авроры", мужчины и женщины, — носители уникального культурного достояния: умения принимать гостей. Они знают национальные обычаи и обряды, благодаря которым жизнь превращается в искусство жить, а самые обычные услуги — в волшебные мгновения. Это их профессия, искусство, талант. Творя прекрасное и делясь им, восстанавливая связь с самым главным,*

создавая пространство наслаждения, "Аврора" несет по миру аромат Франции". Он отчетливо увидел, что вся эта тошнотворная дребедень как нельзя лучше подходит для сети хорошо организованных борделей; тут можно попытаться сыграть на пару с немецкими туроператорами. Многие немцы без всяких на то оснований продолжали считать Францию страной галантности и искусства любви. Если крупный немецкий туроператор согласится внести клуб "Афродита" в свой каталог, это поднимет их на новую ступень; такого еще ни одной французской фирме не удавалось. Он поддерживал контакт с Неккерманом, которому собирался продать клубы в странах Магриба; кроме того, существовала компания TUI, отклонившая их предыдущее предложение, поскольку занимала прочные позиции в нижней части ценовой шкалы; возможно, их заинтересует более специализированный проект.

Он попробовал связаться с ними прямо в понедельник утром, и удача ему улыбнулась: Готфрид Рембке, председатель совета директоров TUI, собирался в начале следующего месяца во Францию; в один из дней своего пребывания в Париже он готов был с ними пообедать. Если бы в оставшееся до встречи время они изложили свой проект письменно, он бы его с удовольствием изучил. Жан-Ив пошел сообщить эту новость Валери: она только рот раскрыла. Годовой оборот TUI составлял двадцать пять миллиардов франков, в три раза больше, чем у Неккермана, в шесть раз больше, чем в "Нувель фронтьер"; это был крупнейший в мире туроператор.

Вся неделя ушла на то, чтобы подготовить технико-экономическое обоснование проекта. Значительных капиталовложений он не требовал: обновить кое-что из мебели, отделку помещений изменить, разумеется, полностью, сделать интерьер более "эротичным" — в документах они единодушно решили употреблять термин "галантный туризм". Но главное, они ожидали существенного сокращения расходов: не нужно организовывать спортивные мероприятия и развлечения для детей; не нужно выплачивать зарплаты дипломированным патронажным сестрам, инструкторам по сер-

фингу, специалистам по икебанае, эмали или росписи по шелку. Жан-Ив прикинул бюджет и с удивлением обнаружил, что с учетом амортизации и всего такого годовая себестоимость клубов снижалась на 25 процентов. Он пересчитал трижды, но результат получался один и тот же. Между тем он намеревался повысить тарифы на 25 процентов по сравнению с нормой по данной категории, то есть, грубо говоря, приблизиться к стандартам "Club Med". Таким образом, прибыль одним махом возрастала на 50 процентов.

— Твой приятель — гений, — сказал он Валери, когда она заглянула к нему в кабинет.

В "Авроре" все последнее время ощущалась нервозность. Побоища, вроде субботнего, случались в Эври не впервые, но итог — семеро убитых — всех ошеломили. Многие сотрудники, особенно те, кто работал на фирме с самого ее основания, жили по соседству. Для них, одновременно с возведением офиса, были сооружены многоквартирные дома; потом некоторые взяли ссуды и построили себе виллы.

— Мне жаль этих людей, — сказала Валери, — искренне жаль. Они все мечтают поселиться на старости лет в каком-нибудь тихом провинциальном городке, а теперь у них возникнут большие проблемы с переездом. Я говорила, например, с телефонисткой: ей осталось до пенсии три года; она хотела бы купить дом в Дордони, откуда сама родом. Но там сейчас всю селятся англичане, и потому цены даже на самую жалкую лачугу выросли баснословно. Здесь же цена ее дома рухнула в один день: все узнали, что это опасное предместье; больше чем за треть стоимости дом не продать. Еще меня поразили секретарши на третьем этаже. Я зашла к ним в половине шестого на-

печатать одну бумагу; они все что-то искали в Интернете: оказалось, выбирали продукты. Ходить вечером по магазинам они боятся; с работы — прямым домой, запираются и ждут, когда им доставят заказ.

В последующие недели психоз не ослаб и даже продолжал нарастать. Пресса только и твердила что о зарезанных преподавателях, изнасилованных учительницах, пожарных машинах, взорванных бутылками с “коктейлем Молотова”, инвалидах, выброшенных в окно электрички из-за того, что косо взглянули на главаря банды. Газета “Фигаро” с наслаждением нагнетала обстановку; почитать ее, так создавалось впечатление, что мы на пороге гражданской войны. Понятно, началась предвыборная кампания; если Лионеля Жоспена и было в чем упрекнуть, то как раз в нерешенной проблеме безопасности. Впрочем, маловероятно, чтобы французы могли снова проголосовать за Жака Ширака: он выглядел таким кретином, что одним своим видом наносил урон престижу страны. Когда этот глуповатый детина, заложив руки за спину, посещал сельскохозяйственную ассоциацию или присутствовал на встрече глав государств, на него было больно смотреть, всем сразу становилось за него неловко. Левое правительство, явно неспособное остановить рост насилия, держалось хорошо: проявляло скромность, соглашалось, что статистика печальна, даже угрожающа, призывало не использовать ее в политических целях, напоминая, что и правые в свое время успехов на этом поприще не добились. Только однажды у них вышел срыв: некто Жак Аттали¹ опубликовал дурацкую ста-

1 Жак Аттали — известный политик и финансист, в прошлом советник Ф.Миттерана и первый директор ЕБРР.

тью, где утверждал, что бесчинства молодежи в рабочих поселках есть в действительности “крик о помощи”; что витрины в торговом комплексе Ле Аль и на Елисейских полях “в глазах неимущих выглядят непристойно”. Не следовало, мол, забывать и о том, что население предместий — это “пестрая мозаика народов и рас, которые привезли с собой свои традиции и верования, чтобы переплавить их в новую культуру и воссоздать искусство жить сообща”. Валери посмотрела на меня с удивлением: впервые я рассмеялся, читая журнал “Экспресс”.

— Если Жоспен хочет, чтоб его избрали, — сказал я, протягивая ей статью, — ему следует заткнуть этому писаке рот до второго тура.

— Я смотрю, ты становишься стратегом...

Смех смехом, но общее беспокойство начинало передаваться и мне. Валери теперь снова засиживалась на работе допоздна, раньше девяти, как правило, не возвращалась; я начал подумывать, не обзавестись ли оружием. Вспомнил об одном типе — брате художника, чью выставку я организовывал два года назад. Парень не то чтобы принадлежал к преступному миру, но кое-какими сомнительными делишками иногда занимался. По натуре он был изобретатель, мастер на все руки. Недавно, например, он рассказал брату, что нашел способ изготавливать фальшивые удостоверения личности — а власти-то уверяли нас, что документы нового образца полностью защищены от подделок.

— Даже и не думай, — ответила Валери. — Мне ничего не угрожает: днем я не выхожу из офиса, а вечером всегда возвращаюсь на машине.

— Мало ли, остановишься на светофоре...

— От здания “Авроры” до автострады — всего один светофор. С автострады я съезжаю у заставы Италии и сразу оказываюсь дома. Наш квартал совсем не опасен.

И действительно, в нашем Чайнатауне нападения и грабежи случались крайне редко. Как уж там китайцы управлялись, не знаю: может, у них какая собственная система наблюдения? Нас, во всяком случае, они заприметили, как только мы сюда переехали; по меньшей мере человек двадцать с нами регулярно здоровались. Европейцы селились здесь не часто, в нашем доме они составляли очевидное меньшинство. В подъезде время от времени появлялись рукописные объявления иероглифами, приглашавшие, как я полагаю, на собрания или праздники. Но что за собрания, какие праздники? Можно годами жить среди китайцев и так ничего о них и не узнать.

Я все-таки разыскал брата того художника, он обещал выяснить и два дня спустя перезвонил: есть, дескать, приличный револьвер в хорошем состоянии с порядочным запасом патронов за две тысячи франков. Надо только его регулярно чистить, чтобы в нужный момент он не подвел. Я изложил все это Валери, но она и слушать не захотела.

— Я все равно не смогу выстрелить, — ответила она.

— А если тебе будет грозить смертельная опасность?

Она покачала головой и повторила:

— Нет, это исключено.

Я не стал настаивать.

— Когда я была маленькой, — сказала она как-то в другой раз, — я даже курицу не могла убить.

По правде говоря, я тоже; но мне казалось, что человека застрелить проще.

За себя я, как ни странно, нисколько не боялся. Правда, я почти и не сталкивался с этими *бандами варваров*, если только в обеденный перерыв, когда ходил прогуляться в Ле Аль, но там порядок обеспечивали столько различных служб (жандармерия, полиция, охранники, нанимаемые ассоциацией коммерсантов), что теоретически опасаться было нечего. Я бродил под бдительным присмотром людей в форме и чувствовал себя как зверь в зоопарке Туари. Я не сомневался, что в отсутствие стражей порядка стану легкой добычей, хотя и неинтересной: выглядел я заурядно, одет как среднеоплачиваемый чиновник — вряд ли кто обратит на такого внимание. Меня эти юные выходцы из *опасных слоев* тоже нисколько не привлекали, я их не понимал и понять не стремился, увлечениям их не симпатизировал, ценностей не разделял. Сам бы я и мизинцем не пошевелил, чтобы приобрести часы “Ролекс”, кроссовки “Найк” или новую модель BMW Z3; мне, собственно, никогда не удавалось обнаружить разницу между фирменными товарами и обычными. С точки зрения общества, я был, разумеется, неправ. Я отчетливо сознавал, что принадлежу к меньшинству, а следовательно, заблуждаюсь. *Должно* же, понятно, существовать различие между рубашками “Ив Сен Лоран” и остальными, между ботинками “Гуччи” и “Андре”. Различия этого не замечал я один, вероятно, в силу какой-то своей ущербности, и, значит, гордиться мне было нечем и осуждать мир не за что. Не может же слепой заделаться экспертом по живописи постимпрессионистов. Своей неумышленной слепотой я ставил себя вне реалий современной жизни, реалий весьма суще-

ственных, коль скоро они порождают такие страсти и толкают на преступления. Полудикие юнцы инстинктивно тянулись к красоте; их стремления, таким образом, надо признать похвальными и соответствующими социальным нормам; требовалось только найти более адекватный способ их выражения.

Между тем, если вдуматься, Валери и Мари-Жанна, единственные женщины, ощутимо присутствовавшие в моей жизни, проявляли полнейшее безразличие к блузкам “Кензо” и сумочкам “Прада”; насколько мне известно, они покупали вещи, не обращая внимания на этикетку. Жан-Ив, самый высокооплачиваемый человек из всех моих знакомых, отдавал предпочтение поло “Лакост”, но делал это в некотором роде машинально, по старинной привычке, не удосуживаясь проверить, не обошел ли его излюбленную фирму какой-нибудь новомодный конкурент. Некоторые сотрудницы в Министерстве культуры, которых я знал в лицо (да и то не очень хорошо, поскольку от встречи до встречи успевал забыть их имя, фамилию, должность и само лицо), покупали *дизайнерскую одежду*, но у молодых никому не известных модельеров, выставявшихся в одном-единственном бутике в Париже; а случись этим дизайнерам прославиться, министерские дамы расстались бы с ними без сожаления.

“Найк”, “Адидас”, “Армани”, “Вюиттон” обладали, однако, неоспоримым могуществом; при необходимости я мог легко в этом убедиться, открыв розовые страницы “Фигаро”. Но кто же именно, кроме юнцов из предместий, обеспечивал этим фирмам успех? Существовали, стало быть, какие-то слои общества, о которых я понятия не имел; если, конечно, речь не идет банальнейшим образом о богатеях из стран третьего ми-

ра. Я мало путешествовал, мало жил и потому, совершенно ясно, плохо разбирался в современном мире.

Двадцать седьмого сентября состоялось собрание одиннадцати руководителей курортных городков “Эльдорадор”, созданных по такому случаю в Эври. В принципе подобные мероприятия проводились каждый год, чтобы подвести итог летнего сезона и наметить планы на будущее. Но на этот раз собравшихся ожидали серьезные перемены. Три городка переходили в другие руки — контракт с Неккерманом уже подписали. А еще в четырех клубах — тех, что отводились “Афродите”, — руководителям предстояло уволить половину персонала.

Валери на собрании не присутствовала, она встречалась с представителем “Италтрава”, знакомила его с новым проектом. По сравнению с Северной Европой итальянский рынок очень раздроблен: “Италтрава” хоть и являлся первым туроператором Италии, его капитал не составлял и десятой доли TUI; тем не менее соглашение с ним помогло бы обеспечить дополнительный приток клиентов.

Она вернулась со встречи около семи часов; Жан-Ив сидел один у себя в кабинете; собрание только что закончилось.

— Как они восприняли?

— Плохо. Я их понимаю — они же чувствуют, что и сами на волоске.

— Ты собираешься менять руководителей?

— Новый проект лучше запускать с новой командой.

Он произнес это совершенно спокойным голосом. Валери взглянула на него с удивлением: в последнее время он стал держаться уверенней и жестче.

— Я больше не сомневаюсь, что мы на верном пути. В обеденный перерыв я отвел в сторону руководителя курорта Бока Чика, в Санто-Доминго. Решил выяснить всю правду: каким образом он умудряется заполнять гостиницу на девяносто процентов в любое время года. Он смутился, стал выкручиваться, говорить, что у него слаженная команда. В конце концов я его прямо спросил, разрешает ли он отдыхающим приводить в номера девиц; он никак не хотел сознаваться. Боялся наказания. Пришлось сказать ему, что меня это нисколько не шокирует и я даже приветствовал бы такую инициативу. Тогда он признался. Это глупо, объяснял он, что отдыхающие, рискуя попасть в какую-нибудь неприятную историю, снимают комнату в деревне за два километра, без удобств, без горячей воды, когда в гостинице полный комфорт. Я его похвалил и пообещал, что он сохранит свое место, возможно, один из всех.

Стемнело, Жан-Ив зажег лампу на столе, помолчал.

— Из-за остальных я переживать не стану, — продолжал он. — Они все примерно одного склада. Все из аниматоров, вовремя приехали, имели любых баб, каких хотели, ни черта не делали, потом решили, что, став начальниками, будут бить баклуши на солнышке до самой пенсии. Их время прошло. Теперь мне нужны профессионалы.

Валери сидела скрестив ноги и молча на него смотрела.

— Кстати, что там с “Италтравом”?

— Все в порядке. Нет проблем. Он сразу понял, что я называю “галантным туризмом”, и даже попробовал со мной позаигрывать... С итальянцами хорошо иметь дело: всегда знаешь, чего от них ждать...

Короче, он пообещал внести наши клубы в свой каталог, но предупредил, чтобы мы на многое не рассчитывали: “Италтрав”, конечно, крупная фирма, поскольку объединяет множество различных турагентств, но как марка особого веса не имеет. В список он нас внесет, а имя мы должны сделать себе сами.

— Что у нас с Испанией?

— Налажен контакт с “Марсансом”. Ситуация схожая, но испанцы более честолюбивы, в последнее время пытаются зацепиться во Франции. Я опасалась, что они увидят в нас конкурентов, однако нет; как они полагают, мы будем друг друга дополнять. — Она задумалась, потом спросила: — А мы-то что делаем во Франции?

— Еще толком не решил... Глупо, конечно, но я боюсь, что пресса развернет кампанию за чистоту нравов. Разумеется, надо бы провести опрос, исследовать рынок, опробовать концепцию...

— Ты же в такие вещи никогда не верил.

— Не верю, это правда... — Он помялся. — В общем, я не склонен особенно раскручиваться во Франции, только через сеть “Авроратур”. Реклама в специализированных журналах, вроде “FHM” или “Эхо саванн”. Но на первых порах нацеливаться на Северную Европу.

На следующую пятницу была назначена встреча с Готфридом Рембке. Накануне вечером Валери сделала себе расслабляющую маску и легла спать очень рано. В восемь часов, когда я проснулся, она была уже готова. Выглядела умопомрачительно. На ней был черный костюм с очень короткой юбкой, туго обтягивающей зад; под пиджак она надела кружевную сиреневую блузку, облегающую и кое-где просвечи-

вающую, а под блузку — ярко-красный бюстгальтер, оставляющий наполовину открытой высоко поднятую грудь. Когда она села возле кровати, я обнаружил на ней черные чулки и пояс. Губы она накрашила темно-красной помадой с фиолетовым оттенком, волосы забрала в пучок.

— Впечатляет? — спросила она с сарказмом.

— Еще как! Ох уж эти женщины... — вздохнул я. — Умеют себя подать.

— Это у меня официальный наряд соблазнительницы. Но я надела его еще и для тебя; я знала, тебе понравится.

— Вернуть эротику на предприятия и в учреждения... — пробурчал я.

Она подала мне чашку кофе.

До самого ее ухода я только и делал, что смотрел, как она движется, садится, встает. Такой пустяк, но “впечатляло” — слов нет. Когда она клала ногу на ногу, в верхней части ляжки появлялась темная полоса, оттенявшая тонкость нейлонового чулка. Если она скрещивала ноги еще сильнее, показывалась полоска черного кружева, а дальше — застежка пояса и белая плоть ляжки и основания ягодиц. Она меняла положение ног — и все исчезало. Наклонялась над столом — и я чувствовал, как трепещет ее грудь. Я мог бы любоваться ею часами. Такая простая, невинная, бесконечно блаженная радость; обещание счастья в чистом виде.

Встреча была назначена на час в ресторане “Ле Дивеллек” на улице Юниверсите; Жан-Ив и Валери приехали на пять минут раньше.

— С чего начнем разговор? — волновалась Валери, вылезая из такси.

— Скажешь, хотим, дескать, открыть бордели для бошей, — Жан-Ив устало улыбнулся. — Да не волнуйся, он сам задаст все вопросы.

Готфрид Рембке появился ровно в час. Они узнали его в ту минуту, как он вошел в ресторан и протянул пальто швейцару. Плотная, солидная фигура, лоснящийся череп, открытый взгляд, крепкое рукопожатие: в нем чувствовалась раскованность и энергия, он как нельзя лучше соответствовал образу крупного предпринимателя, в особенности немецкого. Так и виделось: целый день на ногах, утром встает с постели одним прыжком и полчаса занимается на велотренажере, а потом в новехоньком “мерседесе” катит на службу, слушая по дороге новости экономики.

— Выглядит потрясающе, — пробурчал Жан-Ив и, расплывшись в улыбке, поднялся ему навстречу.

Первые десять минут герр Рембке говорил только о еде. Оказалось, он прекрасно знает Францию, французскую культуру, рестораны, имеет собственный дом в Провансе. “Безупречен”, — повторял про себя Жан-Ив, уставившись в свое консоме из лангустин с кюрасо. “Что ж, пободаемся”, — подумал он еще, опуская ложку в тарелку. Валери держалась превосходно: слушала внимательно, глаза ее восторженно блестели. Поинтересовалась, где именно в Провансе находится дом, часто ли ему удается там отдыхать и т. д. Сама она заказала сальми из крабов с лесными ягодами.

— Итак, — продолжила она тем же тоном, — вас заинтересовал наш проект?

— Видите ли, — начал он основательно и неторопливо, — нам известно, что “галантный туризм”, — произнося эти два слова, он как бы слегка запнулся, — составляет одну из основных мотиваций поез-

док наших отпускников за границу, *и их можно понять: лучшего отдыха не придумаешь*. Примечательно между тем, что ни одна компания до сих пор все-ррез не занималась этим вопросом, если не считать нескольких мелких проектов для гомосексуалистов. Но в целом, как ни удивительно, перед нами совершенно девственный участок.

— Проблема вызывает споры, я думаю, общественное мнение еще не доросло... — вмешался Жан-Ив, сам понимая, что говорит ерунду, — ни на том, ни на другом берегу Рейна, — закончил он и стушевался.

Рембке метнул на него холодный взгляд, словно бы заподозрив его в насмешке; Жан-Ив снова устался в свою тарелку и дал себе слово молчать до конца обеда. Валери и без него справлялась великолепно.

— Не стоит переносить французские проблемы на Германию, — вставила она, невиннейшим движением кладя ногу на ногу, и Рембке переключил внимание на нее.

— Наши соотечественники, — сказал он, — поневоле предоставленные сами себе, нередко становятся добычей сомнительных посредников. Все, что тут делается, — непрофессионально, и это огромный пробел в нашей работе, который еще предстоит заполнять.

Валери с готовностью согласилась. Официант подал морского окуня с зеленым инжиром. Мельком взглянув на блюдо, Рембке продолжал:

— Ваш проект заинтересовал нас еще и потому, что он полностью опрокидывает традиционное представление о клубах отдыха. То, что было хорошо в семидесятые годы, не отвечает запросам современного потребителя. Взаимоотношения между людьми на

Западе затруднены — о чем мы, разумеется, сожалеем, — добавил он и снова взглянул на Валери, а та опустила ногу на пол и улыбнулась.

Когда в четверть седьмого я вернулся с работы, она была уже дома. Я замер от удивления: такое случилось, по-моему, впервые за все время нашей совместной жизни. Не сняв костюма, она сидела на диване, чуть расставив ноги, устремив взгляд в пространство, и, казалось, думала о чем-то очень приятном. Я тогда не понял, что присутствую при своего рода профессиональном оргазме.

— Ну как, удачно? — спросил я.

— Более чем. После обеда я отправилась домой, не заезжая на работу; полагаю, на этой неделе мы и так превзошли себя. Он не просто заинтересовался проектом, но намерен сделать его гвоздем своей программы уже этой зимой. Он готов финансировать издание каталога и специальную рекламную кампанию для немецкой публики. Уверен, что сможет через свои агентства заполнить все ныне существующие клубы; спросил даже, не разрабатываем ли мы еще какие-нибудь проекты. Единственное, что он желает получить взамен, — эксклюзивность на своем рынке: Германия, Австрия, Швейцария, Бенилюкс; он знает, что мы в контакте с Неккерманом. На выходные я заказала номер в центре талассотерапии в Динаре, — добавила она. — Думаю, мне это необходимо. И к моим родителям сможем заглянуть.

Через час мы уже сидели в скоростном поезде, отходящем с вокзала Монпарнас. Очень скоро накопившееся напряжение начало спадать, и она снова стала нормальной, то есть сексуальной и веселой. Послед-

ние дома нескончаемых предместий уже остались позади; подъезжая к долине Юрпуа, поезд набрал максимальную скорость. На западе, над элеваторами, догорали, тускнея, красноватые отсветы заката. Мы сидели в вагоне первого класса, разделенном на полкупе; на столиках между нашими креслами уже зажглись желтые лампочки. Через проход от нас дама лет сорока, элегантная блондинка с пучком, просматривала “Мадам Фигаро”. Сам я тоже купил “Фигаро” и безуспешно пытался проникнуться интересом к розовым страницам. Я уже несколько лет вынашивал идею, что можно познать мир и ход его развития, абстрагируясь от политики, общественной жизни и культуры; что можно почерпнуть правильное представление об историческом процессе из одной только экономической и биржевой информации. Я ежедневно принуждал себя к чтению розовых страниц “Фигаро”, иногда прибавляя к ним еще более тошнотворные публикации в “Эко” или “Трибюн Дефоссе”. До сих пор моя гипотеза однозначного подтверждения не находила. Вполне вероятно, что в нудных редакционных статьях и колонках цифр таились важные исторические сведения; но и прямо противоположный вывод тоже не исключался. Безусловно я понял только одно: экономика — чудовищно скучная штука. Оторвав взгляд от заметки, анализировавшей падение индекса Nikkei, я увидел, что Валери снова, как утром, закидывает ногу на ногу и лукаво улыбается. “Схождение миланской биржи в ад”, прочитал я еще, откладывая газету. И тут мгновенно почувствовал эрекцию, поскольку обнаружил, что Валери исхитрилась снять трусики. Затем она подсела ко мне вплотную, скинула пиджак и положила его мне на колени. Я покосился вправо: блондинка по-прежнему

изучала свой журнал, если точнее, — статью о зимних садах. На ней был костюм с облегающей юбкой, черные чулки; словом, соблазнительная дамочка. Валери скользнула рукой под расстеленный у меня на коленях пиджак и сразу достигла цели; тонкие брюки нисколько не сглаживали остроту ощущений. Уже совсем стемнело. Я сел поглубже и просунул руку ей под блузку, потом дальше — под лифчик, обхватил ладонью ее правую грудь и стал теревить сосок большим и указательным пальцем. Когда мы проезжали Ман, она расстегнула мне ширинку. Рука ее производила совершенно недвусмысленные движения, и соседка, я убежден, прекрасно видела все наши маневры. Когда тебя гладит опытная рука, удержаться, на мой взгляд, невозможно. Вблизи Ренна я со сдавленным криком кончил.

— Пиджак придется отдать в чистку... — спокойно прокомментировала Валери. Соседка посмотрела на нас, не скрывая улыбки.

Я все-таки немного смутился, увидев, что она садится с нами в один автобус, отправляющийся в центр талассотерапии, а Валери — нисколько; напротив, она даже завела с ней разговор о разных лечебных процедурах. Я лично никогда не понимал достоинств грязевых ванн, обливаний, обертывания водорослями и на другое утро решил ограничиться бассейном. Я лежал на спине, смутно ощущая наличие подводных течений, якобы осуществлявших массаж спины, и тут меня окликнула Валери.

— Вчерашняя дамочка из поезда заигрывала со мной в джакузи... — возбужденно сообщила она. Я выслушал, не реагируя.

— Она сейчас в турецкой бане одна, — не отставала Валери.

Я накинул халат и последовал за ней. У входа в баню я снял плавки, и мой пенис оттопырил махровую полу халата. Я пропустил Валери вперед; мы окунулись в клубы пара, такого густого, что в двух метрах ничего не видно. Запах эвкалипта действовал одурманивающе. Я замер в горячей белой пустоте, но очень скоро услышал стоны в глубине помещения и, развязав пояс халата, направился туда; кожа моя покрылась капельками пота. Валери стояла перед блондинкой на коленях и, обхватив ее ягодицы руками, лизала ей клитор. Красивая женщина, ничего не скажешь: идеально круглая силиконовая грудь, правильные черты лица, большой чувственный рот. Мне она несколько не удивилась и сразу безошибочно нащупала мой член. Я зашел сзади и, поглаживая ей грудь, стал тереться головкой о ее мягкую плоть. Она расставила ноги пошире, нагнулась вперед, оперлась руками о стену. Валери порвалась в кармане халата и протянула мне презерватив, не переставая другой рукой убажывать блондинку. Я вошел в нее с легкостью, она уже ждала меня, только нагнулась чуть сильнее. В эту минуту я почувствовал, как рука Валери, скользнув у меня между ляжками, сжала мои яйца. Затем она снова прильнула губами к клитору блондинки, а я при каждом движении ощущал прикосновение ее языка. Когда дама кончала с радостным стоном, я напряг мышцы изо всех сил и потом медленно вышел. Пот лился с меня градом, я тяжело дышал и с трудом стоял на ногах; пришлось сесть на скамейку. Все плавало в клубах пара. Над головой я слышал звук поцелуя и поднял глаза: они обнимались, прижавшись друг к другу грудью.

После обеда мы с Валери занимались любовью, потом еще раз вечером. И снова утром. Непривычное

для нас неистовство объяснялось просто: мы понимали, что по возвращении в Париж наступит тяжелый период: Валери придется работать до одури, на нее навалятся проблемы, расчеты. Погода стояла теплая, на небе — ни облачка, вряд ли до начала осени нам еще выпадут такие выходные. В воскресенье утром, после любовных игр, мы долго гуляли по пляжу. Я с удивлением осматривал безвкусные здания гостиниц, построенных в неоклассическом стиле. Дойдя до конца пляжа, мы присели на камнях.

— Ваша встреча с немцем, наверное, была очень важной, — сказал я. — Думаю, это начало нового этапа.

— Это в последний раз, Мишель. Если все удастся, дальше заживем спокойно.

Я посмотрел на нее с сомнением и грустью. Я не слишком полагался на такого рода заверения, они напоминали мне заявления политиков — я читал это в книгах по истории — о самой распоследней войне, которая потом приведет к окончательному миру.

— Ты же сама мне объясняла, — сказал я тихо, — что капитализм — это перманентная война, борьба без конца.

— Так-то оно так, — парировала она уверенно, — но не обязательно борются одни и те же люди.

Чайка снялась с места, взмыла ввысь и полетела в сторону океана. Здесь, на краю пляжа, мы были совсем одни. Динар — тихий курорт, по крайней мере, в это время года. К нам подскочил лабрадор, обнюхал нас и убежал назад, хозяева остались где-то далеко.

— Пойми, — настаивала она, — если все пойдет, как мы рассчитываем, мы распространим проект на многие страны. В одной только Латинской Америке

есть Бразилия, Венесуэла, Коста-Рика. Не составит труда открыть клубы в Камеруне, Мозамбике, на Мадагаскаре и Сейшельских островах. В Азии уже сейчас возможностей предостаточно: Китай, Вьетнам, Камбоджа. В два-три года мы станем бесспорными лидерами; никто не осмелится лезть на наш рынок: у нас будет конкурентное преимущество.

Я ничего не ответил, не нашелся; сам же ведь все и придумал. Прилившая волна лизала песок и таяла у наших ног.

— И потом, — продолжала она, — на этот раз мы попросим крупный пакет акций. Если мы добьемся успеха, они не смогут отказать. Акционеры в борьбе не участвуют: за них борются другие.

Она замолчала, поглядела на меня в раздумье. Она рассуждала правильно, логично. Поднимался ветер, я почувствовал, что проголодался. В гостинице кормили превосходно: свежайшие дары моря, изысканно приготовленная рыба. Мы пошли назад по мокрому песку.

— У меня есть деньги... — сказал я неожиданно для себя. — Не забывай, что у меня есть деньги.

Она остановилась и посмотрела на меня с удивлением; я и сам немного растерялся.

— Я знаю, теперь не принято жить на содержании у мужчины, — продолжал я смущенно, — но мы не обязаны поступать как все.

Она спокойно посмотрела мне в глаза.

— Когда ты получишь деньги за дом, у тебя будет в общей сложности не более трех миллионов франков... — сказала она.

— Да, немного меньше.

— Этого мало; ну, скажем, недостаточно. Надо добавить еще чуть-чуть. — Некоторое время она шла

молча, потом, когда мы входили на террасу ресторана, добавила: — Положись на меня...

После обеда, перед самым отъездом, мы заглянули к родителям Валери. Она объяснила им, что ей предстоит много работать и вряд ли она выберется к ним до Рождества. Отец понимающе улыбнулся, а я подумал: она хорошая дочь, внимательная, и любовница чувственная, ласковая, смелая; и матерью, если доведется, будет любящей и разумной. "Ее ступни из золота, а ноги как колонны Иерусалимского храма". Я по-прежнему не понимал, что я все-таки сделал, чем заслужил такую женщину, как Валери. Возможно, ничем. Я констатирую, что мир устроен так-то и так-то, я прихожу к этому эмпирическим путем; ничего иного мне не дано.

В конце октября скончался отец Жан-Ива. Одри отказалась ехать на похороны; Жан-Ив и не рассчитывал, что она поедет, просто предложил для порядка. Похороны ожидалось скромные: он был единственным ребенком, родственников соберется немного, друзей того меньше. Его отец удостоится некролога в вестнике выпускников Высшей сельскохозяйственной школы тропических культур; и на этом всё: след оборвется; в последнее время он ни с кем не встречался. Жан-Ив никогда не понимал, что заставило отца, выйдя на пенсию, поселиться в этом унылом, чуждом для него захолустье. Наверное, врожденная склонность к мазохизму, в той или иной степени наложившая отпечаток на всю его жизнь. Блистательно окончив институт, он выбрал скучную работу инженера на производстве и увяз в ней. Он всегда мечтал о дочери, но сознательно ограничился одним ребенком — сыном, чтобы, дескать, дать ему лучшее образование; аргумент, впрочем, не слишком убедительный, поскольку зарабатывал он неплохо. С женой его, похоже, связывала не столько любовь, сколько привычка; успехами сына он, надо полагать, гордился, но вслух никогда ничего не высказывал. У него не было хобби, он ничем не увлекался, только кроликов разводил и

решал кроссворды в газете “Републик дю Сантр-Уэст”. Мы склонны подозревать в каждом человеке скрытую страсть, тайну, душевный надлом — и зря; если бы отцу Жан-Ива случилось поведать о своих сокровенных переживаниях, рассказать, в чем ему видится смысл бытия, наверное, он бы только констатировал легкое разочарование. Излюбленная мысль отца, лучше всего характеризующая его жизненный опыт, мысль, которую Жан-Ив слышал чаще всего, укладывалась в одно слово: “Стареем”.

Мать оплакивала его смерть, как и подобает вдове — все-таки столько лет прожили вместе, — но не выглядела убитой горем.

— Он очень опустил... — вздыхала она.

Причина смерти осталась, собственно, неясной, казалось, он просто устал от жизни, отчаялся.

— Ему уже ничего не хотелось... — вспоминала мать. Такое вот у нее получилось надгробное слово.

Отсутствие Одри не прошло, разумеется, незамеченным, однако во время церемонии мать вопросов задавать не стала. Ужин был скудным, примитивным — впрочем, она никогда не умела хорошо готовить. Жан-Ив понимал, что она обязательно заведет разговор о его семейных делах. В данной ситуации уклониться от него будет сложно: не включишь же телевизор, как он это делал обычно. Убрав посуду, мать села напротив него, положив локти на стол.

— Как у тебя с женой?

— Да никак...

Он начал рассказывать об их отношениях, и ему самому скучно стало; в конце концов объявил, что собирается разводиться. Мать ненавидела Одри, считала, что та намеренно лишает ее внуков, и отчасти была права, но, с другой стороны, внуки к ба-

бушке не очень-то и рвались. Сложись все иначе, они бы, конечно, к ней привыкли, во всяком случае Анжелика — в три года еще не поздно. Но это — если бы все сложилось иначе, и их жизнь была бы другой, и все такое прочее. Жан-Ив посмотрел на мать: седеющий пучок, суровые черты не располагали к нежности или любви; сама она, насколько он помнил, никогда не была склонна к ласкам; еще труднее вообразить ее в роли чувственной любовницы. Ему пришло в голову, что отец, наверное, всю жизнь чертовски скучал. От этой мысли его передернуло, он даже сжал руками край стола: теперь уже ничего не поправишь, поздно. Он напрягся, пытаясь вспомнить отца веселым, счастливым, искренне радующимся жизни. Кажется, что-то подобное случилось однажды, когда отец объяснял ему, пятилетнему мальчику, как обращаться с механическим конструктором. Отец любил технику, действительно очень любил, и Жан-Ив помнил, как он огорчился, когда узнал, что сын собирается посвятить себя коммерции; неужели и вправду одной любовью к технике можно заполнить жизнь?

На другое утро он прогулялся по саду, в сущности, чужому для него, с этим садом его не связывали воспоминания детства. Кролики беспокойно вертелись в клетках, их еще не кормили; мать, конечно, возиться с ними не станет и сразу же продаст. Получается, кролики больше всех потеряли, больше всех пострадали от смерти отца. Жан-Ив взял пакет с кормом, пригоршнями рассыпал по кормушкам — в память об умершем.

Он уехал рано, перед началом передачи Мишеля Дрюккера, но это не спасло его от нескончаемых про-

бок, в которых он застрял, не доезжая Фонтенбло. Он включил приемник, послушал одну станцию, другую; выключил. Время от времени поток машин продвигался на несколько метров; слышалось только урчание моторов и удары редких капель дождя о ветровое стекло. Это меланхолическое бессодержательное бездействие отвечало его настроению. Одно приятно, положительную эмоцию он все-таки испытает за эти выходные: не увидит вечером Жоанны; он наконец решил ее выгнать. Новую няню звали Евхаристия, ее порекомендовала соседка; девушка была родом из Дагомеи, серьезная, прилежная, в пятнадцать лет училась уже в предвыпускном “естественнонаучном” классе. Она хотела стать врачом, возможно, педиатром; с детьми управлялась исключительно ловко. Исхитрялась оторвать Никола от компьютерных игр и уложить спать до десяти часов — им с женой такое никогда не удавалось. С Анжеликой обращалась ласково, давала ей полдник, купала, играла с ней; малышка ее обожала.

Домой он добрался в половине одиннадцатого, совершенно разбитый; Одри, насколько он помнил, проводила уикенд в Милане и собиралась наутро прямо с самолета поехать на работу. После развода она уже не сможет так шиковать, подумал он не без злорадства; понятно, отчего она оттягивает решающий разговор. Впрочем, она, разумеется, не станет разыгрывать возврат любви и прилив нежности, и это можно поставить ей в заслугу.

Евхаристия сидела на диване и читала “Жизнь, способ употребления” Жоржа Перека в карманном издании; дома все было в порядке. Он предложил ей апельсиновый сок, себе налил коньяку. Обычно, когда он возвращался, она рассказывала ему, как про-

шел день и что она делала с детьми; это занимало несколько минут, потом она уходила. На этот раз, наливая себе вторую рюмку коньяку, он понял, что совсем не слушал ее.

— У меня умер отец... — сказал он, и события последних дней снова всплыли перед глазами. Евхаристия мгновенно замолчала и посмотрела на него в замешательстве; она не знала, как ей себя вести, но очевидно было, что он завладел ее вниманием.

— Мои родители не были счастливы... — сказал он еще, и это соображение его добило: оно словно бы ставило под вопрос его, Жан-Ива, существование, в некотором роде отрицало его право на жизнь. Он родился в результате неудачного, несчастливого, неизвестно зачем возникшего союза.

Он с беспокойством огляделся: очень скоро, через несколько месяцев он навсегда уйдет из этой квартиры, не увидит больше ни этих штор, ни кресел, ничего; от этой мысли все вещи вокруг начали утрачивать материальность, консистенцию. Жан-Ив смотрел на них, как на мебель в витрине закрытого магазина или в каталоге, словом, как на что-то нереальное. Он встал, пошатываясь, подошел к Евхаристии и крепко сжал ее в объятиях. Затем просунул руку под свитер: ее тело было живым, реальным. Тут он опомнился, смутился, замер. Она тоже замерла, перестала сопротивляться. Он посмотрел ей прямо в глаза и поцеловал в губы. Она ответила на поцелуй, толкнулась языком в его язык. Он скользнул рукой дальше, коснулся ее груди.

Они совокупились молча, в спальне; она торопливо разделась и стала коленями на кровать. Кончив, они несколько минут молчали, да и после не говорили об этом. Она снова рассказала ему, как провела

день, чем занималась с детьми; потом сообщила, что на ночь остаться не может.

В последующие три недели они повторяли это много раз, собственно говоря, всякий раз, когда она приходила. Он ожидал, что она заговорит о незаконности их отношений: в общем-то, ей было всего пятнадцать, а ему тридцать пять; он годился ей в отцы. Но, похоже, она воспринимала ситуацию иначе. Как же тогда? Да просто *получала удовольствие*, — понял он вдруг и ощутил волнение и благодарность. В результате его брака у него нарушились нормальные представления о мире; он забыл, что некоторым женщинам *случается заниматься любовью для удовольствия*. У Евхаристии он был не первым мужчиной, она уже попробовала годом раньше с мальчиком из выпускного класса, но с тех пор с ним не встречалась; большого опыта она не имела, в частности, ничего не знала об оральном сексе. Во время первой фелляции он сдержался, чтобы не извергнуть ей в рот, но потом очень скоро заметил, что ей это нравится, что ее это забавляет. Довести ее до оргазма ему обычно не составляло труда; сам же он испытывал огромное наслаждение, когда держал в руках ее гибкое, крепкое тело. Она была умна, любознательна, интересовалась его работой, задавала кучу вопросов: словом, делала все, чего не делала Одри. Жизнь большой фирмы была для нее диковинкой, ей хотелось знать, что там происходит; все эти вопросы она не могла бы задать отцу, а тот не смог бы ответить: он работал в больнице. Короче, его отношения с Евхаристией носили *уравновешенный* характер — удивлялся про себя Жан-Ив, снова сравнивая девушку с женой. Хорошо все-таки, что

старшим ребенком у него был сын; а то он, глядишь, не избежал бы и инцеста; главное, непонятно, почему его нужно избегать.

Три недели спустя Евхаристия сообщила, что у нее появился парень, а потому она предпочитает прервать связь с Жан-Ивом. Увидев, как сильно он огорчился, она сказала, что может иногда делать ему мисет. Он, по правде говоря, не понимал, чем это для нее лучше, но ведь он давно забыл, что чувствуют в пятнадцать лет. Вечерами он приходил домой, и они подолгу болтали о том о сем; когда начать, решала Евхаристия; она раздевалась до пояса, он гладил ее грудь, потом прислонялся к стене, а она опускалась перед ним на колени. По его стонам она точно угадывала приближение кульминации. Тогда она отстраняла лицо и ловкими движениями направляла струю то себе на грудь, то в рот. На лице у нее в эти минуты появлялось радостное детское выражение; вспоминая об этом, он с грустью думал, что для нее любовная жизнь только начинается и она еще составит счастье многих мужчин; он просто случайно встретился на ее пути; что ж, ему, можно считать, повезло.

Еще через неделю в субботу, когда Евхаристия, зажмурившись и раскрыв рот, с воодушевлением начала его ласкать, в комнату неожиданно заглянул Никола. Жан-Ив вздрогнул, отвел взгляд, а когда посмотрел на дверь снова, сына там уже не было. Евхаристия ничего не заметила; она просунула руку между его ног и осторожно сжала мошонку. Жан-Ив испытывал странное ощущение остановившегося времени, на него словно бы снизошло прозрение, и он явственно увидел тупик. Поколения смешались, родство утратило смысл. Он обхватил Евхаристию за голову и

притянул к себе; подсознательно он уже знал, что это у них в последний раз, и хотел насладиться ею. Как только она коснулась его губами, он кончил в несколько приемов, запихнув ей пенис в самое горло и содрогаясь всем телом. Потом она подняла на него глаза; он по-прежнему держал руками ее голову. Она еще минуты две не выпускала пенис изо рта и, закрыв глаза, медленно водила языком по головке. Когда она уходила, он сказал ей, что больше у них ничего такого не будет. Он не смог бы объяснить почему. Конечно, если сын проболтается, связь с няней будет свидетельствовать против Жан-Ива на бракоразводном процессе; но дело не только в этом: он и сам не очень хорошо понимал в чем. Неделю спустя он поведал эту историю мне, при этом постоянно винил себя так, что тяжело было слушать, и просил не говорить Валери. Если честно, я недоумевал и не понимал, в чем, собственно, проблема; я поддакивал ему из любезности, оценивал все “за” и “против”, но его исповедь не задела меня за живое, я как будто смотрел ток-шоу Мирей Дюма.

Зато на работе у них все складывалось благополучно, о чем он мне и сообщил с большим удовлетворением. Некоторое время назад возникли осложнения с новым клубом в Таиланде: чтобы оправдать ожидания клиентов, здесь требовалось открыть секс-бар и массажный салон; а включить их в бюджет гостиницы не представлялось возможным. Жан-Ив позвонил Готфриду Рембке. Глава TUI сразу нашел решение: у него имелся партнер в Таиланде — обосновавшийся на Пхукете китайский предприниматель, он брался выстроить рядом с гостиницей та-

кого рода развлекательный комплекс. Рембке был в превосходном настроении, похоже, дела шли хорошо. В начале ноября Жан-Ив получил экземпляр немецкого каталога и увидел, что составители постарались вовсю. На фотографиях местные девушки позировали с обнаженной грудью и в тонюсеньких трусах или прозрачных юбочках; заснятые на пляже или даже в комнатах, они зазывно улыбались и проводили языком по губам: картина получалась недвусмысленная. Во Франции такое нипочем не издашь, сказал Жан-Ив Валери. И вот что любопытно, — размышлял он вслух, — мы приближаемся к единой Европе, идея объединения государств все больше укореняется в умах, а законодательство в области нравов несколько не унифицируется. В Голландии и Германии проституция узаконена и существует легально, во Франции же многие требуют ее запретить и ввести наказания для клиентов, как это делается в Швеции. Валери посмотрела на него с удивлением: он выглядел странно и вообще, в последнее время все чаще пускался в неконструктивные беспредметные рассуждения. Она между тем выполняла колоссальную работу, методично, холодно, целенаправленно; нередко ей приходилось принимать решения, не советуясь с ним. Она к этому не привыкла, я чувствовал, как ей трудно, как ее терзают сомнения. Генеральная дирекция не вмешивалась, предоставляла им полную инициативу.

— Они выжидают; хотят посмотреть, добьемся ли мы успеха или шею себе свернем, — пожаловалась она мне однажды, едва сдерживая злость. Она была совершенно права, я не мог ничего возразить; такковы правила игры.

Сам я не понимал, почему секс не может стать объектом рыночной экономики. Существует множество способов добычи денег, честных и бесчестных, требующих затраты серого вещества или мускульной силы. Человек получает деньги благодаря своему уму, таланту, силе, мужеству и даже красоте; иногда просто-напросто благодаря удаче. Чаще всего деньги достаются по наследству, как в моем случае; тут, значит, проблему их добывания решало предыдущее поколение. Очень разным людям удавалось разбогатеть на этой земле: спортсменам высокого класса, гангстерам, художникам, манекенщикам, актерам, предпринимателям и ловким финансистам, реже — инженерам, изобретателям. Одни состояния методично накапливались, другие — дерзко завоевывались. Во всем этом многообразии не просматривается единой логики. Зато критерии выбора в сексе отличаются предельной простотой: они сводятся к молодости и физической красоте. И то, и другое, понятно, имеет цену, но не *беспредельную*. В предшествующие века все обстояло иначе: тогда секс все-таки в первую очередь связывался с воспроизводством. Для поддержания человеческого рода необходимо было отбирать особи здоровые, молодые, сильные физически, а красота воспринималась лишь как материальное воплощение совокупности указанных качеств. Сегодня расклад поменялся: красота по-прежнему видится нам ценностью, но ценность эта самодостаточна и имеет денежное выражение. Если сексу и в самом деле суждено стать товаром, лучше всего, разумеется, выразить его стоимость в денежном эквиваленте как самом универсальном, позволяющем определить точную цену уму, таланту, компетенции и

уже обеспечившем стандартизацию мнений, вкусов, образа жизни. Толстосумы, в отличие от аристократов, вовсе не утверждают, что они от рождения непохожи на других людей, утверждают лишь, что они богаче. Деньги абстрактны по своей сути, понятие денег не связано ни с расовой принадлежностью, ни с возрастом, ни с умом, ни с благородством, ни с чем вообще, кроме самих денег. Мои предки-европейцы трудились в поте лица в течение многих веков; они старались покорить мир и преобразить его, в определенном смысле они преуспели. Ими двигала экономическая выгода, любовь к труду, но более всего вера в превосходство своей цивилизации: это они изобрели мечту, прогресс, утопию, будущее. На протяжении всего двадцатого века сознание цивилизаторской миссии постепенно размывалось. Европейцы, по крайней мере некоторые из них, продолжали работать, а то и вкалывать в поте лица, но делали это только из соображений выгоды или из невротической привязанности к своему делу; они утратили ощущение своего естественного права господствовать в мире и направлять ход истории. Благодаря накопленному ранее Европа осталась богатым континентом; но ум и упорство, присущие моим предкам, мне уже не свойственны. Как состоятельный европеец, я мог за меньшие деньги приобрести в других странах пищу, услуги и женщин; как европеец эпохи упадка, в высшей степени эгоистичный и сознающий быстротечность жизни, я не видел причин лишать себя такой возможности. Однако я отдавал себе отчет, что это положение недопустимо, что с такими, как я, обществу не выжить, что такие вообще недостойны жить. Перемены произойдут, они уже происходят, но я, как

ни старался, не ощущал их на себе; мной руководило лишь одно неподдельное желание: выбраться из этого дерьма, да поскорей. Ноябрь выдался холодным, хмурым; Огюста Конта я читал мало. Когда Валери не было дома, я в основном занимался тем, что смотрел в окно на бегущие облака. К вечеру скворцы собирались в огромные стаи и выписывали в небе над Жантйи наклонные круги и спирали; мне казалось, в них заключался какой-то тайный смысл, предвестие апокалипсиса.

Однажды вечером по дороге с работы я встретил Лионеля; мы не виделись почти год, с той самой поездки в Таиланд. Как ни удивительно, я его сразу узнал. Чудно даже, что он мне так хорошо запомнился, ведь я тогда с ним и тремя фразами не перемолвился.

Он сказал, что у него все в порядке. Кружок плотной черной материи закрывал его правый глаз. Производственная травма, что-то там взорвалось; но все сложилось удачно, его вовремя стали лечить, 50 процентов зрения он сохранит. Я пригласил его выпить стаканчик в кафе возле Пале-Рояля. Интересно, узнал бы я сразу Робера, Жозиану и других тогдашних попутчиков? Вполне возможно. Эта мысль меня удручила; получалось, что моя память постоянно заполняется совершенно ненужной информацией. Я человек и потому, естественно, более всего приспособлен к опознанию и запоминанию себе подобных. *Человеку всего полезнее человек.* Я не очень ясно понимал, зачем пригласил Лионеля в кафе, не знал, о чем с ним говорить. Для поддержания беседы спросил, не ездил ли он больше в Таиланд. Он не ездил, и не потому, что не хотел, а потому, что не по карману. Видел ли кого-нибудь из группы? Нет, никого. Тогда я рас-

сказал ему, что встретился с Валери, которую он, может быть, помнит, и что мы теперь живем вместе. Он очень за меня порадовался, мы оба тогда ему приглянулись. Сам он мало куда ездит, тот отпуск в Таиланде — одно из лучших воспоминаний в его жизни. Его простота и наивное стремление к счастью меня растрогали. В эту минуту я испытал душевное побуждение, которое и сегодня еще склонен называть *добротой*. Вообще-то я не добр, это качество мне не свойственно. Человечество в целом мне противно, участь других людей, как правило, безразлична, не припомню даже, чтобы я когда-нибудь испытывал *чувство солидарности*. А в тот вечер я сказал Лионелю, что Валери работает в туристической компании, что они собираются открыть новый комплекс в Краби и я могу без труда достать ему путевку на неделю с пятидесятипроцентной скидкой. Я придумал это на ходу, потому что решил сам за него доплатить. Возможно, в какой-то мере меня тянуло порисоваться; но, по-моему, мне искренне захотелось, чтобы он еще раз в жизни, хоть в течение недели, испытал наслаждение в руках опытных тайских проституток.

Когда я рассказал Валери о встрече с ним, она посмотрела на меня с недоумением; она не помнила, кто такой Лионель. В том-то и заключалась его беда: неплохой парень, но никакой индивидуальности, слишком сдержан, неприметен, о нем нечего вспомнить.

— Хорошо, сделаем, если тебе так хочется, — решила Валери. — Ему не придется платить даже 50 процентов; я как раз собиралась тебе сказать: у меня будут бесплатные приглашения на неделю по случаю открытия клуба, оно приурочено к первому января.

На другой день я позвонил Лионелю и сообщил, что ему предоставляется бесплатная путевка; это было уже слишком, он никак не мог поверить, я с трудом уговорил его согласиться.

В тот день одна юная художница приходила показывать мне свои работы. Ее звали Сандра Эксжтовой-ан или что-то в этом роде, такую фамилию все равно не упомнить; будь я ее агентом, я бы посоветовал ей назваться Сандрой Холлидей. Совсем еще юное создание, в брюках и футболке, внешность самая обычная, лицо, пожалуй, чуть широковато, вьющиеся коротко стриженные волосы; выпускница Школы изящных искусств в Кане. Она пояснила мне, что работает исключительно на своем теле, и полезла в портфель; я наблюдал за ней не без опаски, надеясь, что она не станет показывать мне фотографии пластической операции на пальцах ног или на чем-нибудь еще, — я такого уже вдоволь навидался. Но нет, она протянула мне всего-навсего открытки с отпечатками своей розочки, обмокнутой в краски разных цветов. Я выбрал бирюзовую и сиреневую; пожалел, что не припас фотографий своего удальца, — могли бы обменяться. Маленькие карточки, но, насколько я помнил, Ив Кляйн уже делал подобное более сорока лет назад, а потому мне трудно будет что-либо сказать в защиту ее проекта. Да, да, согласилась она, это так — *упражнения в стиле*. Затем извлекла из картонной папки более сложную композицию, состоящую из двух колесиков различного диаметра, соединенных узкой резиновой лентой; приспособление приводилось в движение маленькой ручкой. На ленте виднелись небольшие выступы, я бы сказал, пирамидальной формы. Я повернул ручку, провел пальцем по двигающейся ленте и ощутил легкое и вполне приятное щекотание.

— Это муляжи моего клитора, — объяснила художница; я отдернул палец. — Я фотографировала его в минуты эрекции с помощью эндоскопа, затем перенесла все в компьютер. Потом в программе 3D восстановила объем, смоделировала и отправила данные на завод.

У меня создалось впечатление, что она не в меру увлекается технической стороной. Я снова крутанул ручку — это получилось машинально.

— Так и хочется потрогать, правда? — обрадовалась она. — Я предполагала еще подсоединить батарейку, чтобы там лампочка загоралась. Как вы думаете?

Я не одобрил: это нарушало простоту замысла. Для современной художницы девушка оказалась вполне симпатичной; я даже подумал, не пригласить ли ее как-нибудь поразвлечься втроем, не сомневаюсь, она бы поладила с Валери. Однако я вовремя спохватился: подобное предложение с моей стороны можно расценить как сексуальное домогательство; я с тоской поглядел на ее изделие.

— Видите ли, — сказал я в итоге, — я занимаюсь в основном финансовой стороной проектов. Что касается эстетики, вам лучше обратиться к мадемуазель Дюрри, — и записал ей на визитной карточке имя и телефон Мари-Жанны: должна же она, наверное, разбираться в клиторах.

Девушка выглядела немного обескураженной, но все-таки протянула мне пакетик с резиновыми пирамидками.

— Я вам их дарю, — сказала она, — мне на заводе много сделали.

Я поблагодарил ее и проводил к выходу. Перед тем как попрощаться, еще спросил, сделаны ли муляжи в натуральную величину.

— Разумеется, — отвечала она, — это входит в концепцию.

В тот же вечер я внимательно изучил клитор Валери. Прежде я его специально не рассматривал; когда я ее ласкал, лизал, я мыслил более общими категориями; мне запомнились позы, ритмы движений; теперь же я долго вглядывался в малюсенький орган, трепыхавшийся у меня перед глазами.

— Что ты там делаешь? — удивилась она, пролежав минут пять с раздвинутыми ногами.

— Создаю эстетическую концепцию, — отвечал я и лизнул ее для успокоения.

Муляжам не хватало, понятно, запаха и вкуса; а в остальном я нашел безусловное сходство. Закончив осмотр, я стал водить по клитору языком. То ли ожидание обострило ее желание, то ли мои движения сделались более точными и целенаправленными — так или иначе, она кончила почти сразу. Если разобраться, подумал я, эта Сандра неплохая художница: ее творчество заставляет вас по-новому взглянуть на мир.

Уже к началу декабря у нас не осталось сомнений, что клубы "Афродита" станут событием, возможно даже *историческим*. В туриндустрии ноябрь традиционно самый трудный месяц. В октябре запоздалые туристы еще пытаются захватить остатки курортного сезона; декабрь принимает эстафету благодаря рождественским праздникам; но мало, очень мало кто едет отдыхать в ноябре, разве что пенсионеры, да и то самые осмотрительные и непритязательные. А тут вдруг из всех клубов стали поступать поразительные данные: новый проект пользовался бешеным успехом, прямо-таки повальное увлечение. Я ужинал с Валери и Жан-Ивом в тот день, когда они узнали первые цифры; они поглядывали на меня как-то странно: результаты превзошли все ожидания; в среднем за месяц их гостиницы на курортах в различных странах оказались заполненными более чем на 95 процентов.

— Н-да, секс... — протянул я нерешительно. — Людям необходим секс, только и всего, но они не осмеливаются в этом признаться. — Было над чем задуматься; официант подал закуски.

— Вокруг открытия комплекса в Краби творится что-то невероятное... — продолжил Жан-Ив. —

Рембке звонил, говорит, все забронировано еще три недели назад. И что интересно, в средствах массовой информации ни звука, ни строчки. Успех тайный; массовый, но конфиденциальный; именно то, к чему мы стремились.

Жан-Ив наконец решился уйти от жены и снять квартиру; ключи ему предстояло получить только 1 января, но он уже повеселел и заметно расслабился. Он был достаточно молод, красив и богат; все это, оказывается, не помогает жить, констатировал я с изумлением, зато, по крайней мере, привлекает внимание. К чему он стремится, зачем так усердно печется о карьере — этого я по-прежнему не понимал. Не думаю, чтобы ради денег: все равно большую их часть съедали налоги, а кроме того, он не любил роскошь. И не из преданности делу или каких-нибудь других альтруистических побуждений: развитие мирового туризма вряд ли можно счесть благородной миссией. Им руководило честолюбие как таковое, оно было его внутренней потребностью, которую я уподоблю скорее потребности созидать, нежели жажде власти или духу соперничества — о его однокашниках из Высшей коммерческой школы я никогда ничего не слышал и не думаю, чтобы он ими интересовался. Одним словом, мотивация вполне достойная, не она ли на протяжении всей истории вела человечество по пути развития цивилизации? Общество воздавало ему должное высокой зарплатой; при других социальных режимах награда выражалась бы в титулах или же в привилегиях, вроде тех, какими обладала *номенклатура*; не думаю, чтобы это повлияло на его деятельность. На самом деле Жан-Ив работал из любви к работе; это так загадочно и так просто.

Пятнадцатого декабря, за две недели до открытия нового комплекса, поступил тревожный сигнал из компании TUI: в Хат-Яй, на самом юге Таиланда, похищен немецкий турист вместе с сопровождавшей его юной тайкой. Местная полиция получила невнятное послание на плохом английском: похитители не выдвигали никаких требований, но сообщали, что молодые люди будут казнены за поведение, не соответствующее законам ислама. В приграничных с Малайзией районах в последние месяцы действительно активизировались исламисты, поддерживаемые Сирией; однако прежде они не похищали людей.

Восемнадцатого декабря прямо на центральной площади города злоумышленники выбросили на ходу из грузовика обнаженные изуродованные трупы немца и тайландки. Девушку забили камнями с неслыханной жестокостью; тело ее распухло до неузнаваемости, кожа полопалась. Немцу перерезали горло и, оскотив его, запихнули половые органы в рот. Информация попала в немецкую прессу, отголоски докатились и до Франции. Газеты не стали печатать фотографии жертв, но они сразу же появились на сайтах в Интернете. Жан-Ив ежедневно звонил в TUI, новости скорее обнадеживали: очень мало кто отказался от путевок, основная масса отпускников планов не поменяла. Премьер-министр Таиланда успокаивал как мог: речь идет, дескать, о случайном эпизоде. Все известные террористические движения и группировки дружно осудили похищение и убийство.

Между тем по прибытии в Бангкок я сразу ощутил напряженность, особенно в районе улицы Сукхумвит, где жили туристы с Ближнего Востока, в большинстве своем из Турции или Египта, но некоторые и из более

суровых стран: Саудовской Аравии или Пакистана. Я заметил, что прохожие поглядывают на них с враждебностью. Над входом во многие секс-бары я видел таблички: “Мусульманам вход воспрещен”; хозяин одного заведения на улице Патпонг не поспешил на объяснения и вывесил рукописный текст такого содержания: “We respect your Muslim faith: we don't want you to drink whisky and enjoy Thai girls”¹. Несчастные туристы-мусульмане, заметим, были ни в чем не виноваты, а в случае теракта рисковали больше других. Когда я посетил Таиланд впервые, меня поразило обилие приезжих из арабских стран; на самом деле они устремились сюда ровно по тем же причинам, что и европейцы, с той лишь разницей, что в разврат пускались, пожалуй, с еще большим энтузиазмом. В десять утра они уже сидели за стаканом виски в баре гостиницы; в массажные салоны приходили к открытию. Нарушая законы ислама, они, возможно, испытывали угрызения совести и оттого держались мило и любезно.

Бангкок я нашел все таким же душным, грязным и шумным и все же был рад увидеть его снова. Жан-Ив общался с какими-то банкирами и министерскими чиновниками — я особенно не вникал. Два дня спустя он сообщил нам, что встречи прошли успешно: местные власти проявили исключительную сговорчивость, соглашались на все, лишь бы привлечь инвестиции с Запада. Таиланд уже несколько лет не вылезал из кризиса, биржевые котировки и национальная валюта падали, государственный долг составлял 70 процентов валового внутреннего продукта.

1 Мы уважаем вашу мусульманскую веру: мы не хотим, чтобы вы пили виски и наслаждались тайскими девушками (англ.).

— Дела у них настолько паршивые, что им даже не до коррупции, — объяснял Жан-Ив. — Я давал на лапу, но самую малость, сущий пустяк по сравнению с тем, что приходилось давать пять лет назад.

Утром 31 декабря мы отправились на самолете в Краби. Выйдя из микроавтобуса, я сразу наткнулся на Лионеля, прибывшего накануне. Он был в восторге, в полнейшем восторге, мне с трудом удалось остановить поток его благодарностей. Но когда я добрался до своего бунгало, мне открылся такой вид, что я и сам обомлел. Огромный девственный пляж, мельчайший, как пудра, песок. В нескольких десятках метров от берега океан из лазурного делался бирюзовым, чуть дальше — изумрудным. Громадные известковые скалы, поросшие сочной зеленью, выступали из воды и тянулись до самого горизонта, где растворялись в ярком свете, придавая бухте какое-то нереальное космическое измерение.

— “Пляж” здесь снимали? — спросила Валери.

— Мне кажется, нет — на Кох-Пхи-Пхи. Я не видел фильма.

По ее мнению, я ничего не потерял; кроме пейзажей, там нет ничего интересного. Я вспомнил, что читал как-то книгу о туристах, ищущих не тронутый цивилизацией остров; в их распоряжении имелась только карта, которую нарисовал им старый путешественник, перед тем как покончить с собой в жалкой гостинице на Кхао-Сен-роуд. Они приехали сначала на Самуй, понятно, изгаженный туристами; оттуда переправились на соседний остров, но и там обнаружили слишком много народу. Потом, наконец, подкупили лодочника, и тот отвез их в заповедник, на остров, закрытый для посетителей. Тут-то и начались неприятности. Первые главы великолепно иллюстрировали

безвыходное положение туриста, устремившегося на поиск “нетуристических мест”, которые с его появлением перестают быть таковыми, и бедняга вынужден забираться все дальше и дальше в погоне за мечтой, теряющей смысл по мере ее осуществления. Занятие столь же безнадежное, как попытка убежать от собственной тени; данный парадокс, как сообщила мне Валери, хорошо известен в мире турбизнеса, на языке социологов он называется “double bind”¹.

Описанная ситуация, похоже, не грозила курортникам в городке “Эльдорадор — Афродита”: на необъятном пляже все они сгрудились в одном месте. На первый взгляд, состав отдыхающих соответствовал ожиданиям: много немцев, по виду в основном высокооплачиваемые чиновники и люди свободных профессий. Валери знала и точные цифры: 80 процентов — немцы, 10 процентов — итальянцы, 5 процентов — испанцы и 5 процентов — французы. Неожиданно много приехало супружеских пар *либерального* склада, вроде завсегдатаев мыса Агд: большинство женщин с силиконовой грудью, у многих — цепочки на талии или на щиколотке. Я сразу заметил, что почти все купаются нагишом. Что ж, тем лучше, с такими людьми обычно нет проблем. В отличие от мест, славящихся “туристическим духом”, курорты, посещаемые свингерами, где массовость — необходимое условие, никаким парадоксам не подвержены. В мире, где величайшей роскошью считается возможность избегать других людей, добродушную общительность “свободных” немецких пар следует расценивать как завуалированную форму подрывной деятельности, сказал я Валери, пока она снимала

1 Здесь: порочный круг (англ.).

бюстгальтер и трусы. Раздевшись, я немного смутился, почувствовав, как поднимается мой член. Валери же раздвинула ноги, преспокойненько подставив свои интимные места солнцу. Расположившаяся в нескольких метрах справа от нас группа немок обсуждала, как мне показалось, статью в "Шпигеле". У одной из них волосы на лобке были выбриты и отчетливо виднелась тонкая прямая щель.

— Смотри, как здорово, — прошептала Валери, — так и хочется сунуть пальчик.

Действительно, здорово; однако слева от нас я видел чету испанцев: у дамы лобок курчавился густыми черными волосами — это мне тоже понравилось. Когда она ложилась, я обратил внимание на ее мясистые полные губы. Несмотря на молодость — я бы не дал ей больше двадцати пяти, — у нее была тяжелая пышная грудь с выпуклыми сосками.

— Повернись-ка на спину, — сказала Валери.

Я покорно перевернулся и закрыл глаза, как будто это что-то меняло. Мой возбужденный пенис тянулся головкой к солнцу. Через минуту я перестал думать о чем-либо и целиком сосредоточился на ощущениях, а ощущать солнечное тепло на слизистой оболочке бесконечно приятно. Я лежал зажмурившись и чувствовал, как струйка масла для загара льется мне на грудь, потом на живот. Пальцы Валери легко касались моей кожи то тут, то там. Воздух наполнился ароматом кокосового масла. Когда она начала смазывать в паху, я поспешно открыл глаза: Валери стояла возле меня на коленях, лицом к испанке, а та приподнялась на локтях, чтобы лучше нас видеть. Я откинул голову назад и устремил взгляд в голубое небо. Валери, обхватив одной рукой мои яйца, засунула средний палец мне в задний проход, а дру-

гой рукой методично растирала член. Повернув голову налево, я увидел, что испанка усердно занимается тем же со своим парнем, и снова уставился в небо. Совсем рядом зашуршали шаги по песку, и я опять зажмурился, затем услышал звук поцелуя и шепот. Не знаю, сколько рук и сколько пальцев ласкали меня; а море тихо-тихо плескалось о берег.

С пляжа мы отправились посмотреть досуговый комплекс; смеркалось, зажигались одна за другой разноцветные вывески баров “go-go”. На круглой площадке их разместилось штук десять, а в центре — огромный массажный салон. У входа мы встретили Жан-Ива в сопровождении грудастой девицы в длинном платье, светлокожей, похожей на китайянку.

— Как там внутри? — спросила Валери.

— Шикарно. Кич, но роскошный. Фонтаны, тропические растения, водопады, даже греческих богинь понаставили.

Развалившись на мягком диване с парчовой обивкой, мы выбрали девушек. Массаж нам понравился; теплая вода и жидкое мыло растворили остатки кокосового масла. Гибкие девицы мылили нас грудью, ягодицами и ляжками; Валери застонала сразу, и я первый раз восхитился эротичностью женского тела.

Обсохнув, мы легли на большую круглую кровать, охваченную зеркалами почти по всей окружности. Одна из девиц присосалась к Валери и быстро довела ее до оргазма; я стоял на коленях у нее над головой, вторая девица руками и губами работала с моим penisом. Почувствовав, что дело у меня идет к развязке, Валери поманила девиц поближе: теперь одна лизала мне мошонку, другая целовалась с Валери — в эту минуту я на них и выплеснулся.

Из гостей на новогоднем банкете присутствовали преимущественно тайландцы, так или иначе связанные с туристическим бизнесом. Из руководства “Авроры” не приехал никто; глава TUI тоже не выбрался, хотя и прислал вместо себя сотрудника, который, судя по всему, не имел никаких полномочий, но бесконечно радовался представившейся возможности отдохнуть. Кормили изысканно блюдами тайской и китайской кухни: хрустящие немы с базиликом и мелиссой, оладьи из батата, карри с креветками в кокосовом молоке, соте из риса с кешью и миндалем, “лакированная” утка. Вина по случаю торжества заказали из Франции. Я поговорил несколько минут с Лионелем — тот млел от счастья. С ним была очаровательная девушка родом из Чиангмая по имени Ким. Он познакомился с ней в первый же вечер в топлес-баре и с тех пор не расставался и не спускал с нее восторженных глаз. Я прекрасно понимал, почему наш недотепа прельстился этим изящным созданием с неправдоподобно тонкой талией; на родине ему такой не встретить. Тайские проститутки — это сказка, подумал я, дар небесный, никак не меньше. Ким немного говорила по-французски. Она даже была в Париже, восхищенно рассказывал Лионель; ее сестра замужем за французом.

— Ах, вот как! И чем же он занимается? — поинтересовался я.

— Врач. — Лионель немного нахмурился. — Конечно, со мной у нее такой жизни не будет.

— Зато у тебя гарантия от безработицы, — приободрил я его. — Тайландцы все мечтают о государственной службе.

Он посмотрел на меня с недоверием. Между тем я говорил сущую правду: слова “государственная

служба" оказывали на тайландцев гипнотизирующее воздействие. Правда, в Таиланде все чиновники коррумпированы; они не только имеют гарантированную работу, но еще и богаты. У них есть все.

— Что ж, счастливой ночи, — пожелал я ему и направился в бар.

— Спасибо, — отвечал он, краснея.

Сам не знаю, что это я вздумал играть в *знатока жизни*; видать, старел. Тайландочка внушала мне некоторые опасения: эти девчонки с севера нередко очень красивы, но, к сожалению, слишком хорошо понимают это сами. Проводят целые дни перед зеркалом с полным сознанием того, что их красота сама по себе представляет материальную ценность, и в результате становятся капризными и никчемными. С другой стороны, в отличие от европейской модницы, Ким не могла знать, что Лионель отнюдь не супермен. Основные критерии красоты универсальны — это молодость, отсутствие увечий и общее соответствие нормам данного вида. Критерии дополнительные расплывчаты и относительны; девушке другой культуры в них трудно разобраться. Экзотическая девушка — хороший выбор для Лионеля; пожалуй, наилучший. Короче, я сделал для него что мог.

Я сел на скамейку с бокалом "Сент-Эстефа" в руке и стал смотреть на звезды. 2002 год ознаменуется вхождением Франции в европейский валютный союз, а кроме того, чемпионатом мира по футболу, президентскими выборами и другими событиями, широко распропагандированными в средствах массовой информации. Скалы вокруг бухты подсвечивались луной; в полночь, я знал, ожидается фейерверк. Через несколько минут ко мне подошла Валери, села рядом. Я обнял ее и положил голову ей на плечо; я

почти не видел ее лица, но ощущал ее запах, осязал кожу. Когда вспыхнул первый залп фейерверка, я разглядел на ней зеленое полупрозрачное платье, то самое, которое она надевала год назад на Кох-Пхи-Пхи; она поцеловала меня в губы; я испытал такое чувство, будто мир перевернулся. Чудесным образом и совершенно незаслуженно мне предоставлялась возможность начать с начала. В жизни крайне редко нам дается шанс исправить прошлое — это противоречит всем законам. Я сжал Валери в объятьях, и мне захотелось плакать.

Если не властвует любовь, то как же может править разум? На практике главенствует действие.

Огюст Конт

Лодка скользила по бирюзовым просторам, и мне не нужно было беспокоиться о том, что я сделаю в следующую минуту. Мы выехали очень рано и направлялись к острову Майа, лавируя между выступающими из воды коралловыми рифами и известковыми скалами. Некоторые из них имели форму кольца с лагуной посередине, в которую можно было проплыть по узенькому каналу, проточенному в камне. В лагунах стояла неподвижная изумрудно-зеленая вода. Лодочник глушил мотор. Валери смотрела на меня, мы сидели молча, неподвижно; текли минуты в полной тишине.

На острове Майа он высадил нас в бухточке, окруженной высокой каменной стеной. У подножия скал метров на сто узким серпом протянулся пляж. Солнце стояло высоко, было уже одиннадцать. Лодочник запустил мотор и отчалил в сторону Краби; мы договорились, что он вернется за нами к вечеру. Как только он вышел из бухты, шум мотора стих.

За исключением полового акта, в жизни очень редко мгновения, когда тело наслаждается, исполняется радости просто оттого, что существует на свете; тот день 1 января целиком состоял у меня из таких мгновений. Мне запомнилось одно: ощущение полноты бытия. Наверное, мы купались, обсыхали на солнце, занимались любовью. Не помню, чтобы мы о чем-нибудь говорили или обследовали остров. Но помню запах Валери, вкус соли, высушенной у нее на лобке; помню еще, что заснул в ней и проснулся от ее содроганий.

Лодка пришла за нами в пять. Вернувшись в гостиницу, мы сидели на террасе, обращенной к морю; я выпил кампари, Валери — “май тай”. В оранжевых лучах заката зубья известковых скал казались почти черными. С пляжа возвращались последние купальщики с полотенцами в руках. Какая-то парочка совокуплялась в воде в нескольких метрах от берега. Заходящее солнце сверкало на золотой крыше пагоды. В тишине несколько раз подряд пробил колокол. По буддийскому обычаю, колокольным звоном в храме отмечают благодеяния и другие похвальные поступки; какая радостная религия, если она звонит о добрых делах на всю округу!

— Мишель, — сказала Валери после долгого молчания, глядя мне прямо в глаза, — я хочу остаться здесь.

— В каком смысле?

— Поселиться насовсем. Я все обдумала, пока мы плыли назад: это возможно. Надо только, чтобы меня назначили директором городка. У меня есть диплом, знания и опыт.

Я молча смотрел на нее; она взяла меня за руку.

— Но согласишься ли ты бросить работу?

— Да.

Я ответил мгновенно, без колебаний; это было самое простое решение из всех, какие мне когда-либо приходилось принимать.

Мы увидели Жан-Ива, выходящего из массажного салона. Валери махнула ему рукой, и он подсел к нам; она изложила ему свой план.

— Что ж, — сказал он задумчиво, — полагаю, это можно уладить. Руководство “Авроры”, конечно, удивится: ты просишь о понижении. Твоя зарплата уменьшится по крайней мере вдвое, но иначе невозможно, несправедливо по отношению к другим.

— Знаю, на зарплату мне наплевать, — ответила она.

Он снова посмотрел на нее, удивленно покачивая головой.

— Если ты так решила... если ты так хочешь... В конце концов, “Эльдорадором” руковожу я, — сказал он таким тоном, будто только сейчас это понял. — Я имею полное право назначать руководителей городков по своему усмотрению.

— Значит, ты согласен?

— Да. Я не могу тебе запретить.

Странно ощущать, что жизнь твоя вдруг полностью меняется; сидишь, ничего особенного не делаешь и чувствуешь, как все переворачивается вверх дном. За ужином я молчал, погруженный в раздумья; Валери забеспокоилась.

— Ты уверен, что хочешь жить здесь? Ты не будешь жалеть, что уехал из Франции?

— Нет, я ни о чем жалеть не буду.

— Здесь нет никаких развлечений, нет культурной жизни.

Я это понимал; я много размышлял о нашей культуре; она представлялась мне логичной компенсацией нашего несчастливого бытия. Теоретически можно вообразить культуру совсем иного рода, праздничную и лирическую, рожденную в мире счастья; впрочем, это только предположение, к тому же абстрактное и уже не имевшее для меня никакого значения.

— Тут есть TV-5, — отвечал я с безразличием.

Она улыбнулась: канал TV-5, как известно, один из худших в мире.

— Ты уверен, что не будешь скучать? — настаивала она.

Мне доводилось испытывать в жизни страдания, подавленность, страх, но мне никогда не приходилось скучать. Я не имел ничего против бесконечного, глупого повторения одного и того же. Конечно, я не обольщался и понимал, что оно мне и не грозит; я знал, что несчастье могуче, цепко, изобретательно; но однообразие меня не пугало. В детстве я мог часами перебирать на лугу трилистники клевера; за многие годы мне ни разу не попался клевер с четырьмя листиками; но я не огорчился и не испытывал разочарования; я мог бы точно так же пересчитывать травинки; все трилистники казались мне бесконечно одинаковыми и бесконечно красивыми. Однажды, когда мне было двенадцать лет, я взобрался на верхушку опоры высоковольтной линии, расположенной в горах. Пока я карабкался вверх, я не смотрел под ноги. Стоя наверху на площадке, я обнаружил, что спускаться будет очень трудно и опасно. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись горные хребты, увенчанные вечными снегами. Куда проще было бы остаться на месте или прыгнуть вниз. Меня удержало только одно: я представил себе, как я разобьюсь в лепешку; иначе, наверное, я бы мог бесконечно наслаждаться полетом.

На другой день я познакомился с Андреасом, немцем, жившим здесь уже десять лет. Он был переводчиком, а потому мог работать и тут; раз в год он ездил в Германию на книжную ярмарку во Франкфурте; когда у него возникали вопросы, он задавал их через Интернет. Ему посчастливилось перевести несколько американских бестселлеров, в том числе “Фирму”, что обеспечивало ему приличные доходы, а жизнь в Краби недорога. Прежде он почти не встречал здесь туристов и очень удивился неожиданному нашествию соотечественников; отнесся к этому без восторга, но и без неприязни. Его связь с Германией давно ослабла, хотя по роду занятий он постоянно пользовался немецким языком. Он женился в свое время на тайке, с которой познакомился в массажном салоне, и имел от нее двоих детей.

— Трудно ли здесь... э-э... иметь детей? — спросил я. Вопрос прозвучал для меня самого нелепо, словно бы я спрашивал, трудно ли завести собаку. Откровенно говоря, я всегда испытывал некоторое отвращение к детям; они представлялись мне маленькими чудовищами, которые только и делают, что какают и истошно вопят; мысль о ребенке никогда не приходила мне в голову. С другой стороны, большинство супружеских пар, как известно, *производят на свет детей*; не знаю уж, радуются они этому или нет, но жаловаться вслух не осмеливаются. Вообще-то, сказал я себе, обведя взглядом туристический комплекс, на такой территории как раз, пожалуй, и можно растить детей: гуляли бы себе между бунгало, играли бы с какими-нибудь палочками или не знаю с чем.

По словам Андреаса, растить тут детей чрезвычайно просто; в Краби есть школа, в нее можно ходить пешком. Тайские дети не похожи на европей-

ских, они не раздражительные, не капризные. Родителей уважают, чуть ли не боготворят, этому их никто не учит — они впитывают это с молоком матери. Когда он приезжал к своей сестре в Дюссельдорф, поведение племянников приводило его в ужас.

Благотворное воздействие культурной традиции на молодое поколение лишь отчасти развеяло мои сомнения; я успокаивал себя тем, что Валери только двадцать восемь, а потребность в детях обычно одолевает женщин к тридцати пяти; но, впрочем, если нужно, я готов был иметь от нее ребенка: я знал, что такая мысль у нее появится обязательно. В конце концов, ребенок — это всего-навсего маленькое животное, правда со зловредными наклонностями — скажем, вроде обезьянки. Из него можно даже извлечь какую-нибудь пользу, например, я мог бы научить его играть в “Миль борн”¹. “Миль борн” — моя страсть, и страсть неутоленная: с кем мне играть? Конечно уж, не с коллегами по работе и не с художниками, которые приносят мне свои проекты. С Андреасом? Я смерил его взглядом: нет, не подойдет. Но в целом он выглядел человеком серьезным и умным; с ним стоило поддерживать отношения.

— Вы хотите остаться здесь... насовсем? — спросил он меня.

— Да, насовсем.

— Так лучше, — кивнул он в ответ. — С Таиландом очень трудно расстаться. Если бы мне сейчас пришлось отсюда уехать, не знаю, как бы я это пережил.

1 “Миль борн” — детская настольная игра.

Дни пролетели с ужасающей быстротой; пятого мы должны были уезжать. Накануне вечером мы ужинали с Жан-Ивом в ресторане гостиницы. Лионель от приглашения отказался, пошел смотреть на Ким.

— Мне приятно видеть, как она танцует почти обнаженная перед мужчинами, и знать, что потом она будет моей, — сказал он нам. Жан-Ив посмотрел ему вслед.

— Наш газовщик делает успехи... Он уже проявляет склонность к извращениям.

— Не смейся над ним, — возразила Валери. — Я начинаю понимать, что ты в нем находишь, — добавила она, обернувшись ко мне. — Он трогательный парень. Во всяком случае, отпуск у него удался на славу, это точно.

Смеркалось; в домах зажигались огни. Последний луч заката догорал на золоченой кровле пагоды. С тех пор как Валери сообщила Жан-Иву о своем решении, он на эту тему больше не заговаривал — до самого прощального ужина; теперь он заказал бутылку вина.

— Мне будет тебя не хватать, — сказал он. — Все придется делать иначе. Мы работали вместе больше пяти лет. Хорошо ладили, ни разу всерьез не ругались. Я тебе многим обязан.

Стемнело, он говорил все тише и тише, словно бы для себя самого:

— Теперь мы расширим сеть. Бразилия напрашивается сама собой. Еще я думал о Кении: в идеале хорошо бы открыть другой комплекс внутри страны для сафари, а городок на побережье отдать под “Афродиту”. Есть возможности и во Вьетнаме.

— Ты не боишься конкуренции? — спросил я.

— Нисколько. Американцы в это дело не сунутся, в Штатах слишком распространены пуританские взгляды. Если я чего и опасался, так это реакции французской прессы, но пока все тихо. Правда, у нас в основном иностранные клиенты, а в Германии и Италии спокойнее относятся к таким вопросам.

— Ты станешь величайшим сутенером в мире.

— Почему сутенером? — возразил он. — Мы же не берем проценты с заработка девушек; мы просто не мешаем им работать.

— И потом, — вмешалась Валери, — девушки сами по себе, они не персонал гостиницы.

— В общем, да, — подтвердил Жан-Ив неуверенно, — по крайней мере здесь. Хотя я слышал, что в Санто-Доминго официантки охотно поднимаются в номера.

— Их никто не заставляет.

— Это уж точно.

— Короче, — Валери умиротворяюще повела рукой, — не слушай, что говорят лицемеры. Твое дело обеспечить структуру и *уникальный стиль* “Авроры”, и все тут.

Официант принес суп с мятой. За соседними столиками сидели немцы и итальянцы с тайками, а также немецкие пары с тайками и без. Разные люди

здесь, как видно, легко уживались друг с другом в атмосфере наслаждения; работа директора комплекса представлялась не изнурительной.

— Итак, вы остаетесь здесь... — снова заговорил Жан-Ив: похоже, ему верилось в это с трудом. — Я, конечно же, поражен, то есть отчасти я вас понимаю, но меня удивляет, что люди отказываются от больших денег.

— А зачем мне большие деньги? — произнесла Валери, чеканя каждый слог. — Чтобы покупать сумки фирмы “Прада”? Ездить на выходные в Будапешт? Есть свежие трюфели? Я заработала много денег и даже не помню, на что их потратила: наверное, на подобную ерунду. Ты-то сам знаешь, куда уходят твои деньги?

— М-м... — Он задумался. — Вообще-то я думаю, их в основном тратила Одри.

— Одри идиотка, — безжалостно вмазала ему Валери. — К счастью, ты разводишься. Это самое умное решение, какое ты когда-либо принимал.

— Ты права, она действительно идиотка, — ответил Жан-Ив, не смутившись; он улыбнулся, помялся, потом сказал: — Странная ты все-таки, Валери.

— Я не странная, это мир вокруг странный. Неужели тебе в самом деле хочется купить кабриолет “феррари”? Или домик в Довиле, который все равно разграбят? Или до шестидесяти лет работать по девяносто часов в неделю? Половину зарплаты отдавать в виде налогов на финансирование военной операции в Косово или на программу спасения предместий? Нам здесь нравится; здесь есть все, что нужно для жизни. Единственное, что отличает Запад, — это *фирменные товары*. Если тебе необходимы фирменные товары, оставайся на Западе; если нет, в Таиланде найдешь великолепные подделки.

— Странной мне кажется твоя позиция: ты столько лет работала на западный мир и не верила в его ценности.

— Я хищница, — ответила она спокойно. — Хищница маленькая и беззлобная: мне мало нужно. До сих пор я работала исключительно ради денег; теперь я начну жить. А вот других людей я не понимаю: что, к примеру, мешает тебе поселиться здесь? Женится бы на тайке: они красивы, приветливы и великолепно занимаются любовью. Некоторые даже по-французски немного говорят.

— Ну... — Он снова замялся. — Пока что я предпочитаю менять девушек каждый вечер.

— Это пройдет. И потом, никто не мешает тебе посещать массажные салоны после женитьбы, на то они и существуют.

— Я знаю. Видишь ли... на самом деле мне всегда было трудно принимать жизненно важные решения.

Смущенный своим признанием, он обратился ко мне:

— Мишель, а ты чем будешь здесь заниматься?

Ближе всего к истине был бы ответ "Ничем"; но такое очень трудно объяснить активному человеку.

— Он будет готовить, — ответила за меня Валери. Я посмотрел на нее с удивлением. — Да-да, — настаивала она, — я заметила, тебе нравится готовить, на тебя иногда прямо вдохновение находит. Это очень удачно — я терпеть не могу стряпню; не сомневаюсь, ты здесь увлечешься кулинарией.

Я попробовал курицу с карри и зеленым перцем; что ж, пожалуй, интересно было бы приготовить ее с манго. Жан-Ив задумчиво качал головой. Я взглянул на Валери: хищницей она была умной и упрямой; она

выбрала меня, пожелала разделить со мной логово. Принято думать, что человеческие общества зиждутся если не на единой воле всех членов, то, по крайней мере, на консенсусе, который в западных странах некоторые журналисты с четкими политическими позициями называют *соглашательством*. Я сам по натуре соглашатель и никогда не пытался этот консенсус нарушить; существование же *единой воли* представлялось мне сомнительным. По Иммануилу Канту, достоинство человека заключается в том, чтобы подчиняться законам лишь в той мере, в какой он сам осознает себя законодателем, — подобная фантазия в жизни не приходила мне в голову. Я не только не ходил голосовать, но и не видел в выборах ничего, кроме великолепного телевизионного шоу, в котором моими любимыми актерами были, по правде говоря, политологи; особенно меня радовал Жером Жаффре. Работа политиков виделась мне трудной, требующей специальных навыков, изматывающей; я охотно делегировал свои полномочия. В молодости я встречался с разными *активистами*, полагавшими, что надо заставить общество развиваться в том или ином направлении; я не питал к ним ни симпатии, ни уважения. Со временем я стал их остерегаться: в их пристрастии к глобальным проблемам и уверенности, будто общество им что-то должно, угадывалось несомненное лукавство. В чем я лично мог упрекнуть западное общество? Ни в чем особенно, но и горячей привязанности к нему не питал (я вообще все меньше и меньше понимал, как можно испытывать привязанность к идее, к стране, к чему-нибудь, кроме конкретного человека). На Западе дорогая жизнь, холодно и проститутки некачественные. На Западе не разрешают курить в общественных местах и почти

невозможно купить наркотики; там много работают, много машин и шума, а безопасность обеспечивается плохо. В общем-то, изъянов немало. Я вдруг ощутил неловкость оттого, что рассматриваю общество как естественную среду — саванну или джунгли, — к которой вынужден приспособливаться. А что я плоть от плоти этой среды — такой мысли у меня никогда не возникало, будто атрофировалось что-то. С такими индивидами, как я, общество вряд ли выживет; я же мог выжить с женщиной, которую люблю, и постараться сделать ее счастливой. Я снова с благодарностью посмотрел на Валери и в эту минуту услышал справа какой-то щелчок. Прислушавшись, я различил шум мотора, доносящийся со стороны моря, затем он внезапно оборвался. На краю террасы высокая блондинка поднялась во весь рост и громко заорала. Раздался сухой треск автоматной очереди. Блондинка повернулась к нам, хватаясь руками за лицо: пуля угодила ей в глаз, в глазнице зияла кровавая дыра; женщина бесшумно рухнула на пол. Затем я увидел троих мужчин в тюрбанах, они приближались с автоматами наперевес. Затрещала вторая очередь, длиннее первой; вопли смешались со звоном битой посуды. Несколько секунд мы сидели парализованные, мало кто догадался спрятаться под стол. Вскрикнул Жан-Ив, его ранило в руку. И тут я увидел, что Валери медленно сползает со стула и валится на пол. Я бросился к ней, обхватил ее руками. Дальше я уже ничего не видел. В тишине, нарушаемой только звоном стекла, автоматные очереди следовали одна за другой; мне казалось, что это продолжается бесконечно долго. Сильно пахло порохом. Потом снова все стихло. Тогда я заметил, что моя левая рука в крови; наверное, пуля попала Валери в грудь или в горло. Бли-

жайший к нам фонарь был разбит, стояла почти полная тьма. Жан-Ив, лежавший в метре от меня, попробовал подняться, застонал. В это самое мгновение в стороне спортивно-развлекательного комплекса прогремел мощнейший взрыв, сотряс воздух, раскатился по бухте. Мне показалось, что у меня лопнули барабанные перепонки; меня оглушило, но, несмотря на это, через несколько секунд я услышал чудовищные, нечеловеческие, поистине адские крики.

Спасатели приехали из Краби десять минут спустя; они бросились сначала в досуговый центр. Бомба взорвалась в самом большом баре “Неистовые губы” в час наплыва посетителей; ее пронесли в спортивной сумке и оставили возле подиума. Это было мощное самодельное устройство, начиненное динамитом, болтами и гвоздями и приводимое в действие будильником. Взрывной волной снесло тонкие кирпичные перегородки, отделявшие бар от соседних помещений; кое-где не выдержали металлические балки, и крыша держалась на честном слове. Увидев масштабы катастрофы, спасатели первым делом вызвали подмогу. Перед входом в бар корчилась на земле танцовщица в белом бикини, ей оторвало руки по локоть. Неподалеку на груде обломков сидел немец и руками удерживал кишки, вываливавшиеся у него из живота; рядом лежала его жена, ей наполовину срезало грудь. Внутри висел черный дым; пол был скользким от крови, хлеставшей из тел и обрубков тел. Агонизирующие люди с оторванными руками или ногами пытались ползти к выходу, оставляя за собой кровавый след. Кому-то болтами и гвоздями выбило глаза, раздробило кисти, искромсало лицо в клочья. Некоторых словно разорвало изнутри, их

внутренние органы и конечности валялись на полу в нескольких метрах от тела.

Когда спасатели вбежали на террасу ресторана, я все еще сжимал Валери в объятиях; тело ее было теплым. В двух метрах от меня лежала женщина с залитым кровью и утыканным осколками стекла лицом. Иные сидели за столиками разинув рот — смерть застигла их врасплох. Я закричал, ко мне подошли два санитары, взяли у меня из рук Валери, бережно положили на носилки. Я попробовал встать, но тут же упал навзничь, стукнувшись затылком об пол. И тогда я отчетливо услышал, как кто-то сказал по-французски:

— Она умерла.

Часть третья

Паттайя-бич

Впервые за долгое время я проснулся один. Больница в Краби небольшая, светлая; в то же утро меня посетил врач-француз из организации "Врачи мира"; они прибыли сюда на другой день после взрыва. Доктору на вид лет тридцать, спина чуть сгорблена, выражение лица озабоченное. Он сказал, что я спал трое суток.

— То есть не то чтобы спали, — пояснил он. — Вы выглядели бодрствующим, мы пытались с вами говорить, но только сейчас нам удалось установить с вами контакт.

"Установить контакт", — повторил я про себя. Он сообщил мне, что последствия взрыва чудовищны: число погибших достигло ста семнадцати; терактов такого масштаба еще не случалось в Азии. Некоторые пострадавшие находились в критическом состоянии, их сочли нетранспортабельными; в их числе Лионель. Ему оторвало обе ноги, осколок металла угодил в живот; шансы остаться в живых крайне малы. Других тяжелораненых перевезли в больницу Бумрунград в Бангкоке. Жан-Ив отделался легко, пуля пробила ему плечевую кость; помощь оказали на месте. У меня же не было вообще ничего, ни царапинки.

— Что касается вашей подруги... — сказал доктор под конец, — ее тело уже доставлено во Францию. Я говорил по телефону с ее родителями: ее похоронят в Бретани.

Он замолчал; наверное, ждал, когда я что-нибудь скажу. Он наблюдал за мной исподволь, и взгляд его делался все более озабоченным.

Около полудня появилась санитарка с завтраком; час спустя она его унесла. Сказала, что я должен начать есть, это совершенно необходимо.

Во второй половине дня меня навестил Жан-Ив. Он тоже как-то странно на меня косился. Говорил в основном о Лионеле; бедняга умирал: вопрос нескольких часов. Лионель много раз звал Ким. Она каким-то чудом осталась цела и невредима и, похоже, быстро утешилась: накануне вечером Жан-Ив видел ее в Краби под ручку с англичанином. Он ни словом не обмолвился об этом Лионелю, но тот, как видно, и не обольщался.

— Мне повезло, что я ее встретил, — говорил он.

— Странно, — добавил Жан-Ив, — он выглядит счастливым.

Когда он уходил, я сообразил, что сам за все время не произнес ни звука; я совершенно не знал, что сказать. Я чувствовал: что-то тут не так, но это чувство было смутным, трудновыразимым. Мне казалось, что лучше всего молчать и ждать, пока все вокруг поймут свою ошибку; просто потерпеть какое-то время.

Прощаясь, Жан-Ив еще раз взглянул на меня и сокрушенно покачал головой. Как выяснилось позже, я, оставшись в палате один, говорил беспрестанно и замолкал, как только кто-нибудь входил.

Еще через несколько дней на санитарном самолете нас перевезли в больницу Бумрунград. Я не очень понимал зачем; думаю, для того, наверное, чтобы нас допросила полиция. Лионель скончался накануне; проходя по коридору, я видел его тело, завернутое в саван.

Таиландские полицейские пришли в сопровождении работника посольства, который выполнял обязанности переводчика; к сожалению, я мало что мог им рассказать. Сдается, больше всего им хотелось узнать, были ли нападавшие арабами или азиатами. Я понимаю, почему их это волновало: важно было установить, добрался ли до Таиланда международный терроризм, или же это дело рук малайских сепаратистов; но я мог только повторить, что все произошло очень быстро и я не успел их разглядеть; как мне показалось, они могли быть и малайцами.

Потом приходили американцы, полагаю — из ЦРУ. Они разговаривали резко, неприязненно, так что я сам ощутил себя подозреваемым. Пригласить переводчика они не сочли нужным, а потому многое в их вопросах я не понял. Под конец они показали мне фотографии каких-то людей, надо думать международных террористов; я никого из них не узнал.

Жан-Ив заглядывал ко мне часто, садился в ноги. Я сознавал его присутствие, чувствовал от этого некоторое напряжение. Однажды утром, на третий день нашего пребывания в Бангкоке, он протянул мне пачку бумаг — копии газетных статей.

— Руководство “Авроры” прислало вчера по факсу без комментариев, — пояснил он.

Первая статья была из “Нувель обсерватер”, она называлась: “Весьма сомнительный клуб” — длин-

ная, на две страницы, очень подробная и проиллюстрированная фотографией из немецкого рекламного каталога. Журналист открыто обвинял группу “Аврора” в поощрении сексуального туризма в странах третьего мира и добавлял, что в данном случае реакцию мусульман можно понять. Ту же мысль развивал в редакционной статье и Жан-Клод Гийбо. Жан-Люк Эспиталье, писал он, заявил журналистам по телефону: “Группа “Аврора”, подписавшая Всемирную хартию этического туризма, категорически не одобряет подобного рода отклонений от норм морали; ответственные понесут наказание”.

Далее следовала гневная, но бедная фактами статья Изабель Алонсо в “Журналь дю диманш”, озаглавленная “Возврат к рабству”. Формулировку подхватывала в своей колонке Франсуаз Жиру: “Как ни прискорбно это говорить, смерть нескольких богачей ничто в сравнении с униженным и рабским положением сотен тысяч женщин в мире”. Взрыв в Краби, разумеется, привлек к этой теме всеобщее внимание. “Либерасьон” опубликовала на первой странице фотографию тех, кто остался в живых, в минуту их прибытия на родину, в аэропорт Руасси, и озаглавила статью “Не без вины пострадавшие”. Жером Дюпюи в редакционной статье упрекал правительство Таиланда в потворстве проституции, торговле наркотиками и неоднократном нарушении принципов демократии. Что же до “Пари-матч”, то там в статье под названием “Резня в Краби” *ночь ужасов* расписывалась во всех подробностях. Им удалось раздобыть фотографии, правда очень плохого качества — черно-белые, переданные по факсу; на них могло быть изображено что угодно, человеческие тела угадывались с трудом. Рядом они поместили исповедь “сексуального туриста”.

та”, не имевшего никакого отношения к описываемым событиям, путешествовавшего в одиночку и все больше на Филиппины. Жак Ширак немедленно выступил с заявлением, в котором, возмущаясь терактом, клеймил “неприемлемое поведение некоторых наших соотечественников за границей”. Ему вторил Лионель Жоспен, напоминая, что сексуальный туризм, даже если в нем участвуют только совершеннолетние, запрещен законодательно. Авторы двух статей, в “Фигаро” и в “Монд”, задавались вопросом, как бороться с упомянутым бедствием и какую позицию должно занять мировое сообщество.

В последующие дни Жан-Ив попытался дозвониться до Готфрида Рембке; в конце концов ему это удалось. Глава TUI сожалел, искренне сожалел, что так случилось, но ничем помочь не мог. Таиланд так или иначе выпадал из турбизнеса не на один десяток лет. Отголоски разразившейся во Франции полемики докатились и до Германии; мнения там, правда, разделились, но большинство все же осудило сексуальный туризм; в этой ситуации Рембке предпочитал выйти из игры.

Как я не понял, зачем меня перевезли в Бангкок, точно так же не знал, почему меня отправили в Париж. Больничный персонал меня не жаловал, наверное за пассивность; хоть на больничной койке, хоть на смертном одре — человек вынужден постоянно ломать комедию. Медработники любят, когда пациент сопротивляется, проявляет недисциплинированность, которую ему, медработнику, надо исхитриться преодолеть, разумеется, для блага больного. А я ничего такого не проявлял. Меня можно было повернуть на бок, сделать укол и через три часа застать ровно в том же положении. В ночь перед отъездом, разыскивая туалет в больничном коридоре, я врезался в дверь. Наутро лицо мое было залито кровью — я разбил себе бровь; пришлось мыть, перевязывать. Самому мне и в голову не пришло позвать медсестру; если честно, то я просто ничего не почувствовал.

Перелет не ознаменовался ничем особенным; я даже курить отвык. У конвейера с багажом я пожал руку Жан-Иву; потом взял такси и отправился на авеню де Шуази.

Войдя в квартиру, сразу понял, что находиться в ней не могу и не смогу. Распаковывать чемодан не

стал. Я взял целлофановый пакет и стал складывать в него все фотографии Валери, какие только мог найти. В основном они были сделаны у ее родителей в Бретани, на пляже или в саду. Еще мне попало несколько эротических — эти я снимал дома: мне нравилось смотреть, когда она себя ласкала, у нее красиво получалось.

Затем я сел на диван и набрал номер, который мне дали на случай, если я почувствую себя нехорошо; звонить можно было круглосуточно. Это был пункт психологической помощи, созданный специально для пострадавших от теракта. Размещался он в одном из корпусов лечебницы Святой Анны.

Многие из тех, кто сюда обратились, и в самом деле пребывали в плачевном состоянии: несмотря на мощные дозы транквилизаторов, по ночам их мучили кошмары, они выли, кричали от ужаса, рыдали. Встречая их в коридоре, я всякий раз поражался их перекошенным, обезумевшим лицам; страх в буквальном смысле разъедал их изнутри. И от него не отделяться до конца жизни, думал я.

Сам я ощущал главным образом бесконечную усталость. С постели вставал лишь затем, чтобы выпить чашку растворимого кофе или погрызть сухарь; есть здесь не заставляли, лечиться тоже. Серию обследований я все-таки прошел, а через три дня после поступления имел беседу с психиатром; обследования выявили “крайне притупленную реакцию”. Я ни на что не жаловался, но действительно чувствовал себя крайне, сверх всякой меры “притупленным”. Доктор спросил, что я собираюсь делать. Я ответил:

— Ждать. — Я проявил разумный оптимизм, сказал, что грусть пройдет и я снова буду счастлив, надо

только подождать. Видимо, я его не убедил. Доктор был человеком лет пятидесяти с полным, жизнерадостным и напроць лишенным растительности лицом.

Через неделю меня перевели в другую психиатрическую клинику, теперь уже на более долгий срок. Мне предстояло провести там три с лишним месяца. К своему изумлению, я обнаружил там все того же психиатра. Ничего удивительного, объяснил он мне, оказывается, здесь его постоянное место работы. Помощью жертвам теракта он занимался временно, он на ней в некотором роде специализировался: ему уже доводилось работать в аналогичном пункте, созданном после взрыва на станции метро Сен-Мишель.

Его манера говорить отличалась от обычной болтовни психиатров, он был сносен. Помнится, он внушал мне, что надо “освободить себя от привязанности”: папахивало буддизмом. Что мне освободить? Я сам привязанность. Будучи существом эфемерным, я, соответственно своей природе, привязался к тому, что эфемерно, — тезис не нуждался в комментариях. А будь я вечным, добавил я для поддержания беседы, непременно привязался бы к чему-нибудь вечному. С теми из пострадавших, кого преследовали кошмары и страх смерти, его метод якобы хорошо срабатывал. “Это не ваши мучения, в действительности вы не страдаете; это призрачная боль, она существует лишь в вашем воображении”, — говорил он им, и люди в конце концов верили.

Трудно сказать, когда именно я стал понимать, что произошло, сознание возвращалось короткими вспышками. А потом наступал долгий период — по правде говоря, такие периоды бывают и сейчас, — когда Валери и не думала умирать. Одно время я мог

растягивать его до бесконечности без малейших усилий. Помню, когда впервые возникли трудности и я по-настоящему ощутил бремя реальности: это случилось сразу после визита Жан-Ива. Встречу с ним я перенес тяжело, он оживлял воспоминания, от которых мне трудно было отмахнуться; прощаясь, я не сказал ему, чтоб он заходил еще.

Приход Мари-Жанны, напротив, принес облегчение. Она говорила мало, рассказала, что делается на работе; я сразу объявил ей, что не собираюсь возвращаться, потому что переселяюсь в Краби. Она молча кивнула.

— Не беспокойся, — сказал я ей, — все будет хорошо. — Она посмотрела на меня с сочувствием; странно, но, кажется, она мне поверила.

Самой тяжелой была, конечно, встреча с родителями Валери; психиатр, по-видимому, объяснил им, что у меня случаются периоды *неприятя действительности*, — в результате мать Валери рыдала почти без остановки, отец тоже чувствовал себя неловко. Они пришли, кроме всего прочего, уладить некоторые практические вопросы, принесли чемодан с моими вещами. Они полагали, что я не собираюсь возвращаться в квартиру в XIII округе.

— Разумеется, разумеется, — сказал я, — там видно будет, — и мать Валери снова заплакала.

В больнице жизнь течет сама собой, человеческие потребности в основном все удовлетворены. Я снова стал включать “Вопросы для чемпиона”, это единственное, что я смотрел, новости меня теперь не интересовали нисколько. Другие проводили перед телевизором целые дни. Меня это не привлекало: слишком мелькает. Я считал, что если сохранять спокойствие и

думать как можно меньше, то все в конце концов уладится.

Однажды апрельским утром я узнал, что, оказывается, и впрямь уладилось и что меня скоро выпишут, каковое обстоятельство я воспринял скорее как осложнение: придется искать комнату в гостинице, в нейтральной среде. Хорошо хоть, у меня были деньги.

— Надо видеть все с лучшей стороны, — сказал я медсестре. Она удивилась: я заговорил с ней впервые.

Против неприятия действительности, объяснил мне психиатр во время нашей последней встречи, не существует конкретного лечения, здесь нарушена не психика, а представление о мире. Все это время он держал меня в клинике только потому, что опасался попыток самоубийства — они нередко случаются, если пациент внезапно осознает реальность; но теперь я вне опасности.

— Ах, вот оно что, — сказал я.

Через неделю после выписки я улетел в Бангкок. Определенных планов я не имел. Были бы мы нематериальными, мы бы довольствовались солнцем в небе. В Париже слишком отчетливо выражена смена времен года, она источник постоянной суеты и волнений. В Бангкоке солнце встает в шесть и в шесть садится, а в означенном промежутке движется по неизменной траектории. Говорят, тут бывает период муссонов, но я его ни разу не заставал. Городская суета присутствует, но причины ее мне толком неясны, она — как естественная среда. Здешние жители наверняка имеют свою судьбу, свою жизнь, насколько позволяет уровень доходов; но я знал о ней не больше, чем о жизни стаи леммингов.

Я остановился в “Амари бульвар”; гостиницу заполняли преимущественно японские бизнесмены. Здесь мы в последний раз останавливались с Валери и Жан-Ивом; неудачный выбор. Два дня спустя я переехал в отель “Грейс”, всего в нескольких десятках метров от первого, но обстановка тут была совсем другой. Казалась, — это последнее место в Бангкоке, где еще селились сексуальные туристы-арабы. Они старались незаметно скользнуть вдоль стенки и по возможности не высовывать носа из гостиницы —

здесь имелась дискотека и собственный массажный салон. Изредка их можно было встретить на близлежащих улочках, где продавали кебаб и располагались международные переговорные пункты, а дальше — нет. Между прочим, сам того не желая, я приблизился к больнице Бумрунград.

Можно поддерживать в себе жизнь одним только чувством ненависти; многие люди так и делают. Ислам разбил мою жизнь, ислам — подходящий объект для ненависти; в течение нескольких дней я старательно проникался ненавистью к мусульманам. Мне это неплохо удавалось; я даже снова стал следить за международной политикой. Всякий раз, узнавая, что палестинский террорист, ребенок, беременная палестинка сражены пулей в секторе Газа, я радовался, что одним мусульманином на свете стало меньше. Что ж, и вправду, этим можно жить.

Однажды вечером в гостиничном кафе со мной заговорил банкир-иорданец. Этот любезный господин непременно пожелал угостить меня пивом; возможно, его угнетало насильственное затворничество в гостинице.

— Я понимаю здешних жителей, я на них не сержусь, — сказал он мне. — Мы сами виноваты. Тут не исламская земля, и непонятно, зачем тратить сотни миллионов на строительство мечетей. Не говоря уже о том взрыве... — Заметив, что я его внимательно слушаю, он заказал еще пива и расхрабрился. — К несчастью для мусульман, — продолжал он, — обещанный пророком рай уже существует на земле: есть места, где девушки сладострастно танцуют, ублажая мужчин, где можно опьяняться нектарами под звуки небесной музыки; таких мест штук двадцать в радиусе пятисот метров от гостиницы. Они легко доступны;

чтобы в них попасть, нет нужды исполнять семь обязанностей мусульманина и вести священную войну, достаточно заплатить несколько долларов. А чтобы увидеть их, вовсе не обязательно отправляться в дальнее путешествие — надо просто обзавестись параболической антенной.

Он нимало не сомневался, что исламский мир обречен: капитализм восторжествует. Молодые арабы думают только о потреблении да о сексе. Их заветная мечта — американский образ жизни, сколько бы они ни утверждали обратное; их агрессивность — лишь проявление бессильной зависти; к счастью, молодежь все больше отворачивается от ислама. Но сам он для этого уже стар, ему не повезло, он всю жизнь вынужден был подлаживаться к религии, которую презирал.

Вот и со мной примерно то же: настанет день, когда человечество освободится от ислама, но для меня это будет слишком поздно. Я, собственно, уже не живу; я жил в течение нескольких месяцев, что само по себе неплохо, не каждый может этим похвастаться. Увы, отсутствие желания жить не приводит автоматически к возникновению желания умереть.

Я увидел иорданца на другой день перед его отлетом в Амман; ему теперь целый год ждать следующего отпуска. Я был скорее рад его отъезду, иначе он наверняка затеял бы новую дискуссию, а мне от такой перспективы становилось не по себе: я теперь с трудом выносил интеллектуальные разговоры; я больше не стремился понять мир, ни даже просто его познать. Тем не менее наша беседа оставила во мне глубокий след; иорданец полностью убедил меня, что ислам обречен; вообще-то, если вдуматься, это и в самом деле очевидно. От этой мысли всю мою ненависть как рукой сняло. И я опять перестал интересоваться международной политикой.

Бангкок все-таки слишком походил на обычный город, там крутилось слишком много деловых людей, болталось слишком много туристов. Две недели спустя я сел в автобус и уехал в Паттайю. Этим и должно было кончиться, сказал я себе, но потом подумал: нет, я не прав, детерминизм здесь ни при чем. Я мог бы провести остаток дней с Валери в Таиланде, в Бретани, где угодно. Стареть вообще не здорово; стареть в одиночестве — хуже некуда.

Едва только я поставил чемодан на пыльную площадку автовокзала, я понял, что это и есть моя конечная станция. Старый, иссохший наркоман с длинными седыми волосами просил милостыню у турникета, на плече у него сидела большая ящерица. Я дал ему сто бат и зашел выпить пива в "Хайдельберг Хоф" напротив вокзала. На улицах раскачивали бедрами пузатые и усатые педерасты-немцы в рубашках в цветочек. Возле них три русские девчонки, три жалкие сосалки, развратные донельзя, извивались под орущий гетто-бластер¹, корчились, чуть ли по земле не катались. Кто только не повстречался мне на улице за несколь-

1 Гетто-бластер — переносная магнитола очень большой мощности.

ко минут: рэпперы в бейсболках, маргиналы из Голландии, киберпанки с красными волосами, лесбиянки-австриячки с пирсингом. Дальше Паттайи ехать некуда, это клоака, сточная канава, куда сносит все отбросы западного невроза. Будь ты хоть гомо-, хоть гетеросексуален, хоть и то и другое сразу, Паттайя — твой последний шанс, потом остается только отказаться от желаний. Отели, естественно, различаются по уровню комфорта и цен, а также по национальному составу проживающих. Две самые большие общины — немецкая и американская (в них растворены австралийцы и даже новозеландцы). Попадается немало русских, безошибочно узнаваемых по неотесанному виду и гангстерским замашкам. Есть заведение и для французов, называется “Ma maison”;¹ в гостинице всего десяток комнат, но ресторан пользуется успехом. Я прожил в ней целую неделю, пока не обнаружил, что не питаю особого пристрастия к французским сосискам и лягушачьим лапкам, могу обходиться без спутниковых трансляций чемпионата Франции по футболу, могу не просматривать ежедневно раздел культуры в газете “Монд”. Мне все равно надо было искать долговременное пристанище. Обычная туристическая виза выдается в Таиланде на месяц; однако, чтобы ее продлить, достаточно заново пересечь границу. В Паттайе множество агентств предлагают однодневную поездку на камбоджийскую границу и обратно: три часа на микроавтобусе, час или два в очереди на таможне, обед на камбоджийской территории (оплата обеда и чаевые таможенникам включены в стоимость путевки) — и назад. Большинство постоянно проживающих здесь

1 Мой дом (фр.).

иностранцев проделывают это ежемесячно; получить долгосрочную визу куда трудней.

В Паттайю приезжают не для того, чтобы начать жизнь заново, а для того, чтобы приемлемым образом ее закончить. Если хотите формулировку помягче — для того, чтобы взять тайм-аут, сделать длительную остановку, которая может оказаться последней. Именно так выразился один гомосексуалист лет пятидесяти, с которым я познакомился в ирландском пабе; большую часть жизни он проработал газетным верстальщиком и скопил немного денег. Проблемы начались у него лет десять назад: он продолжал ходить по вечерам в те же бары, что и обычно, но все чаще возвращался ни с чем. Разумеется, он мог бы получить свое за деньги, но если уж на то пошло, предпочитал платить азиатам. На этом месте своего рассказа он извинился и выразил надежду, что я не усматриваю в его словах расистского оттенка. Нет, ни в коем случае, я его понимал: унижительно платить человеку и думать, что, будь ты моложе, он бы любил тебя бесплатно; куда проще иметь дело с людьми, не вызывающими у тебя никаких воспоминаний и ассоциаций. Если секс платный, лучше, чтобы он был в какой-то мере недифференцированным. Всем известно, что первое впечатление, которое возникает при встрече с людьми другой расы, — это невозможность их дифференцировать, ощущение, что все лица похожи одно на другое. Если прожить в регионе несколько месяцев, впечатление рассеивается, а жаль — оно в известной мере отражает реальность: люди, в сущности, все ужасно схожи между собой. Можно, понятно, поделить их на мужчин и женщин; можно при желании провести границу между возрастными категориями, но более подробное членение есть педантизм,

навеянный, возможно, скукой. Скучающий индивид любит копаться в нюансах и выстраивать иерархии — это его характерное свойство. По Хатчинсону и Роулинзу, развитие систем иерархического главенства в животном сообществе не обусловлено практической необходимостью или естественным отбором; оно есть не что иное, как способ борьбы с угнетающей скукой природной жизни.

Итак, бывший верстальщик премило доживал свой век, услаждая себя за деньги стройными мускулистыми юношами со смуглой кожей. Раз в год он ездил во Францию навестить семью и кое-кого из друзей. Его сексуальная жизнь протекала не так бурно, как можно предположить, рассказывал он мне; он выходил раз или два в неделю, не чаще. В Паттайе он обосновался шесть лет назад; обилие дешевых и изысканных услуг приводит, как ни странно, к ослаблению желания. Он всякий раз был уверен, что сможет обработать и пососать прелестных мальчиков, а те ублажат его чувственно и умело. Коль скоро возможностей предоставлялось вдоволь, он пользовался ими умеренно и тщательно готовил каждый выход. Из его речи я понял, что во мне он видит гетеросексуальный аналог самому себе, то есть человека, обаянного сексуальным неистовством первых недель в Паттайе. Я не стал его разубеждать. Он держался приветливо, непременно пожелал сам заплатить за пиво, надавал мне адресов, где можно разместиться на долгий срок. Ему было приятно встретить соотечественника: проживающие здесь голубые были в большинстве своем англичане, он поддерживал с ними хорошие отношения, но время от времени ему хотелось поговорить на родном языке. С французской общиной, посещающей ресторан “Ma maison”, он ма-

ло общался; она состояла в основном из зажиточных гетеросексуалов, бывших колониальных чиновников и военных. Если я поселюсь в Паттайе, мы могли бы встречаться иногда вечером: все чин-чином, разумеется; он оставил мне номер своего мобильного. Я его записал, зная, что никогда не позвоню. Он был симпатичен, любезен, интересен даже, если хотите; просто я не желал больше общаться с людьми.

Я снял комнату на Наклуа-роуд, вдали от городской суеты. Тут имелись кондиционер, холодильник, душ, кровать и еще кое-что из мебели; стоило все три тысячи бат в месяц, то есть немногим более пятисот франков. Я сообщил адрес в свой банк и послал заявление об уходе в Министерство культуры.

У меня осталось очень мало дел в этой жизни. Я купил несколько пачек бумаги 21 x 29,7, решил записать кое-что из воспоминаний. Вообще людям следовало бы чаще это делать перед смертью. Странно думать, что столько народу проживает целую жизнь, не оставив о ней никаких соображений, никаких комментариев — ни словечка. Не то чтобы эти комментарии и соображения были кому-то адресованы или имели какой-то смысл; но все-таки мне кажется, лучше их написать.

Прошло полгода, я живу все там же, на Наклуа-роуд; кажется, я скоро закончу свою работу. Я скучаю по Валери. Если бы, начиная писать эти страницы, я надеялся смягчить боль потери или сделать терпимой, то теперь мог бы с уверенностью сказать: у меня ничего не вышло. Я страдаю от того, что Валери нет со мной, больше прежнего.

На третий месяц моего здесь существования я решил начать ходить в массажные салоны и секс-бары. Не скажу, чтобы меня туда очень тянуло, я опасался полного фиаско. Но нет, с эрекцией все было в порядке, просто ни разу больше я не испытывал удовольствия. Девушки, понятно, ни при чем, они не стали менее нежными и умелыми — это я сделался бесчувственным. Поначалу я продолжал раз в неделю посещать массажный салон, вроде как из принципа; потом бросил. Человеческих контактов предпочтительнее избегать. Если я не верил в возможность наслаждения для себя, наслаждение могла испытать девушка, тем более что мой бесчувственный прибор мог держаться часами, когда я собственным усилием не прерывал упражнения. А там, глядишь, мне захотелось бы доставлять ей наслаждение, у меня появилась бы какая-то цель, а это лишнее. Моя жизнь со-

вершенно пуста, и лучше ей такой остаться, потому что, если проберется в нее капля страсти, следом вскоре придет боль.

Моя книга приближается к завершению. Большую часть дня я теперь лежу на кровати. Иногда включаю утром кондиционер, а вечером выключаю; между этими двумя действиями не происходит ничего. К жужжанию кондиционера я привык, хотя вначале оно меня раздражало; но привык и к жаре, так что мне все равно, включен он или нет.

Я давно перестал покупать французские газеты; думаю, президентские выборы уже состоялись. Министерство культуры небось худо-бедно со своими обязанностями справляется. Может быть, Мари-Жанна меня иногда вспоминает, когда надо подсчитать бюджет выставки; я не пытался с ней связаться. Не знаю также, что стало с Жан-Ивом; после того как его уволили из "Авроры", он, наверное, работает на более низкой должности и, возможно, не связанной с туризмом.

Жизнь, из которой ушла любовь, становится в определенной степени условной и противоестественной. Ты сохраняешь человеческое обличье и повадки, но это внешнее; а сердце, как говорится, уже ни к чему не лежит.

Вниз по Наклуа-роуд проносятся мотороллеры, поднимая облака пыли. Уже полдень. Проститутки из отдаленных кварталов стягиваются к барам в центре города. Вряд ли я сегодня выйду из дома. Или, может, под вечер — съесть супу в лавчонке на углу.

Когда ты отказался от жизни, последние контакты, которые еще сохраняются, — это с лавочниками.

В моем случае они ограничиваются несколькими английскими словами. Я не говорю по-тайски, отчего вокруг меня само собой образуется тоскливое безвоздушное пространство. Возможно, я никогда понастоящему не пойму Азию; но это и не важно. В мире можно жить и не понимая его, надо только приспособиться получать пищу, ласки и любовь. В Паттайе пища и ласки стоят дешево по европейским и даже азиатским меркам. Что касается любви, мне трудно об этом говорить. Я твердо знаю: Валери была счастливым исключением. Она принадлежала к тем людям, которые способны посвятить жизнь счастью другого, сделать это своей целью. Для меня это загадочный феномен. В нем секрет счастья, простоты, радости; но я до сих пор не понял, как и почему такое может происходить. А если я не понял любовь, что толку стараться понять остальное?

Я до конца своих дней останусь сыном Европы, порождением тревоги и стыда; я не смогу сказать ничего обнадеживающего. К Западу я не испытываю ненависти, только огромное презрение. Я знаю одно: такие, как мы есть, мы смердим, ибо насквозь пропитаны эгоизмом, мазохизмом и смертью. Мы создали систему, в которой жить стало невозможно; и хуже того, мы продолжаем распространять ее на остальной мир.

Наступает вечер, над дверьми пивных баров зажигаются разноцветные гирлянды. Пожилые немцы садятся за столики, кладут толстую лапу на ляжку спутницы. Тревога и стыд знакомы им лучше, чем другим народам, потому им так необходимы эти нежные тела и мягкая освежающая кожа. Лучше, чем другим народам, им знакома жажда самоуничтожения. В их среде редко встретишь сытый вульгарный прагма-

тизм англо-американских туристов и привычку постоянно сопоставлять услугу и цену. Они редко занимаются гимнастикой, не стремятся поддержать тело в хорошей форме. Обычно они много едят, пьют много пива, жиреют; большинство из них скоро умрет. Многие из них приветливы, любят шутить, угощать, рассказывать анекдоты; общение с ними успокаивает и навеивает грусть.

Я понял смерть; не думаю, что она причинит мне страдания. Я познал ненависть, презрение, уныние и многое другое; я даже познал короткие мгновения любви. От меня не останется ничего, я и не заслуживаю того, чтоб от меня что-то осталось; я прожил заурядную во всех отношениях жизнь.

Почему-то я воображаю, что умру посреди ночи, и все-таки немного волнуюсь при мысли о боли, сопровождающей отделение души от тела. Мне трудно представить себе, чтобы жизнь прекратилась совсем безболезненно и незаметно; я знаю, я неправ, но мне трудно убедить себя в обратном.

Несколько дней спустя меня обнаружат аборигены; полагаю, довольно скоро; в здешних широтах трупы начинают быстро смердеть. Они не будут знать, что со мной делать; возможно, обратятся во французское посольство. Я не нищий, не бродяга, разобраться будет просто. На моем счету останется немало денег; не знаю, кому они достанутся, наверное, государству или, может, каким-то дальним родственникам.

В отличие от других азиатских народов, тайцы не верят в привидения и мало заботятся об участии покойников; чаще всего хоронят их в общей могиле. Поскольку я не оставляю специальных указаний, так же поступят и со мной. Выпишут свидетельство о

смерти и далеко отсюда, во Франции, поставят галочку в книге актов гражданского состояния. Кое-кто из бродячих торговцев, привыкших встречать меня на улице, покачает головой. Квартиру мою сдадут другому иностранцу. И меня забудут. Очень быстро.

Оглавление

Часть первая. Тропик Тай	9
Часть вторая. Конкретные преимущества ..	133
Часть третья. Паттайя-бич	319

0 1 6 Серия "ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ"

Художник А.Бондаренко

Технический редактор Л.Синицына

Корректоры Г.Асланянц, Г.Володина

Компьютерная верстка К.Москалев

Правовое обеспечение Адвокатское бюро
Александра Глушенкова

Изд. лиц. ИД № 02194 от 30.06.2000 "Иностранка".
Подписано в печать 25.11.2002. Формат 80 × 100 1/32.
Бумага "Novel". Гарнитура "Официна Санс".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,28.
Уч.-изд. л. 13,93. Тираж 7000 экз. Заказ № 709.

Издательство "Иностранка"
109017, Москва, ул.Пятницкая, 41

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП "Уральский рабочий"
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Серия

“ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ” —

это “ИЛЛЮМИНАТОР” нового века.
Издательство “ИНОСТРАНКА”
представляет книги
молодых зарубежных писателей,
уже завоевавших мировое признание
и претендующих на то,
чтобы завтра стать классиками.

В серии “ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ”

вышли:

- 009 Джон Ридли
 “Все горят в аду”
 перев. К. Медведева
- 010 Майгуль Аксельссон
 “Апрельская ведьма”
 перев. Е. Чевкиной
- 011 Фредерик Бегбедер
 “Каникулы в коме”
 перев. И. Кормильцева
- 012 Анна и Джейн Кэмпбелл
 “В блаженном угаре”
 перев. М. Макаровой

Серия

“ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ” —

это “ИЛЛЮМИНАТОР” нового века.
Издательство “ИНОСТРАНКА”
представляет книги
молодых зарубежных писателей,
уже завоевавших мировое признание
и претендующих на то,
чтобы завтра стать классиками.

*В серии “ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ”
выходят:*

- 013 Николас Блинкоу
 “Белые мыши”
 перев. С. Ильина
- 014 Бен Элтон
 “Смерть за стеклом”
 перев. А. Соколова
- 015 Али Смит
 “Отель-мир”
 перев. А. Финогеновой

Серия

“ИЛЛЮМИНАТОР” —

это лучшие произведения
мировой литературы
в лучших переводах,
выполненных мастерами
отечественной переводческой школы
для журнала “ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА”
и издательства “ИНОСТРАНКА”.

В серии “ИЛЛЮМИНАТОР”

вышли :

- 050 Тим О’Брайен
 “На Лесном озере”
 перев. Л. Мотылева
- 051 Ромен Гари
 “Повинная голова”
 перев. И. Кузнецовой
- 052 Джозеф Хеллер
 “Видит Бог”
 перев. С. Ильина

Серия

“ИЛЛЮМИНАТОР” —

это лучшие произведения
мировой литературы
в лучших переводах,
выполненных мастерами
отечественной переводческой школы
для журнала “ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА”
и издательства “ИНОСТРАНКА”.

В серии “ИЛЛЮМИНАТОР”

выходят :

- 053 Вуди Аллен
 “Шутки Господа”
 перев. О. Дормана
- 054 Ричард Хьюз
 “В опасности”
 перев. В. Голышева
- 055 Грэм Грин
 “Конец одного романа”
 перев. Н. Трауберг
- 056 Корнель Филипович
 “День накануне”
 Сборник

Серия

“ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ”

составленная Б. АКУНИНЫМ, —

это самые яркие произведения
самых знаменитых зарубежных беллетристов,
выпускаемые издательством “ИНОСТРАНКА”
под девизом
**СЕРЬЕЗНЫЙ ПОДХОД
К НЕСЕРЬЕЗНОМУ ЖАНРУ.**

В серии “ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ” выходят:

Жан-Пьер Милованофф
“Орелин”

Иэн Рэнкин
“Не на жизнь, а на смерть”

Элмор Леонард
“Бандиты”

Амели Нотомб
“Преступление”, “Ртуть”

*Серии "ИЛЛЮМИНАТОР" и "ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ"
оптом реализуют:*

В Москве

Издательско-книготорговая
фирма Б.С.Г.–ПРЕСС
ул. Гиляровского, 1
тел./факс (095) 207–5362 (склад)

Книжный клуб в "Олимпийском"
№№ 128, 173а, 295

В Санкт-Петербурге

Издательство "Симпозиум"
190000, г.Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
тел. (812) 314-8449; факс (812) 314-4613
e-mail: symposium @ online.ru

*В розницу книги издательства "ИНОСТРАНКА"
реализуют в Москве:*

Торговый дом "БИБЛИО–ГЛОБУС"
ул. Мясницкая, 6
тел. (095) 928–3567

МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ
ул. Новый Арбат, 8
тел. (095) 290–4507

Дом книги "МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
ул. Б.Полянка, 28
тел. (095) 238–5001

Книжный магазин "МОСКВА"
ул. Тверская, 8
тел. (095) 229–6483

Книжный магазин "AD MARGINEM"
1-й Новокузнецкий пер., 5/7
тел./факс (095) 951–9360

*Подписаться
на единственный в России журнал,
посвященный современной мировой литературе,
можно в любом отделении связи по каталогам
АПР (для регионов России, стран СНГ и Балтии)
УФПС (для Московской области)
и Моспочтамта (для Москвы)*

ИЛ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Подписные индексы:

70394
(на полгода)

72261
(на год)

*Москвичи и коллективные иногородние заказчики
могут подписаться и получать номера
прямо в редакции — это дешевле и надежнее.*

Наш адрес:

109017, Москва, Пятницкая ул., 41
(метро “Новокузнецкая”, “Третьяковская”).

Тел. 953-51-47

SPOKANE PUBLIC LIBRARY

3 7413 30872284 4

Plateforme

MICHEL HOUELLEBECQ

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

MICHEL HOUELLEBECQ
 Plateforme

©

Составитель

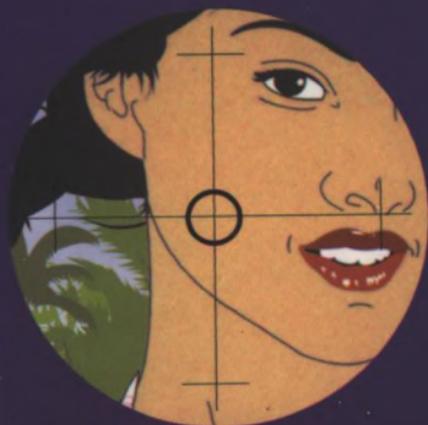
серии

И. Кормильцев

 014 *Бен Элтон*
 Смерть за стеклом

 015 *Али Смит*
 Отель-мир

 017 *Ник Кейв*
 И узре ослица Ангела
 Божия

 018 *Фредерик Бегбедер*
 Любовь живет три года

Мишель Уэльбек (род. 1958) – поэт, эссеист, прозаик, самый полемичный и самый продаваемый во Франции и в Европе автор. Роман “Элементарные частицы” (Les particules élémentaires, 1998), переведенный на 26 языков мира, номинировался на Гонкуровскую премию и удостоен “Гран-при” в области литературы и престижной Дублинской премии. Роман “Платформа” (Plateforme, 2001) получил приз Парижского кинофестиваля 2002 г. “Кинороман” (Ciné Roman), присуждаемый за лучшее литературное произведение, на которое следует обратить внимание ведущим кинорежиссерам с целью экранизации.

HILLYARD

 рует в
 лом. Н
 щий сре
 Франци
 а”, кото
 секс-ту
 оинств
 ислама”
